

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Овсейчик Ю.В.</i> Диахронические изменения в системе противительных союзов французского языка.....	5
<i>Комарнищкая Я.Ю.</i> Глаголы состояния в формах длительного аспекта в современном индийском английском языке.....	16
<i>Шкапенко Т.М., Дмитровская М.А.</i> Функционирование англоязычных заимствований в научно-образовательном дискурсе современного польского языка	22
<i>Цветова Н.С., Самсонова А.А.</i> К проблеме трансформации жанрового репертуара российского арт-медиадискурса.....	31
<i>Королёва И.А.</i> Двусловные личные имена: история и современность	43
<i>Лановая Т.В.</i> Активные словообразовательные модели русского языка на материале «короналексики».....	51

Литературоведение

<i>Любителева В.Н.</i> Кинодиалог как результат автоадаптации литературного текста (на материале киносценария «Room», 2015)	64
<i>Васкиневич А.И.</i> Немецкая духовная лирика в аллюзивном пространстве сказок К. Брентано	75
<i>Жилина Н.П.</i> Князь Михаил Тверской в думе Рылеева и в русской историографии: путь к святости.....	88

Педагогика и психология

<i>Симаева И.Н., Ларина А.Б., Локиа О.М., Насырова А.А., Старовойт Н.В., Щербакова Н.С.</i> Опыт реализации программы профессиональной переподготовки «Олигофренопедагогика» в гибридном формате	97
--	----

CONTENTS

Linguistics

<i>Auseichyk Yu. V.</i> Diachronic changes in the system of adversary conjunctions of the French language	5
<i>Komarnitskaya Ya. Yu.</i> State verbs in the progressive aspect in the contemporary Indian English.....	16
<i>Shkapenko T.M., Dmitrovskaya M.A.</i> Functioning of english loanwords in the scientific and educational discourse of the modern polish language	22
<i>Tsvetova N.S., Samsonova A.A.</i> To the problem of the genre repertoire transformations in the Russian art media discourse.....	31
<i>Koroleva I.A.</i> Two-stem names: history and current state	43
<i>Lanovaya T.V.</i> Active derivational models of the Russian language based on the «Corona» vocabulary	51

Literary studies

<i>Liubiteleva V.N.</i> Film dialogue as an auto-adaptation of a literary text (on the «Room» shooting script, 2015).....	64
<i>Vaskinevich A.I.</i> German spiritual lyrics in the allusive space of Clemens Brentano's fairy tales.....	75
<i>Zhilina N.P.</i> Prince Mikhail of Tver in Ryleev's Duma and in the Russian Historiography: the Path to Sainthood	88

Pedagogy and psychology

<i>Simaeva I.N., Larina A.B., Loksha O.M., Nasyrova A.A., Starovoit N.V., Sherbakova N.S.</i> On implementing the professional retraining program «Oligofrenopedagogics» in a hybrid format.....	97
--	----

УДК 811.133.1'36(045)

Ю. В. Овсейчик

**ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ
ПРОТИВИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

5

Поступила в редакцию 17.05.2021 г.

Рецензия от 30.06.2021 г.

Статья посвящена анализу сложных и неоднозначных исторических процессов в системе противительных союзов на раннем этапе развития французского языка (IX – XVI вв.). В результате сопоставления данных старо- и среднефранцузского подкорпусов Национального корпуса французского языка Frantext с применением дистрибутивного, функционально-семантического, логико-семантического и контекстуального анализа корпусных данных и использованием трансформационного метода устанавливаются количественные и качественные изменения в системе противительных союзов в указанные периоды. Показывается, что постепенное исчезновение союза *ainz* 'но', рост употребительности союза *mais* 'но' и появление новых единиц со специализированным противительным значением *seulement* 'только', *néanmoins* 'при всем том', *nonobstant* 'несмотря на', *cependant* 'между тем', *toutefois* 'однако, все-таки', *au contraire* 'наоборот', *pourtant* 'однако' представляют собой взаимообусловленные процессы и отражают нарастающую в языке тенденцию к аналитизму. Устанавливаются два нетождественных способа употребления новых противительных единиц, выступающих функциональными эквивалентами противительного союза *mais* 'но'. Определяется уподобление семантических и сочетаемостных свойств новых единиц противительному союзу *mais* 'но' (соединение двух компонентов, содержание которых либо противопоставляется, либо модифицируется). Обращается внимание на то, что новые единицы с противительным значением могут выступать в роли конкретизаторов союза *mais* 'но' в среднефранцузском языке.

*The article analyses complex and ambiguous historical processes in the system of adversative coordinators at the early stage of the development of the French language (IX – XVI centuries). After having analyzed the data of the Old and Middle French subcorpora of the French National Corpus Frantext with distributive, functional-semantic, logical-semantic and contextual instruments and the transformation method, the author established quantitative and qualitative changes in the system of adversative coordinators in the indicated periods. It is revealed that the gradual disappearance of the coordinator *ainz* 'but', the growth of the use of the coordinator *mais* 'but' and the emergence of new units with a specialized adversative meaning *seulement* 'only', *néanmoins* 'for all that', *nonobstant* 'despite', *cependant* 'meanwhile', *toutefois* 'however, nevertheless', *au contraire* 'on the contrary', *pourtant**

'however' are interdependent processes and reflect the growing tendency towards analyticism in the language. Two non-identical ways of using new adversative units are established, which are functional equivalents of the adversative coordinator *mais* 'but'. The author defines the assimilation of the semantic and combinable properties of new units to the adversative coordinator *mais* 'but' (a combination of two components, the content of which is either opposed or modified). New units with an adversative meaning can act as concretizers of the coordinator *mais* 'but' in the Middle French language.

Ключевые слова: сочинительный союз, противительные отношения, старофранцузский язык, среднефранцузский язык, семантика, диахронические изменения

6

Keywords: coordinator, adversative relations, Old and Middle French, semantics, diachronic changes

Введение

Существование в современном французском языке только одного противительного союза *mais* 'но' считается специфической особенностью французского языка по сравнению с другими языками, в которых для обозначения противительных отношений используются два союза [1; 14; 20]. В результате сопоставления с испанскими и немецкими коррелятами *pero/aber*, с одной стороны, и с *sino/sondern* — с другой, французские лингвисты О. Дюкро и Ж. Анскомбр дифференцируют два основных значения современного французского союза *mais* 'но' на основании его дистрибутивных свойств [6, p. 31]: либо союз предшествует утверждению, противоречащему ранее высказанному отрицанию, либо между соединенными посредством союза компонентами не существует логической связи, что требует уточнения, например за счет введения наречий *cependant* 'между тем' или *néanmoins* 'при всем том'. В современной трактовке два противопоставляемых употребления союза интерпретируются как «substitutive adversative coordination» для *mais* = *sino/sondern* и «conflicting expectations» для *mais* = *pero/aber* [15, p. 34].

В научных исследованиях в области диахронических изменений отмечается, что семантическая неоднозначность союза *mais* 'но' присуща уже для старо- и среднефранцузского языков (IX—XVI вв.). Ранний период становления французского языка и особенно период среднефранцузского языка характеризуются как «une synchronie complexe ou hétérogène» — «синхронность сложная или неоднородная» (здесь и далее перевод наш. — Ю.О.) [17, p. 22]. Отсутствие кодифицированной нормы и нарастающая тенденция к аналитизму, обусловленная потребностью говорящих в обозначении разнообразных логических отношений между сущностями, приводят к взаимосвязанным процессам в системе сочинительных союзов в целом, затрагивая в частности и систему противительных союзов.

Наличие в ранний период развития французского языка двух противительных союзов *mais* 'но' и *ainz* 'но' неоднократно являлось объектом лингвистических исследований [7; 16; 18; 22 и др.]. Так, в своих ра-

ботах А. Родригес-Сомолинос и Ж. Антуан обращают внимание на вытеснение из системы сочинительных союзов союза *ains* и его замену союзом *mais*, указывая на синтаксическую общность союзов [21], а также на их семантическую общность [7]. Лингвисты сходятся во мнении об исключительно присущей союзу *ains* «la plus grande force adversative» – «величайшей силе противопоставления» [7; 16; 18; 21; 22]. Высказываются разнообразные точки зрения на причины исчезновения старофранцузского союза *ains*: от тенденции к экономии (один знак = одна форма) [7] до замены союза *ains* наречием *au contraire* ‘напротив’ [10; 19].

Для нашего исследования релевантен тезис французского лингвиста К. Марчело-Ницца о том, что «исчезновение языковых единиц обычно появляется только как эпифеномен, следствие другого изменения» [17, p. 103].

В статье представлены результаты диахронического исследования функционирования союзов *mais* и *ainz* с привлечением обширного эмпирического материала. Использовались данные старо- и среднефранцузского подкорпусов Национального корпуса французского языка Frantext [13], включающих соответственно 59 документов XI–XIII вв. общим объемом 2829657 словоупотреблений и 339 документов XIII–XVI вв., или 11244215 словоупотреблений.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, какие процессы сопровождают постепенное исчезновение противительного союза *ainz* ‘но’ и рост употребительности союза *mais* ‘но’ в ранний период становления французского языка.

Основная часть

Существенные изменения в системе сочинительных союзов на протяжении старо- и среднефранцузского периодов становятся очевидными при сопоставлении качественных и количественных характеристик исследуемых единиц на двух синхронных срезах. Под качественными характеристиками мы понимаем семантические свойства союза (выражение союзом отношения между ситуациями реальной действительности), под количественными – его употребительность (частотность).

Одновременное употребление двух противительных союзов *mais* и *ainz* в период старо- и среднефранцузского языков обнаруживает определенные особенности. Обзор работ в области французской романистики [2; 16; 21; 22 и др.] позволил обозначить как общие, интегральные, так и отличные, дифференциальные семантические свойства двух союзов в исследуемые периоды.

Оба союза *mais* и *ainz* служат для соединения компонентов *P* и *Q*, содержание которых противопоставляется. Употребляемые в схожих контекстах исследуемые единицы предшествуют утверждению, противоречащему ранее высказанному отрицанию (= *sino/sondern*). Союзы *mais* и *ainz* квалифицируются романистами как выступающие в роли союза «excluant» – исключающего [18, p. 97], или, в трактовке Дюкро, «rectificatif» – корректирующего/исправляющего [6, p. 33]. Ж. Клайбер присваивает им статус «оператора инверсии» [16, p. 283] в подобных контекстах. Союзы *mais* и *ainz* сообщают о невозможности сосуществования

двух явлений или событий в реальной действительности, основанной на жизненной закономерности. Между соединяемыми компонентами устанавливается отношение собственно противопоставления: существование *P* исключает существование *Q*. В общем виде, согласно Е. Урысон, «имеет место следующая ситуация 'обычно ситуация типа *P* влияет на положение дел; в результате если имеет место ситуация типа *P*, то не имеет место ситуация типа *Q*'» [5, с. 173]. В дальнейшем для обозначаемых союзами логических отношений используем краткую формулировку 'если существует *P*, то не существует *Q*'. В приведенных ниже примерах с исследуемыми союзами противопоставление между компонентами *P* и *Q* основано на взаимоисключении: *P* 'быть смертным' ≠ *Q* 'быть дьяволом' (пример i) и *P* 'быть слугой' ≠ *Q* 'быть господином' (пример ii):

(i) *Ce n'est mie un homme mortel, ains est un deable* 'Он не смертный человек, но дьявол';

(ii) *Vallet ne seray plus, mais maistre* 'Я не буду больше слугой, но господином' (цит. по: [2]).

Отличие между союзами *mais* и *ainz* сводится к следующему. Функционирование союза *ains* ограничено наличием отрицания в первом сочиненном компоненте. Между тем союз *mais* обладает свойством маркировать второй сочиненный компонент как предпочтительный, более уместный для данного положения дел [8; 12]. Союз маркирует связь между двумя компонентами, существование которых не взаимоисключается. Ситуация интерпретируется следующим образом: 'если существует *P*, то существует и *Q*'. Вводимый союзом второй компонент предназначен для модификации первого и не отрицает его полностью [18, р. 123; 21, р. 462]. В результате когнитивной операции говорящий кодирует с помощью союза разнообразные отношения противопоставления между любыми типами фактов, событий, положений дел и суждений: противительно-пояснительное, противительно-возместительное, противительно-присоединительное, противительно-ограничительное и др. [3].

Сказанное позволяет выделить в семантической структуре союза *mais* 'но' два компонента: *mais*₁ (= *per* (исп.) и *aber* (нем.)) и *mais*₂ (= *ains* = *sino* (исп.) и *sondern* (нем.)). *Mais*₁ обозначает изменение, исправление или сужение уже высказанного, *mais*₂ выражает исключение или отмену уже высказанной идеи, которая всегда отрицательна.

Сопоставление количественных характеристик союзов *mais* и *ainz* на двух синхронных срезах позволяет сделать два существенных наблюдения относительно изменения их употребительности.

О растущей значимости единицы *mais* в указании на противительные отношения свидетельствует ее большая употребительность по сравнению с союзом *ainz*, что показывают результаты проведенной серии корпусных исследований. Количество вхождений союза *mais* значительно превосходит количество вхождений союза *ainz* в двух подкорпусах (5109 vs 605 в старофранцузском и 26 163 vs 710 в среднефранцузском)¹.

¹ Период обращений к Корпусу — ноябрь — декабрь 2020 г.

Количественные данные о вхождении исследуемых единиц позволяют сделать вывод о резком снижении употребительности союза *ains*. В среднефранцузском подкорпусе лишь 10 вхождений союза *ains* из 710 приходится на период с 1360 по 1409 г.

Поскольку «исчезновения без замещения не существует» [9, р. 3], полагаем, что исчезновение одной единицы сопровождается либо появлением другой, которая отвечает коммуникативным потребностям говорящих, либо возникновением ряда единиц другого класса, которые выполняют аналогичные функции, то есть обозначают противительные отношения между некоторыми сущностями.

Обращение к лексикографическим и этимологическим источникам [8; 12; 23] позволило выявить семь единиц со значением противопоставления, первая письменная фиксация которых относится к раннему периоду развития языка: *au contraire* 'наоборот', *seulement* 'только', *pourtant* 'однако, тем не менее, все-таки', *toutefois* 'однако, все-таки', *néanmoins* 'тем не менее, однако, при всем том', *cependant* 'между тем', *nonobstant* 'тем не менее, однако'.

Появление новых единиц — функциональных эквивалентов современного противительного союза *mais* — является процессом постепенным и ступенчатым и охватывает промежуток времени в три столетия. В лексикографическом описании для приведенных единиц имеется помета о времени начала их употребления с противительным значением. В таблице 1 приведена хронологическая последовательность появления единиц от момента их первой письменной фиксации (T₁) до момента, когда впервые фиксируется употребление единицы со значением противопоставления (T₂).

Таблица 1

Хронология появления лексических единиц с противительной семантикой [8; 23]

Лексические единицы	T ₁	T ₂
<i>au contraire</i>	1100 г.	1370 г.
<i>seulement</i>	1121 г.	Начало XVI в.
<i>pourtant</i>	1160 г.	1445 г.
<i>toutefois</i>	1180 г.	1284 г.
<i>néanmoins</i>	2-я половина XIII в.	Не указано
<i>cependant</i>	1278 г.	1541 г.
<i>nonobstant</i>	1336 г.	1480 г.

Новые единицы представляют собой результат лексикализации причастных, именных, наречных оборотов либо грамматикализации предложных и наречных сочетаний. Согласно этимологическим словарям, исходные значения представленных выше единиц включают семантические признаки, которые обозначают причину (*pourtant* < per cette raison 'по этой причине'), время (*cependant* < cela étant pendant 'в то время как'), *toutefois* < totes les foiz que 'каждый раз'), пространство

(*nonobstant* < *obstare* 'стоять напротив', *au contraire* < *contra* 'напротив'), исключение (*seulement* < *sulement* 'исключительно', *néanmoins* < *niënt meins* 'не менее') [8; 23]. Указание на определенный тип отношений послужило в последующем основанием для обозначения данными единицами отношения противопоставления между разнообразными сущностями. Выявленные единицы в современном языке относятся к классу наречий и выполняют связующую функцию между предикативными единицами [14; 20].

Результаты сопоставления количественных показателей вхождения новых лексических единиц в подкорпусах старо-/среднефранцузского языков свидетельствуют об их увеличивающейся употребительности, отражающей растущую потребность носителей языка в экспликации разнообразных противительных отношений. Ср.: *seulement* 'только' (239 / 2546), *au contraire* 'наоборот' (1 / 684), *pourtant* 'однако' (5 / 611), *nonobstant* 'несмотря на' (0 / 464), *toutefois* 'однако, все-таки' (0 / 216), *cependant* 'между' (0 / 191), *néanmoins* 'при всем том' (0 / 14).

Отметим, однако, что употребительность новообразованных единиц с семантикой противопоставления значительно ниже употребительности союза *mais*, количество вхождений которого в 5,5 раз превышает общее количество вхождений всех упомянутых единиц в подкорпусе среднефранцузского языка (26 163 vs 4726 соответственно).

В результате дистрибутивного анализа выявлено, что в период среднефранцузского языка новые единицы соединяют противопоставленные части *P* и *Q* при сохранении порядка следования компонентов по аналогии с союзами *mais* и *ainz*. Реализуется модель $P \text{ rel}_{\text{противопоставления}} Q$ (где *rel* — реляционная единица), в которой все семь единиц занимают позицию непосредственно перед вторым компонентом, выдвигая в коммуникативный фокус его когнитивную и прагматическую значимость.

Функционально-семантический и контекстуальный анализ корпусных данных позволяет дифференцировать два нетождественных способа употребления наречий *pourtant*, *cependant*, *toutefois*, *nonobstant*, *au contraire*, *seulement* и *néanmoins* в зависимости от содержания соединяемых компонентов. В первом случае речь идет о ситуациях, содержание которых интерпретируется следующим образом: 'если существует *P*, то не существует *Q*'. Говорящий производит своеобразное одномоментное «двойное движение опровержения и утверждения» [11, p. 103]. Толкование противительной семантики единиц идентично толкованию союза *mais*₂. Во втором случае наблюдается ситуация 'если существует *P*, то существует и *Q*'. Говорящий модифицирует содержание первого компонента с последующей заменой на соответствующее существующему положению дел утверждение. Единицы с противительным значением проявляют схожие с союзом *mais*₁ семантические свойства.

Перейдем к рассмотрению противительной семантики анализируемых единиц в период среднефранцузского языка.

Лексема *au contraire* указывает на противопоставление двух утверждений, представляющих либо несовместимые положения дел, первое

из которых опровергается вторым (пример 1), либо противоположные по содержанию высказывания, каждое из которых соответствует действительности (пример 2):

(1) *Mais il ne prit pas son chemin vers Amurat comme il disoit, au contraire [= mais₂] il tourna court tout aussi tost qu'il fut hors des trenches, pour aller gagner le Danube.* – Но он не двинулся в Амурат, как он говорил, наоборот, как только вышел из окопов, он быстро свернул, чтобы выйти к Дунаю (B. de Vignière, *L'Histoire de la décadence de l'Empire grec*, 1577 [13]);

(2) *Pour che dist l'Apostre: «Instruiséz chelui qui aprend en esperit de bonne douleur». Au contraire [= mais₁] est dit en Proverbes: «L'esperit qui se corrouche de legier, qui le pourra soubstenir?»* – И как говорит Апостол: «Наставляйте обучающегося в духе добра». Напротив, в Притчах сказано: «Дух, испорченный легкостью, кто сможет его поддержать?» (J. Daudin, *De la erudition ou enseignement des enfans nobles*, 1360 [13]).

11

Функционируя в качестве реляционных единиц, лексемы *toutefois* и *pourtant* маркируют второй компонент как сопутствующий, но противоположный первому, обозначая противительные-присоединительные отношения:

(3) *Et ja soit che que la doctrine de poetrie soit proufitable quant aux rigles des metres ou des vers, toutefois [= mais₁] elle est inutile, voire tres mauvaise, au regart des fables.* – И я уверен, что доктрины поэзии полезны в отношении правил метрики или стихов, однако они бесполезны, даже очень плохи по отношению к басням (J. Daudin, *De la erudition ou enseignement des enfans nobles*, 1360 [13]);

(4) *...il ontz eut ensemble aulcune question pourtant [= mais₁] n'az pas layssé a faire son menage et ovrage...* – ...у них вместе не было вопросов, тем не менее ему не потребовалось много времени, чтобы привести в порядок свой дом и дело... (Collectivité, *Registres du Consistoire de Genève au temps de Calvin*, 1542 [13]).

Лексема *sependant* в период среднефранцузского языка выполняет функцию союзного оборота, обозначая одновременность действий, событий или состояний, представленных в соединенных компонентах. Постепенно развивается значение противопоставления двух одновременных действий, событий или состояний. Например:

(5) *L'escrivain de la gallée et deux de nos truchemens descendirent en Terre Sainte pour porter les lettres de nostre patron pour avoir congié de descendre en terre. Sependant [= mais₁], nous demourasmes là, sans aller avant et arriere, quatre jours jusques au retour dudict escrivain.* – Летописец нашего похода и двое наших братьев отправились на Святую Землю, чтобы отнести письма нашего покровителя для позволения спуститься на землю. Однако мы пробыли там, не покидая места, четыре дня до возвращения наших людей (Anonyme, *Le Voyage de la Sainte Cyté de Hierusalem*, 1480 [13]).

Лексема *néanmoins* присоединяет предикативную единицу, содержание которой уточняет первый компонент, маркируя отношения противительно-пояснительные:

(6) *La Sainte Escripiture soit incomparablement plus a prisierque philosophie ne autre science humaine, néanmoins [= mais₁] la doctrine est plus aggreable la quelle contient en soy tesmoignages divers et sciences pluseurs.* – Священное Писание несравнимо более ценится, чем философия и любая другая гуманитарная наука, тем не менее та доктрина более доступна, которая содержит в себе различные свидетельства и научные доводы (J. Legrand, Archiloge Sophie, 1400 [13]).

12

Для указания на несовместимый характер отношения между событиями, явлениями, состояниями используются наречия *nonobstant* и *au contraire*:

(7) *Je ne suis pas de ceux qui l'ont accusé d'avoir tué Cléandre, au contraire [= mais₂] je suis celle qu'ay defendu son innocence.* – Я не из тех, кто обвинил его в убийстве Клеандра, напротив, я защищала его невиновность (V. d'Audi-guier, Histoire trage-comique de nostre temps, 1424 [13]);

(8) *Nul mouvement de chose pesante ou legiere ne peut estre regulier du tout, que la vertumotive et la resistance soient tellement proporcionees et moderees que aucune partie de tel mouvement seroit reguliere, nonobstant [= mais₂] celle qualité desusdite.* – Никакое движение тяжелого или легкого предмета не может быть вообще регулярным, и вращательное движение и сопротивление настолько пропорциональны и уравновешены, что никакая часть такого движения не будет регулярной, несмотря на указанное выше качество (N. Oresme, Le Livre du ciel et du monde, 1377 [13]).

В ходе исследования установлено, что новые единицы в 12% выявленных контекстов выступают в роли конкретизатора противительного союза *mais* 'но' (табл. 2). В роли конкретизатора союза *ains* в единичных контекстах используется наречие *au contraire*, что в последующем, в период классического языка, будет признано избыточным и исключено из употребления грамматистами-пуристами [24, p. 151].

Таблица 2

Количество вхождений союза *mais* 'но' в сочетании с конкретизирующими противительными наречиями в среднефранцузском подкорпусе

Conj + Adv	Количество единиц	%
<i>mais seulement</i> 'но только'	534	88
<i>mais au contraire</i> 'но наоборот'	34	5,6
<i>mais pourtant</i> 'но однако'	15	2,5
<i>mais nonobstant</i> 'но несмотря на'	12	2
<i>mais toutefois</i> 'но все-таки'	7	1,2
<i>mais cependant</i> 'но между тем'	3	0,5
<i>mais néanmoins</i> 'но при всем том'	2	0,3
Всего	607	100

Как следует из таблицы, новообразованные единицы по-разному проявляют себя в роли конкретизатора противительного союза *mais*. Очевидно, что единица с высокой частотностью (*seulement*) чаще других выступает в этой роли. Остальные единицы в сочетании с союзом демонстрируют низкую частотность. Закономерно возникает вопрос о плеонастическом характере сочетаний. Однако ни в одном лексикографическом издании не указывается на употребление сочетания союза *mais* и наречий при соединении двух противопоставленных частей как излишнее для смысловой полноты. Возможность их сочетаемости рассматривается с точки зрения уточнения типа противительного отношения, маркированного союзом *mais* 'но' [11].

Рассмотрим примеры. Высокая частотность сочетания лексемы *seulement* 'только' и союза *mais* объясняется как препозитивным (47,6% от 534), так и постпозитивным (52,4% от 534) употреблением наречия в роли уточнителя союза. Случаи препозитивного употребления наречия к союзу здесь не рассматриваются. Сочетание *mais seulement* 'но только' выражает противительно-возместительные (пример 9) и противительно-ограничительные (пример 10) отношения и не является на данном этапе развития языка устойчивым, о чем свидетельствует возможность использования других лексем между двумя единицами:

(9) ...*ne procede point du Filz, mais du Pere seulement*. — ...не исходит от сына, а только от Отца (P. Bersuire, Les Décades de Titus Livius, 1354 [13]);

(10) ...*toute chose ne soit pasa amer, mais tant seulement ce qui est bien honneste ou bien qui est utile*. — ...не все можно любить, а только то, что очень честно или полезно (J. Daudin, De la erudition ou enseignement des enfans nobles, 1360 [13]).

Низкую частотность демонстрируют сочетания союза с лексемами *au contraire* 'наоборот', *pourtant* 'однако' и *nonobstant* 'несмотря на', которые соединяют два утверждения, относящиеся к одному положению дел. Несмотря на то что одно утверждение не опровергает другое, они все же противопоставлены, поскольку рассматриваемое положение дел представляется с другой точки зрения. Используемая лексика только подчеркивает противопоставление, которое уточняется, поясняется, конкретизируется: *gouvernee sans injure* 'управлять без оскорблений' / *gouvernee sans justice* 'управлять без справедливости' (пример 11); *largece est vertu* 'щедрость есть добродетель' / *prodigalité est vice* 'расточительство есть порок' (пример 12); *à grant peine venir à leurs deffenses* 'защищаться с трудом' / *se deffendoyent asprement* 'защищаться отчаянно' (пример 13).

(11) ...*il feust confermé que ce que l'en dit que la chose publique ne puist estre gouvernee sans injure n'est pas seulement faux, mais au contraire est tres vraye chose que elle ne puest estre gouvernee sans souverainne justice*. — ...было подтверждено, что сказанное ему о том, что общественным делом нельзя управлять без оскорбления, не только ложно, но, наоборот, очень верно, что им нельзя управлять без суверенной справедливости (R. de Presle, La Cité de Dieu de Saint Augustin, 1371 [13]);

(12) *Si comme par exemple, largece est vertu, mais non pourtant quant elle est excessive et trop, elletourne en fole largece que on dit prodigalité, laquelchose est vice.* – Если, например, щедрость – это добродетель, но, однако, не тогда, когда она чрезмерна и слишком велика, когда она превращается в расточительство, которое сводит с ума, что, мы считаем, есть порок (Ch. de Pisan, Epistre de la prison de vie humaine, 1416 [13]);

(13) *Les archiers tiroient fleches si dru et si souvent queles Gantois povoient à grant peine venir à leurs deffenses; mais nonobstant ilz se deffendoient asprement.* – Лучники стреляли стрелами так сильно и так часто, что жители Гента с трудом могли встать на защиту, но, тем не менее, они защищались отчаянно (O. de La Marche, Mémoires, 1470 [13]).

Выводы

На основе вышеизложенного следует заключить, что существенные изменения в системе средств выражения противительных отношений представляют два разнонаправленных взаимообусловленных процесса в старо- и среднефранцузский периоды развития языка. Во-первых, в системе сочинительных союзов из двух противительных союзов *mais* и *ainz* сохраняется более употребительный союз *mais*, характеризующийся максимально широкими семантическими возможностями. Во-вторых, одна исчезающая единица (союз *ains*) компенсируется появлением новых морфологически более сложных единиц другого класса (наречия *pourtant*, *cependant*, *toutefois*, *nonobstant*, *au contraire*, *seulement*, *néanmoins*) с узкоспециализированным противительным значением. Новые единицы обладают схожими с союзом *mais* семантическими и сочетаемостными свойствами, а именно соединяют две предикативные единицы, содержание которых либо противопоставляется, либо модифицируется. Одновременное упрощение и усложнение в частной системе сочинительных союзов свидетельствует о потребности говорящего дифференцировать разнообразие противительных отношений (несовместимость, присоединение, замещение, пояснение, ограничение и т.д.), что отражает, с одной стороны, нарастающую в языке тенденцию к аналитизму, а, с другой стороны, значимость противительных отношений в восприятии окружающей действительности в ранний период развития языка.

Список литературы

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
2. Медведева С.В. Основные пути развития системы противительных связей в среднефранцузский период (простое и сложное предложение) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
3. Овсейчик Ю.В. Дифференциация противительных отношений в семантике союза *mais* 'но' (диахронический аспект) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2021. №1 (110). С. 77–87.
4. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

5. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
6. *Anscombe J.-C., Ducrot O.* Deux mais en français? // *Lingua*. 1977. №43. P. 23–40.
7. *Antoine G.* La coordination en français. Réimpr.: P., 1958–1962. P., 1996.
8. *Centre National des ressources textuelles et lexicales.* URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 18.03.2021).
9. *Combettes B.* Approche diachronique des adverbiaux contextuels // *LINX*. 1995. №3. P. 33–50.
10. *Danjou-Flaux N.* Au contraire connecteur adversatif // *Cahiers de linguistique française*. 1983. №5. P. 275–303.
11. *Danjou-Flaux N.* Adversité et cohésion du discours // *Modèles linguistiques*. 1986. T. 8, №1. P. 95–114.
12. *Dictionnaire du Moyen Français.* URL: <http://www.atilf.fr/dmf/> (дата обращения: 20.03.2021).
13. *Frantext.* Национальный корпус французского языка. URL: <http://www.frantexte.fr> (дата обращения: 29.12.2020).
14. *Grevisse M.* Le bon usage. Grammaire française. P., 2018.
15. *Haspelmath M.* Coordination // T. Shopen (ed.). *Language typology and linguistic description*. Cambridge, 2009. Vol. 2. P. 3–50.
16. *Kleiber G.* Sur l'emploi adversatif de mais et ainz (ainçois) en ancien français // *Travaux de linguistique et de littérature*. 1978. T. XVI, №1. P. 271–292.
17. *Marchello-Nizia Ch.* Grammaticalisation et changement linguistique. Bruxelles, 2006.
18. *Melander J.* Etude sur MAGIS et les expressions adversatives dans les langues romanes. Upsal, 1916.
19. *Mokni M.* Ains/au contraire de la cooccurrence à la concurrence // Durand J., Habert B., Laks B. (éds.). *Diachronie, histoire de la langue : Congrès Mondial de Linguistique Française (CMLF'08)*. P., 2008. P. 279–293.
20. *Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R.* Grammaire méthodique du français. P., 2016.
21. *Rodriguez-Somolinos A.* Ainz et mais en ancien français // *Romania*. 2002. T. 120, №477–478. P. 505–541.
22. *Rodriguez-Somolinos A.* Mais, ains, ainçois, en moyen français: syntaxe et sémantique // *Le moyen français*. 2000. №46–47: La Recherche, Bilan et Perspectives. P. 449–467.
23. *Trésor de la Langue Française.* URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения: 20.03.2021).
24. *Vaugelas C.F. de.* Remarques sur la langue française. Réimpr.: P., 1647. Genève, 1970.

Об авторе

Юлия Владимировна Овсейчик — канд. филол. наук, доц., Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь.

E-mail: ovsei77@rambler.ru

The author

Dr Yulia V. Auseichyk, Associate Professor, Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus.

E-mail: ovsei77@rambler.ru

Я. Ю. Комарницкая

ГЛАГОЛЫ СОСТОЯНИЯ В ФОРМАХ ДЛИТЕЛЬНОГО АСПЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ИНДИЙСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Поступила в редакцию 15.05.2021 г.

Рецензия от 01.07.2021 г.

16

Представлены результаты анализа текстов англоязычной периодической печати и произведений англоязычных индийских писателей на предмет использования форм длительного аспекта (Progressive / Continuous aspect) с группами глаголов состояния: физического восприятия, эмоционального состояния и мыслительной деятельности. Материалом исследования послужили аутентичные тексты индийских национальных и региональных печатных СМИ: редакционные и новостные материалы, интервью, брачные объявления. Проведенный анализ аутентичных англоязычных индийских текстов позволяет рассматривать использование глаголов состояния в видовременных формах длительного аспекта как один из характерных признаков индийского варианта английского языка.

The article analyzes the texts of the English-language periodicals and the works of the English-speaking Indian writers to see how the continuous aspect (Progressive / Continuous aspect) is used with state verbs: physical perception, emotional state and mental activity. Authentic texts of Indian national and regional print media were used as research material: editorial and news materials, interviews, wedding announcements. The analysis of authentic English-language Indian texts allows us to consider the use of state verbs in the temporal forms of the long-term aspect as one of the characteristic features of the current Indian version of the English language.

Ключевые слова: индийский вариант английского языка, нативизация, этап дифференциации, глаголы состояния, длительный аспект

Keywords: Indian English, nativisation, differentiation stage, stative verbs, Progressive (Continuous) aspect

Введение

Язык — один из наиболее заметных элементов колониального наследия, особенно в странах, побывавших под господством Британской империи. Это утверждение справедливо и по отношению к Республике Индия; так, многие известные произведения постколониальной индийской литературы написаны на английском языке. Многие индийские газеты и журналы издаются на английском языке. Поскольку язык «предоставляет термины, с помощью которых можно конституировать реальность», и «имена, с помощью которых можно “познавать мир”»,

то можно предположить, что воздействие языка в колонизированной стране выходит за рамки основной функции речи как коммуникации и приобретает большую культурную значимость [3].

Как известно, язык служит ведущим средством самоидентификации. В связи с тем, что проблема самоидентификации особенно остра на постколониальных территориях, стандарты нормативного, или «правильного», английского языка, взятые за основу, часто пересматриваются под влиянием узуса и необходимости сохранения национальной культуры.

Динамическая модель постколониальных вариантов английского языка, разработанная Э.В. Шнайдером, опирается на социолингвистический принцип «идентичности языкового варианта окружающей его действительности» и включает в себя пять этапов «развития варианта языка: становление, экзонормативная стабилизация, нативизация, эндонормативная стабилизация и дифференциация» [12, р. 37]. Согласно этой модели, сначала происходит последовательная языковая *интеракция* английского и местных языков, используемых для общения, и формируется ряд диалектов. На втором этапе упорядочивается *единый диалект*, вобравший в себя формализованные нормы вариантов английского внутреннего круга. Затем, на этапе *нативизации*, диалект начинает использоваться носителями автохтонных языков для отражения реалий, присущих их социуму. На последующем этапе, *эндонормативной стабилизации*, этот сформировавшийся диалект развивается, вырабатывая собственный комплекс норм. Для заключительного этапа, *дифференциации*, характерно проявление в сформировавшемся диалекте признаков языкового варианта, который наделяется свойством трансформации в различных социолингвистических ситуациях [5].

Мы рассматриваем применение в современном индийском английском языке видовременных форм Progressive / Continuous с глаголами физического восприятия, эмоционального состояния и мыслительной деятельности.

Результаты исследования

В ходе проведенных нами исследований устной разговорной речи носителей индийского варианта английского и непосредственного наблюдения было выявлено широкое употребление форм длительного аспекта (Progressive / Continuous aspect) с группой глаголов, с которыми в нормированном английском языке эта форма, как правило, не используется: физического и чувственного восприятия, умственных процессов, обладания чем-либо. Мы отобрали и проанализировали ряд текущих статей из разнообразных рубрик национальных и региональных ежедневных газет Индии: новостных статей (НС), редакционных статей (РС), статей-интервью (СИ), писем читателей (ПЧ) и брачных объявлений (БО). Анализ многочисленных публицистических и художественных текстов, то есть материалов письменной речи, подтверждает, что для индийского варианта английского языка характерно употребление глаголов состояния в форме продолжительного аспекта.

Употребление глаголов во временах группы Continuous (Progressive) вместо Simple многими исследователями отмечалось как типичное для индийского варианта английского языка [1]. Причем данное замечание относится к процессу нативизации английского языка в Индии.

В частности отмечается, что англоязычные индийские писатели-классики, такие как М.Р. Ананд (M.R. Anand), С. Рушди (S. Rushdie), В. Сет (V. Seth), отдавали предпочтение видовременным формам продолжительного аспекта [10]. Это касается и тех немалочисленных случаев, когда формы Progressive (Continuous) употреблялись с глаголами состояния:

- i. I **am not remembering** now which place... [13] (форма be not remember + -ing используется вместо do not + remember).
- ii. I **have been meaning** to ask... [11] (форма have been + **mean** + -ing употребляется вместо **meant** (II форма глагола mean)).
- iii. ...We **were hoping** you could help us with that [9] (форма **were** + **hope** + -ing используется вместо **hope** + ed).

В примере (i) с глаголом мышления и чувства *to remember* применяется Present Progressive (Continuous) вместо Present Simple. В примере (ii) вместо времени Past Simple и, соответственно, употребления неправильного глагола *to mean* во II форме автор использует Past Perfect Progressive (Continuous). В примере (iii) глагол *to hope* также имеет видовременную форму Past Progressive (Continuous), так как писатель заменяет Past Simple на Past Progressive (Continuous).

Ср. другие аналогичные примеры:

- iv. ...That is what the Public **is wanting!** [8].
- v. ...She **is sounding** worried now... [2].
- vi. ...And I **am not caring** so much for small defect in well-known brand soap [13].
- vii. I **have been wishing** for a long time to apologize... [11].
- viii. He **was not being** sympathetic... [8].

Как известно, до настоящего момента в нормированном английском видовременная форма Continuous не употребляется со списком глаголов, передающих эмоциональные состояния: *to prefer* – предпочитать; *to like* – нравиться; *to love* – любить; *to hate* – ненавидеть; *to wish* – желать; *to desire* – сильно желать; *to want* – хотеть; *to fear* – бояться; *to seem* – казаться; *to need* – нуждаться; *to satisfy* – удовлетворять; *to envy* – завидовать.

Ниже представлены примеры из индийской англоязычной прессы, в которых данное правило английского языка не соблюдается:

- ix. ...Just because everybody **is desiring** to hold SZIC's director's seat... (PC).
- x. ...Celebrities and fellow workers **are wishing** the actress for more glorious years ahead... (HC).
- xi. The corrupt and the criminals should fear the law but they **are fearing** lawmakers (PC).

С точки зрения норм английского языка высказывания должны быть сформированы с применением общего аспекта. Однако в примере (ix) глагол *to desire* использован в форме Present Progressive (Continuous) – *is desiring*, тогда как в нормированном английском он относится к группе глаголов, которые не употребляются в формах продолжительного аспекта. То же самое видим и в последующих примерах, (x) и (xi), где входящие в вышеупомянутый список *to wish* и *to fear* имеют видовременную форму *are wishing* и *are fearing*, то есть Present Progressive (Continuous).

К группе глаголов, не употребляемых в английском языке в формах Progressive (Continuous), относятся также глаголы мышления и чувств: *to agree* – соглашаться; *to care for* – заботиться; *to doubt* – сомневаться; *to forget* – забыть; *to hear* – слышать; *to know* – знать; *to mean* – значить; *to notice* – замечать; *to prefer* – предпочитать; *to realize* – осознать; *to remember* – помнить; *to seem* – казаться; *to sound* – звучать; *to suppose* – предполагать; *to understand* – понимать.

Примеры, выявленные в текстах англоязычной периодической печати, в том числе по базе данных NOW Corpus [7]¹, показывают, что и для этого списка глаголов в индийском варианте английского отсутствует ограничение на образование видовременных форм длительного аспекта:

- xii. ...We **are hearing** unconfirmed reports that... [14, p. 7] (HC).
- xiii. Yogi **is seeming** to be following footsteps of his predecessor Akhilesh Yadav... [6] (PC).
- xiv. ...What his two guests **are meaning** to say... [7] (PC).

Во всех вышеуказанных примерах использование форм Progressive (Continuous) представителями населения Индии, имеющими достаточно высокий уровень владения английским языком, не согласуется с его языковыми нормами. Следовательно, данный способ формирования предложения не предполагает структурную или семантическую необходимость.

В языковой ситуации Индии этот феномен наблюдается в устной и письменной речи носителей индийского английского вне зависимости от их языкового уровня и навыков. Данная закономерность подкрепляется примерами из речи интервьюируемых гостей и читателей:

- xv. ...But now people **are knowing** you only as Paras'ex... [16] (СИ).
- xvi. Secondly, it just a coincidence that I **am liking** such scripts... [6] (СИ).
- xvii. Air India **is respecting** the basic fact that there is one China and Taiwan is part of China [16] (СИ).
- xviii. ...This disease **is seeming** to be less of a nuisance for children... [17] (СИ).

¹ NOW Corpus (News on the Web) – база, включающая 13,4 млрд слов из веб-газет и журналов с 2010 г. по настоящее время.

- xix. I **am understanding** and learning the lines before saying them [14, p. 12] (СИ).
xx. We **are hearing** from our manufacturers that '17 should be very close in sales... [6] (ПЧ).
xxi. I am feeling like I **am understanding** how much people at home depend on me... [6] (ПЧ).
xxii. No one **is wanting** to go back into their homes... [15, p. 4] (ПЧ).
xxiii. ...And I **am liking** this taking care of myself... [18] (БО).
xxiv. ...I **am desiring** to promote myself... [17] (БО).
xxv. ...I **am caring** for the house... [15, p. 26] (БО).

Такая трансформация в различных социолингвистических ситуациях соответствует динамической модели Шнайдера, описывающей процесс дифференциации в постколониальных вариантах английского языка. Это позволяет нам утверждать, что применение форм длительного аспекта с глаголами физического восприятия, эмоционального состояния и мыслительной деятельности является одним из характерных признаков индийского варианта английского языка на современном этапе его развития.

20

Заключение

Таким образом, результаты анализа материалов англоязычной периодической печати и художественной литературы Индии подтверждают, что в современном индийском английском языке глаголы состояния употребляются в видовременных формах Progressive (Continuous), и это является одной из особенностей, характерных для данного языкового варианта.

Список литературы

1. Нагиба И. В. Индийский английский: история, статус, особенности // Известия Восточного института. 2008. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiyskiy-angliyskiy-istoriya-status-osobennosti> (дата обращения: 23.02.2021).
2. Anand M. R. A Confession of a Lover. Lucas Pubns, 1988.
3. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Post-Colonial Studies Reader. 2nd ed. Routledge, 2005.
4. *Daily Times India.in*: Indian News website. 2019. Febr. 11. URL: www.dailytimesindia.in (дата обращения: 12.02.2021).
5. Mesthrie R., Rakesh M. B. World Englishes: The Study of New Linguistic Varieties (Key Topics in Sociolinguistics) / B. Mesthrie, M. B. Rakesh. Cambridge, 2008.
6. News Nation Network. The Channel of India. 2019. Sep. 3. URL: <https://www.newsnationtv.com> (дата обращения: 17.03.2021).
7. NOW Corpus (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Rushdie S. *Midnight's Children*: A Novel. 25th Anniversary ed. N. Y., 2006.
9. Rushdie S. *Shame*: A novel. N. Y., 2008.
10. Sarangi J. Indian Variety of English: A Socio-linguistic Study // Studies in ELT, Linguistics and Applied Linguistics. Delhi, 2004.
11. Seth V. *A Suitable Boy*: A Novel. 20th Anniversary ed. L., 2013.
12. Schneider E. W. *Postcolonial English*. Cambridge, 2007.
13. Thorat S. K. *Indian Ethos and Culture in Nissim Ezekiel's Poetry*. L., 2008.

14. *The Hindustan Times*. 2018. July 5.
15. *The Hindustan Times*. 2018. Sep. 6.
16. *The Indian Express*. The Express Group. URL: <https://indianexpress.com/> (дата обращения: 12.03.2021).
17. *The Times of India*. 2018. March 7. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/> (дата обращения: 15.03.2021).
18. *The Times of India*. 2019. Sep. 9. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/> (дата обращения: 15.03.2021).

Об авторе

Ярослава Юрьевна Комарницкая – асп., Московский государственный областной университет, Россия.

E-mail: yaroslavayurievna@ya.ru

21

The author

Yaroslava Yu. Komarnitskaya, PhD Student, Moscow State Regional University, Russia.

E-mail: yaroslavayurievna@ya.ru

Т. М. Шкапенко, М. А. Дмитровская

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Поступила в редакцию 05.05.2021 г.

Рецензия от 18.05.2021 г.

В рамках фрейма «главные направления образования» выделяется ядерная часть, вербализуемая семантическим дублетом *internacjonalizacja / umiędzynarodowienie*. Лексемы *mobilność, kolaboracja, transfer* характеризуются как гипонимические обозначения процессов, посредством которых осуществляется интернационализация системы образования. Неологизм *interesariusz* входит в анализируемый фрейм в качестве обозначения экстралингвистического субъекта, предопределяющего формы интернационализации. Англоязычное происхождение основных единиц фрейма показывает доминирующее место англоглобализмов в польском научно-образовательном дискурсе, а их дискурсивное пересечение с областью бизнеса представляет собой языковое свидетельство коммерциализации системы образования.

*The article deals with the English loanwords functioning in the scientific and educational discourse of the modern Polish language. The central part of the frame "the main directions of education" is verbalized by the semantic doublet *internacjonalizacja/ umiędzynarodowienie*. The lexical units *mobilność, kolaboracja, transfer* are defined as hyponymics through which education is getting internationalized. The neologism *interesariusz* is included in the analyzed frame as a designation of an extralinguistic subject that determines the forms of internationalization. The English-language origin of the main frame units indicates the substantial dominance of Angloglobalisms in the Polish scientific and educational discourse, while their discursive intersection with the field of business is linguistic evidence to testify commercialization of the education system.*

Ключевые слова: англоязычные заимствования, научно-образовательный дискурс, интернационализация, коллаборация

Keywords: English loanwords, scientific and educational discourse, internationalization, collaboration

Под научным дискурсом принято понимать «процесс выражения в целом тексте нового знания, а также его обоснования посредством взаимосвязанных рассуждений, то есть диалог между старым и новым знанием, в рамках которого происходит постепенное формирование нового, концептуального научного знания» [1, с. 148]. Такое понимание непосредственным образом связано с жанровыми формами, в которых

научный дискурс получает свою объективацию. К ним относятся научные статьи, доклады, монографии, диссертации, авторефераты, рецензии, тезисы и аннотации и т. п.

Появление у высших учебных заведений собственных веб-сайтов предопределило зарождение новой разновидности научного дискурса, получившего различные способы терминологизации: дискурс сферы высшего образования [3]; университетский дискурс [5]; научно-образовательный дискурс [6]. Независимо от избранного термина исследователи рассматривают данный дискурс как институциональный, представляющий собой коммуникацию образовательных учреждений со своими клиентами, или потребителями предоставляемых вузами услуг. То есть в условиях перехода к основанному на принципах конкуренции обществу университет утрачивает чистоту своей академической функции, присовокупляя к ней функцию маркетинговую. Ориентация вузов постсоциалистических стран на наиболее «успешные» модели образовательной системы США и Западной Европы находит свое отражение в структурной организации дискурсивного пространства вузовских сайтов, а также в активном использовании в их контенте англоязычной лексики, транслирующей новые идеи и смыслы в области современного образования.

Функционирующие в рамках научно-образовательного дискурса (далее – НОД) англоязычные заимствования могут быть содержательно представлены в виде отдельных фреймов. Термин из области когнитивной лингвистики в данной работе используется в значении организованной структуры представления знания, «когнитивной модели, передающей знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [2, с. 29]. В пространстве НОД польской системы образования можно выделить следующие фреймы: «основные направления реформы образования», «новые формы образовательного процесса», «структура, содержание и субъекты образовательного процесса», «научно-образовательные мероприятия». Предмет изучения данной работы составляют англоязычные элементы, конституирующие фрейм «основные направления реформы образования». Материалом исследования послужили веб-сайты польских вузов, образовательные порталы, посвященные новым трендам в системе высшего образования Польши, а также данные Национального корпуса польского языка.

Основным экстралингвистическим фактором, обусловившим англоглобализацию польского НОД, стало подписание Польшей в 1999 г. вместе с 29 другими странами Болонской декларации, предполагавшей создание к 2010 г. Европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area, ЕНЕА). Текст самой декларации был написан на английском языке, получившем статус *lingua franca*. Целевая ориентация на положения данного документа не могла не отразиться на лексико-семантическом уровне НОД стран-членов Болонского процесса, конструирующих содержательно обновленный дискурс, прибегая к различным техникам заимствования англоязычных лексических единиц.

Анализ контента сайтов польских вузов и образовательных порталов показывает, что смыслообразующим ядром фрейма «основные направления реформы образования» является «интернационализация», получающая два способа лексикализации: *internacjonalizacja* и *umiędzynarodowienie*.

Как указывают К. Высоцка и К. Лея в статье «Декалог интернационализации высшего образования в Польше», «развитие интернационализации, наряду с улучшением управления и диверсификацией миссии, является одной из важнейших задач, стоящих перед современными польскими университетами»¹ [21]. Заметим, что само название статьи, апеллирующее к библейским заповедям, косвенно свидетельствует о той значимости, которую авторы придают процессу интернационализации системы образования.

Несмотря на то что слово *internacjonalizacja* звучит привычно и знакомо, его известность имеет, скорее, характер ложных ассоциаций. До 90-х гг. прошлого столетия, когда начался процесс глобализации, в польском языке существовали дериваты *internacjonalizm*, *internacjonalistyczny*, *internacjonalista*, однако лексема *internacjonalizacja* отсутствовала. Выраженное однокоренным словом понятие *internacjonalizm* было в известной степени идеологизированным, связанным с идеей объединения пролетариев всех стран в борьбе за социальное равенство и справедливость. Словарь В. Дорошевского истолковывает значение данного слова как «*dążenie do równouprawnienia, przyjaźni i współpracy wszystkich narodów*» ‘стремление к равенству, дружбе и сотрудничеству всех народов’ [16], оно впоследствии тиражировалось более поздними толковыми словарями польского языка.

Появление существительного с суффиксом *-acja* со значением распространения признака на целый ряд объектов датируется концом XX столетия и является прямым заимствованием английского существительного *internationalization* со значением «the action of becoming or making something become international» ‘процесс или действие, в результате которого что-то становится международным’ [8].

Первое употребление заимствования датируется в корпусе польского языка 1988 г., а все примеры принадлежат области экономического дискурса: *internacjonalizacja zakładów, concernów, rynków zbytu* (интернационализация предприятий, концернов, рынков сбыта) и т. п. В польском НОД в качестве основополагающей используется дефиниция понятия, предложенная педагогом из университета Торонто Дж. Найт, согласно которой «интернационализация высшего образования — процесс интеграции международного, межкультурного и глобального аспектов в цели, функции и деятельность высших учебных заведений» [10, р. 2]. Далее Найт уточняет: «Обычно интернационализация включает в себя отправку студентов на учебу за границу, создание дополнительных кампусов и участие во всевозможных межинституциональных взаимодействиях» [ibid.]. М. Поповска разъясняет, что в Польше «данный процесс принимает форму активной политики привлечения иностранных

¹ Перевод здесь и далее наш. — Т.Ш., М.Д.

студентов, маркетинга зарубежных университетов, создания международных траекторий обучения, интеграции глобального и межкультурного содержания в учебных планах... разработки и реализации программ поддержки студенческой мобильности» [13].

Наряду с термином *internacionalizacja* в качестве полноправного синонима в польском НОД функционирует существительное *umiędzynarodowienie*, образованное от глагола *umiędzynarodowić*, имеющего значение «objąć swoim zasięgiem wiele państw lub udostępnić coś wielu państwom» («охватить многие государства или сделать что-либо доступным для множества государств») [16]. Сравнительный анализ частоты употребления этих синонимов свидетельствует о том, что автохтонная лексема употребляется чаще, нежели прямое заимствование. Приведем типичный пример его использования в рамках описания стратегий университета:

Wzrost jakości i stopnia umiędzynarodowienia kształcenia:

1. Rozwój współpracy i wymiany międzynarodowej, w szczególności w zakresie nowych technologii.
2. Intensyfikacja międzynarodowego transferu wiedzy i doświadczeń [18].

Согласно данному описанию, основной стратегией Гданьского университета является «повышение качества и степени интернационализации образования, включающее в себя развитие международного сотрудничества и обмена, в частности в области новых технологий, интенсификацию международного трансфера знаний и опыта.

К числу наиболее высокочастотных коллокаций семантических дублетов *umiędzynarodowienie* и *internacionalizacja* относится их сочетание с неологизмом *interesariusz*. Слово лишь недавно зафиксировано электронной версией словаря польского языка в значении «podmiot mający wpływ na realizację projektu przedsiębiorstwa lub uczestniczący w jego tworzeniu» («субъект, влияющий на реализацию проекта предприятия или участвующий в его создании») [17]. По мнению польских лингвистов, анализ примеров использования лексемы позволяет выдвинуть предположение о том, что она имеет статус экономического термина, а с морфологической точки зрения мотивирована существованием ряда дериватов с формантом *-usz* со значением лица, являющегося носителем определенных прав, например *akcjonariusz*, *funkcjonariusz*, *pensjonariusz*, *mandatariusz* [14]:

Interesariuszami internacionalizacji są wszyscy, którzy mogą wpływać na organizację lub na których wpływa organizacja. — Стейкхолдерами интернационализации являются все, кто может влиять на организацию или на кого влияет организация [9].

Примечательно, что в комментариях польских языковедов нет отсылок к английскому «первоисточнику» польского неологизма. Его обнаружение становится явственным при анализе русскоязычного НОД, в котором оно функционирует в виде прямого заимствования *стейкхолдер*, например:

...в качестве *стейкхолдеров* могут выступать выпускники вуза (в том числе члены союза выпускников), СМИ (освещающие проблемы образования), различные общественные организации, связанные с образовательным рынком (например, студенческие организации, организации преподавателей, ассоциации вузов и т. п.), будущие покупатели и потребители образовательной услуги, местные органы власти и т. п. [4, с. 106].

В языке-доноре *stakeholder* определяется как «a person with an interest or concern in something, especially a business» 'лицо, заинтересованное чем-либо, особенно в сфере бизнеса' [8]. Латентность механизма заимствования в польском языке связана с тем, что его пользователи не пошли по пути структурного калькирования: *stake* (ставка) *holder* (держатель), а избрали от корня *interes* производное слово *interesariusz*. До этого времени в польском языке уже существовал дериват *interesant*, обозначающий человека, приходящего в некое учреждение по какому-либо делу, с какой-либо просьбой. В новом производном пассивная роль просителя заменяется субъектной позицией человека или организации, которые в силу своей заинтересованности и финансовой состоятельности способны предопределять коммерчески выгодные векторы развития зависящего от них объекта. Например:

Eksperci rozmawiać będą m. in. o tym, jakie kompetencje będą mieć władze uczelni i kto je będzie wybierał, o udziale interesariuszy w procesie zarządzania uczelnią, odpowiedzialności i kompetencjach poszczególnych organów uczelni. — Эксперты будут говорить о компетенциях университетских властей и о том, кто их будет выбирать, об участии заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в процессе управления университетом, об ответственности и компетенциях отдельных университетских органов [12].

Понятие интернационализации тесным образом связано с его гипонимическим репрезентантом *mobilność*, чаще всего употребляемым в атрибутивных сочетаниях *akademicka*, *studencka*, *edukacyjna* или *mobilność kadry akademickiej*. Образованное от латинского *mobilis* (подвижный) и вошедшее во многие европейские языки существительное истолковывается в основном как «свойство подвижности, способности к перемещению» [20]. Однако анализ коллокаций лексемы в диахроническом срезе демонстрирует изменения в его семантике: от области военной референции (*mobilność sił szybkiego reagowania* [20]) к экономической интерпретации понятия (*mobilność ludności*, *mobilność kapitału*, *mobilność zawodowa* и т. п.). Транслируемое из экономикоцентричного западного общества отношение к людям как «человеческим ресурсам» (англ. *human resources*) или «капиталу» (*human capital*) придает слову характер универсальной терминологической лексемы, используемой как по отношению к процессу трудовой миграции, так и по отношению к академическому обмену.

Еще более значительные семантические преобразования произошли под влиянием американского варианта английского языка в слове, активно употребляемом в непосредственной связи с понятием интернационализации и академической мобильности. Существительное *kola-*

boracja было заимствовано в польский язык из латинского через французский или немецкий в XIX в. первоначально в значении «сотрудничество». Словарь В. Дорошевского определяет данное значение как «устаревшее», вытесненное в середине XX столетия семантическим дериватом с суженным пейоративным значением:

Kolaboracja: «współpraca z niepopieraną przez większość społeczeństwa władzą, zwłaszcza z władzami okupacyjnymi»; daw. Współpraca. — Коллаборация: «сотрудничество с властями, не поддерживаемыми большинством, особенно с оккупационным режимом» [16].

Изданные до 2010 г. словари польского языка включают только данное значение существительного, иногда уточняя его референтную историческую соотнесенность, например: Kolaboracja: «współpraca z narzuconą społeczeństwu władzą, zwłaszcza współpraca z okupantem hitlerowskim w Polsce w czasie II wojny światowej» — ‘сотрудничество с навязанной обществу властью, особенно с гитлеровскими оккупантами во время II мировой войны’ [20]. Закреплению данного значения в польском языковом сознании способствовало наличие целого ряда производных: *kolaborant*, *kolaborować*, *kolaboracjonizm*.

Это же исторически маркированное значение регистрируют и словари английского языка: collaboration: «[UNCOUNTABLE] help that someone secretly gives to an enemy or opponent» [11]. В то же время словари американского английского, фиксирующие лексику нации, не отягощенной опытом оккупации собственной теории, как и чрезмерным знанием мировой истории, с легкостью отказываются от идеологически маркированного значения, предлагая исключительно экономическую его интерпретацию. Так «забывчивость» распространяется на всеобщее англоглобализированное пространство, начинающее интерпретировать термин как «the situation of two or more people working together to create or achieve the same thing» — ‘ситуацию, в которой работают двое или более людей с целью создания или достижения чего-либо’ [8].

Активное употребление неосемантизма не только в польском экономическом, но и в научно-образовательном дискурсе представляет яркий пример конфликтогенности между передающим и принимающим языковым сознанием. Причем данный конфликт в большей степени обнаруживается в восприятии старшего поколения, с недоумением реагирующего на семантически облегченное, «антиисторическое» употребление слова. Весьма показательным выглядит в этой связи ответ, данный польскими лингвистами в 2008 г. на вопрос о том, можно ли использовать слово *kolaboracja* в его первичном, нейтральном значении: «Первоначальный смысл слова стерся до такой степени, что его использование в этом значении в современном тексте может вызвать ошибочное прочтение. ...В конце концов, в польском языке существуют слова *współpraca*, *współdziałanie*, *kooperacja*, не отягощенные резко негативным смыслом» [15].

По истечении более десяти лет ответ польских лингвистов вряд ли был бы столь же категоричным, так как регулярное употребление семантической кальки англо-американского слова привело к закреплению его нового значения, в том числе в НОД: «Paradoksy lockdown: więcej kontaktów, nowe kolaboracje i projekty»; «Bardzo wierzę we współpracę, w kolaborację naukową» [12].

Кроме того, раньше данное слово никогда не использовалось во множественном числе, теперь же, также под влиянием изменений в английском языке, приобрело форму множественного числа. Некоторые эксперты из области экономики поясняют, что коллаборация — это сотрудничество по конкретному проекту между разными лабораториями или организациями, нацеленное на выполнение конкретного задания, создание конкретного продукта, и именно поэтому данное слово подвергается плюрализации. С точки зрения внутренних языковых механизмов данный процесс должен быть описан в терминах метонимии: от общего понятия «сотрудничества» к его частным вариациям. Данную дифференциацию подтверждает и тот факт, что в общем смысле «сотрудничества» в польском языке продолжает употребляться исконно польское сложное слово *współpraca*, например:

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu zawarł umowę o *współpracy* z Fundacją Watykańską Joseph Ratzinger — Benedykt XVI. — Университет Николая Коперника в Торуні заключил договор о сотрудничестве с Ватиканским фондом Йозефа Ратцингера — Бенедикта XVI [19].

Еще одним постоянным участником, конституирующим фрейм «интернационализация», является прямое заимствование *transfer*, употребляющееся в НОД по отношению к знанию, результатам или опыту, например: «Intensyfikacja międzynarodowego transferu wiedzy i doświadczeń» — «Интенсификация международного трансфера знаний и опыта» [18].

Все словари польского языка в качестве первого значения приводят дефиницию, относящуюся к области экономики и финансов: 1. «Transakcja gospodarcza polegająca na przekazaniu pieniędzy, usługi, technologii itp. przez jedną instytucję drugiej, bez ekwiwalentu» — «экономическая сделка, заключающаяся в переводе денег, услуг, технологий и т.п.» Следующее определение — «przeniesienie lub przesłanie czegoś z miejsca na miejsce» — «перемещение или пересылка чего-либо из одного места в другое» — может быть охарактеризовано как гиперонимическое. Словари фиксируют и специализированное значение, относящееся к области коммерческого спорта: 3. «Przejście zawodnika z jednego klubu do innego w zamian za wynegocjowaną kwotę» — «перевод игрока из одного клуба в другой за оговоренную сумму» [16]. Наличие значения «трансфер знания» специальным образом в лексикографических источниках не оговаривается, хотя некоторые из них включают в состав типичных коллокаций «трансфер информации», представляющий собой объективированный результат трансфера знания.

Подводя итог описанию основных лексических составляющих фрейма «главные направления образования», следует отметить, что его ядерная часть конституируется заимствованной лексемой *internacjonalizacja*, имеющей в польском языке семантический дублет *umiędzynarodowienie*. Лексемы *mobilność*, *kolaboracje* и *transfer* выступают в роли гипонимических обозначений процессов, посредством которых реализуется направление интернационализации. Неологический дериват *interesariusz* входит в анализируемый фрейм в качестве номинации экстралингвистического субъекта, влияющего на выбор форм реализации процесса интернационализации. Англоязычное происхождение основных единиц фрейма свидетельствует о содержательной доминации англоглобализмов в польском научно-образовательном дискурсе, а их дискурсивное пересечение с областью бизнеса представляет собой языковое свидетельство коммерциализации системы образования.

Список литературы

1. Ахтаева Л.А. Научный дискурс как специфическая разновидность дискурсивной деятельности // Молодой ученый. 2010. №7. С. 144–150.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18–36.
3. Дьякова Е.Ю. Дискурсивные стратегии образовательного дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. статей / под ред. В.Б. Кашкина. Воронеж, 2006. Вып. 4. С. 139–148.
4. Екишикеев Т.К. Стейкхолдеры рынка образовательных услуг // Сибирский торгово-экономический журнал. 2009. №9. С. 106–109.
5. Максимов В.В., Найдён Е.В., Серебренникова А.Н. Концептуальное ядро университетского дискурса // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, №6: Экономика. Философия, социология и культурология. С. 199–203.
6. Найдён Е.В. Жанровое своеобразие научно-образовательного дискурса современного вуза: к постановке проблемы // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316, №6: Экономика. Философия, социология и культурология. С. 220–224.
7. Шкапенко Т.М. Вместо послесловия // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка : монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград, 2019. С. 328–335.
8. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 16.02.2021).
9. Freeman R. E. Strategic management. A Stakeholder Approach. Cambridge, 2006.
10. Knight J. Updating the Definition of Internationalization // International Higher Education. 2003. Vol. 33. P. 2–3.
11. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/collaboration> (дата обращения: 16.02.2021).
12. Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: www.nkjp.pl (дата обращения: 18.02.2021).
13. Popowska M. Internacjonalizacja uczelni wyższych na świecie i jej atrybuty a polska rzeczywistość. URL: <https://www.researchgate.net/publication/288840473> (дата обращения: 18.02.2021).

14. *Poradnia Słownika Języka Polskiego*. URL: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/interesariusz;8619.html> (дата обращения: 21.02.2021).
15. *Poradnia Słownika Języka Polskiego*. URL: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/szukaj/kolaboracja.html> (дата обращения: 21.02.2021).
16. *Słownik Języka Polskiego / pod red. W. Doroszewskiego*. URL: <https://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 21.02.2021).
17. *Słownik Języka Polskiego*. URL: <https://sjp.pl/interesariusz> (дата обращения: 21.02.2021).
18. *Strategia Uniwersytetu Gdańskiego na lata 2020–2025*. URL: https://bip.ug.edu.pl/prawo_uniwersytetu/strategia_uniwersytetu_gdanskiego (дата обращения: 25.02.2021).
19. *Uniwersytet Mikołaja Kopernika*. URL: <https://www.umk.pl> (дата обращения: 25.02.2021).
20. *Współczesny słownik języka polskiego / pod red. B. Dunaja*. Warszawa, 2007. Т. 1.
21. *Wysocka K., Leja K. Dekalog internacjonalizacji szkolnictwa wyższego w Polsce // E-mentor*. 2018. №1 (73). URL: <http://www.e-mentor.edu.pl/mobi/artukul/index/numer/73/id/1333> (дата обращения: 25.02.2021).

Об авторах

Татьяна Михайловна Шкапенко — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: TSHkapenko@kantiana.ru

Мария Алексеевна Дмитриовская — д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

The authors

Prof. Tatiana M. Shkapenko, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: TSHkapenko@kantiana.ru

Prof. Maria A. Dmitrovskaya, Chief Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Н. С. Цветова, А. А. Самсонова

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРОВОГО РЕПЕРТУАРА РОССИЙСКОГО АРТ-МЕДИАДИСКУРСА

Поступила в редакцию 15.05.21 г.

Рецензия от 01.06.21 г.

31

Рассматривается трансформация современного российского арт-медиадискурса, проявляющаяся в изменении жанрово-речевой презентации такой институциональной характеристики, как оценочность. Показано, что современный арт-медиадискурс нацелен не столько на трансляцию оценки художественного произведения, сколько на включение адресата в многоэтапный процесс оценивания и навязывание его результатов. На установочном этапе процесса оценивания художественного произведения в медиaprостранстве массовая аудитория знакомится с произведением, формируется базовая оценка, выделяются оригинальные характеристики. На втором этапе осуществляется контекстуальная актуализация с помощью дополнительных инфоповодов, позволяющих расширить первичное оценочное суждение авторитетными мнениями, внести необходимые оттенки, коннотации. На третьем этапе сформированный оценочный стереотип используется для создания новых оценочных суждений относительно других произведений искусства. Каждому этапу соответствует определенный репертуар речевых жанров. На материале литературно-критических публикаций, представленных в специализированных и общественно-политических интернет-СМИ, печатных периодических изданиях, вышедших в теле- и радиоэфире, были выявлены и определены основные жанровые модели, функционирующие в современной арт-журналистике. Установлено, что традиционный репертуар жанровых моделей сегодня расширяется за счет использования жанровой системы пиар-коммуникации, их композиционно-речевая форма трансформируется – стереотипизируется и демократизируется.

The article is devoted to the transformation of contemporary Russian art-media discourse, manifested in a change in the genre-speech presentation of such an institutional characteristic as evaluative. Authors believe that the modern art-media discourse is aimed at broadcasting the evaluation of artworks and at including the addressee in the multistage evaluation process and imposing its results. The inception stage of assessment acquaints the audience with the work, forms a basic evaluation, and highlights the original characteristics. Then, contextual updating is carried out additionally expanding the original value judgment by authoritative opinions, to introduce the necessary connotations. At the third stage, the formed value stereotype is used to create new value judgments regarding other artworks. Each stage corresponds to a specific repertoire of speech genres. The main genre models that function in modern art journalism were identified using literary criticism as an example.

Ключевые слова: арт-медиадискурс, литературная критика, процесс оценивания, речевой жанр, лингводискурсология

Keywords: art media discourse, literary criticism, evaluating process, speech genre, linguodiscourse

Введение

Российский арт-медиадискурс — представленный разножанровыми медиатекстами, сложноорганизованный, постоянно эволюционирующий гипертекст, устойчиво привлекающий к себе внимание исследователей. Причин активного исследовательского интереса несколько, основные среди них — усиление вовлеченности арт-журналистики в самые разные сферы публичной коммуникации, политизация дискурса, его медиатизация и технологизация [11].

32

Современный аналитический подход к журналистскому арт-дискурсу заявлен в работах исследователей из Казанского государственного университета, которые предлагают размышлять над объемом арт-дискурса, фиксируют трансформацию журналистской профессии «от художественной критики к продюсированию», эволюцию вторичных журналистских арт-жанров под влиянием интернет-пространства и новых медиа [4]. Примерно в том же направлении работали участники Международной научно-практической конференции «Арт-журналистика в цифровую эпоху: реалии и прогнозы», организованной Московским государственным институтом музыки им. А.Г. Шнитке (2018). Кроме того, складываются исследовательские коллективы, занимающиеся проблемами менеджмента в сфере культуры и искусства как многоуровневого процесса самоорганизации и самореализации творческой личности из сферы искусства [6].

Филологическое осмысление журналистских произведений, посвященных искусству, началось в Московском государственном университете в 1970-е гг., когда было опубликовано учебно-методическое пособие Н. С. Гараниной «Стиль русской театральной критики», в котором театральная критика рассматривалась как «область публицистики» [3]. Продолжатели этого направления — Н. И. Клушина [8], И. В. Анненкова [1] и др.

Исследователи из Минского государственного лингвистического университета рассматривают журналистский арт-текст «как результат дискурсивной деятельности»: анализируют коммуникативные тактики, стратегии и речевые средства их вербализации, прагматически маркированные лексические и грамматические средства, способствующие достижению коммуникативных целей [7]. Принципиально важным в описании предлагаемого подхода к «культурному» медиатексту является слово «результат».

На кафедре медиалингвистики СПбГУ арт-журналистские тексты анализируются в контексте досуговой журналистики и в свете интенциональной стилистики [5], позволяющей трактовать процесс коммуникации, спровоцированный информационным сообщением о событии в мире искусства и культуры, как процесс формирования дискурса, состоящего из медиатекстов разной интенциональности. Ключевые речевые жанры рассматриваются как формы отклика на первичное информационное сообщение, актуализация которых подчиняется определенной логике и воплощается в соответствующей этой логике последовательности [9].

Методология исследования

Цель данного исследования — выявление специфики жанрово-речевой репрезентации процесса оценивания произведения искусства в современном российском арт-медиадискурсе и факторов, определяющих репертуар и структурно-стилевую вариативность жанровых моделей, используемых в процессе создания соответствующих медиатекстов.

Эмпирическая база исследования сформирована методом сплошной выборки. В нее вошли медиатексты, представляющие три сегмента литературно-критического дискурса, каждый из которых посвящен одному из нашумевших в последние годы художественных произведений: романам «Кикер» Тимофея Хмелева (2018), «Брисбен» Евгения Водолазкина (2018) и «Ева» Любви Барановой (2019). Исследовательский интерес к данным медиатекстам обусловлен наиболее очевидной и многосторонней модернизацией именно журналистских литературно-критических сочинений в массмедиа. В аналитической части представлен текстуальный анализ трех наиболее показательных вариантов развертывания процесса оценивания литературного текста в тех речевых жанрах, которые свидетельствуют об обновлении жанрового репертуара в результате появления новых единиц или модернизации структуры и речевой формы уже известных.

В общей сложности было проанализировано более 50 текстов за период с июля 2018 г. по январь 2020 г. из следующих СМИ: онлайн-издание «Прочтение», газеты «Российская газета», «Вечерняя Москва», «Санкт-Петербургский дневник», радиостанция «Эхо Москвы», телеканал «Россия-Культура», информагентство «ТАСС».

Озвученной выше цели соответствует аналитический алгоритм, предполагающий комплексное применение метода дискурсивного анализа, который позволил определить варианты коммуникативной связанности медиатекстов, формирующих интересующий нас сегмент дискурса, и элементов интенционально-стилистического анализа, нацеленного на выявление факторов, определяющих семантику и структуру речевых жанров конкретного репертуара.

При описании репертуара композиционно-речевых жанровых моделей, функционирующих в современном арт-медиадискурсе, мы руководствовались представлением о речевом жанре, предложенным В.Е. Чернявской, развивающей идею М.М. Бахтина о речевых жанрах как «устойчивых типах высказывания» [2, с. 428]. По Чернявской, речевой жанр — это «сложившаяся модель текстопостроения и восприятия, закрепляющая в социальном опыте способ выражения замысла автора, взаимодействующего со своим адресатом» [10, с. 139].

Для определения оценочных речевых жанров были использованы методы медиалингвистики — интенционально-стилистический и композиционно-стилистический анализ, позволившие определить структуру и интенциональность типичных жанровых моделей интересующей нас сферы массовой коммуникации. Затем с позиций медиалинг-

водискурсологии тексты располагались не просто в соответствии с хронологией их публикации в массмедиа, но в последовательности, соответствующей динамике оценивания произведения в медиадискурсе. Данная методика позволила рассмотреть массив медиатекстов, оценивающих одно произведение искусства, как специфический сегмент арт-медиадискурса, формирующийся и модернизирующийся под воздействием вполне определенных факторов.

Анализ материала

Анализ первых журналистских откликов на роман Тимофея Хмелева «Кикер» позволил выделить следующие жанровые модели:

34

1. «Презентация» — относительно новый текстотип, рожденный в пространстве пиар-коммуникации, стремительно занимающий в процессе оценивания нового литературного текста лидирующую позицию. Содержательно-смысловая структура представлена четырьмя компонентами: 1) номинативная часть; 2) предельно краткая концептуальная характеристика фабулы / сюжета презентуемого художественного текста; 3) установочное высказывание, чаще всего косвенно выражающее первичную оценку; 4) прямое цитирование как рекламный коммуникативный акт, мотивирующий предлагаемую оценку.

«Если ты не забыл, я хотел рассказать тебе о кикере. Кикер — это table soccer. <...> Даже если ты победил всех своих соперников много раз и ушел непобежденным, ты все равно проиграл» (4). Роман Тимофея Хмелева «Кикер» (1) вышел в издательстве «Флюид ФриФлай». Не столько письма разным адресатам, сколько сбивчивый, срывающийся на повторы монолог героя, в который вплетены фразы на английском и французском языках, впечатления (обозначения впечатлений) от разных городов мира, встреч, знакомств, романов (2). И все это для того, чтобы понять, почему жизнь терпит поражение (3) [12].

Текстотип «презентация» напрямую соотносится с начальным этапом оценивания. В современном арт-медиадискурсе тексты данной жанровой принадлежности могут появляться до публикации художественного произведения, с момента первичной его презентации в медиaprостранстве. Их речевая форма обусловлена в первую очередь побудительной интенцией, направленной на формирование читательского интереса прежде всего к ознакомительному фрагменту, доминирующему по объему. Оценочные текстовые элементы, институциональные для арт-медиадискурса, присутствуют в каждой содержательно-смысловой части, становятся мотиваторами побуждения. Очевидно, что генеральная оценка транслируется косвенно. При этом набор «ретрансляторов» обусловлен типовыми читательскими предпочтениями данного адресата.

2. «Рецензия». Традиционно выделяемый в журналистике жанр рецензии помимо оповещения и ориентирования должен быть нацелен на осмысление новых художественных ценностей, выражение аргументированной оценки произведения.

Роману «Кикер» посвящена рецензия «Хроники жизни» в журнале «Прочтение» [17]. Структура текста вполне традиционна: 1) развернутый пересказ фабулы с ключевыми характеристиками центральных персонажей; 2) концептуальное определение феноменальности сюжетной схемы; 3) рекомендация.

На первый взгляд, «Кикер» – классический роман в письмах. Главный герой Алек Лозовский, профессиональный игрок в кикер (иными словами – в настольный футбол), пишет разным людям: Францу (который Шуберт), любви всей жизни Анне Сергеевне (кажется, она из Петербурга) (1). <...>

Эту книгу можно открыть, по большому счету, с любой страницы и продолжить читать без ощущения, что потерял нить: как будто выходил из комнаты, где беседовали несколько человек ни о чем конкретном, вернулся – и они продолжают будто бы с того же места, потому читателю, привыкшему к традиционным литературным формам, здесь будет откровенно скучно (2).

<...> Если очень хочется в бар, но некогда – можно взять эту книгу (3) [17].

Коммуникативная цель данного текстотипа – оценить объект, внести субъективный компонент в стереотипную оценку, убедить читателя / зрителя в релевантности авторского мнения. Для данной жанровой модели характерно очевидное преобладание оценочной интенции. Функция рецензии – стимулировать интерес к рецензируемому объекту как обладающему уникальными характеристиками.

При этом всегда было важно, что рецензия на произведение искусства, являясь не просто оценочным, а эстетически-оценочным жанром, транслирует в первую очередь эстетическую оценку, причем не только предметно, потому что объект оценивания по определению включен в сферу прекрасного. Сегодня мотивация эстетической оценки литературного произведения ограничена минимальной информацией об авторе, интерпретацией названия, выявлением персонажных рядов, особенностей композиции, сюжета, режиссуры – специфики авторской повествовательной манеры. Низкий уровень профессиональной подготовки журналиста позволяет использовать только стереотипные мотиваторы высокой оценки художественной формы литературного произведения: например, упоминания о *манерном слоге*, сравнение рецензируемого романа с *классическим романом в письмах*.

3.«Актуализация произведения искусства». Данная жанровая модель используется для удержания читателя в пределах уже сформированного информационного поля. Текстотип строится по модели: 1) актуализирующий инфоповод; 2) уточненная оценка произведения; 3) новая мотивировка оценочного суждения. Ведущей интенцией в текстах такого типа по-прежнему выступает оценочная. Но речевая форма выражения и мотивации оценки довольно часто становится средством самопрезентации рецензента или эксперта и имеет своей целью экстраполяцию создаваемого проблемного поля на другие сферы медиаиндустрии и пр. Автор, прибегающий к использованию такого текстотипа, манипулирует читателем, скрывая намерение в процессе оценивания

популярного произведения искусства выразить свою позицию по иным, смежным вопросам, повысить собственный статус эксперта, статус своего издания. Как правило, речевая форма данного жанра оригинальна, метафорична. Основным средством привлечения внимания массовой аудитории становится выражение конфликтной (по отношению к уже сложившимся на предыдущем этапе) оценки объекта.

Вадим Левенталь: «Наш литературный процесс напоминает пресный супчик в городской больничке. Невкусно, пресно, без перца и без соли».

Известный писатель и редактор о том, зачем нужны новые книжные серии, чем плохи книги Яхиной и Водолазкина и о процессе разрушения исторического сознания (1).

<...>

Отличный роман Тимофея Хмелева «Кикер» (2), тоже вышедший в моей серии, — вот уж действительно хорошо написанный роман о том, как сегодня чувствует себя городской человек в глобальной городской среде (3) [16].

В данном случае очевидно, что высокая эстетическая оценка романа мотивируется статусными характеристиками эксперта: получивший такую оценку роман вышел в серии, редактором которой является В. Левенталь, уже имеющий определенную репутацию. Противопоставление объекта оценивания побившим все рекорды популярности книгам Яхиной и Водолазкина становится интенсификатором положительной оценки, которая удерживается в сознании читателя еще и с помощью яркой снижающей предметной метафоры, рассчитанной на привлечение внимания носителя обыденного сознания.

Иначе был организован процесс оценивания романа популярного автора Е. Водолазкина «Брисбен», вышедшего в декабре 2018 г. Уже сформированный в СМИ образ автора этого произведения заставил журналистов расширить жанровый репертуар процесса оценивания. Кроме уже традиционных жанровых моделей «отрывок», «рецензия», «актуализация произведения», продвижение романа осуществлялось с использованием еще нескольких текстотипов.

4. «Авторская рецензия» — литературно-критический текст, представляющий собой анализ произведения, осуществленный самим его создателем. Жанровая модель характеризуется наличием следующих компонентов: 1) обновленный инфоповод; 2) оценка произведения; 3) авторское обоснование (мотивировка) оценочного суждения. Текстотип может быть актуализирован в двух формах, чаще всего — в форме заметки, в которой писатель изображен в качестве спикера:

Писатель на пресс-конференции в ТАСС (1) *рассказал*, почему книга называется именно так и о том, какую историю он предлагает в этот раз своим читателям.

<...>

Хотя «Брисбен» автобиографическим романом не является (2). *Как отмечает сам автор*, ассоциировать Яновского с ним не стоит. Вместе с героем книги мы проходим знаковые события эпохи: застой, перестройка, путч, Майдан (3) [18].

Как видим, в данном тексте представлен авторский анализ произведения, выделенные конструкции указывают на субъекта косвенной речи — *писатель, автор*. Ведущей интенцией текста такого жанра является оценка, но подменяется ее продуцент: произведение оценивает не журналист или критик, но прямо и открыто заинтересованное лицо — создатель. Такой вариант возможен только в том случае, если массовый читатель уже подготовлен к восприятию писательского мнения как релевантного, авторитетного.

Писательская оценка также может быть представлена в форме интервью, где писатель выступает в качестве интервьюируемого:

Евгений Водолазкин, автор бестселлеров «Лавр» и «Авиатор», выпустил роман под странным названием «Брисбен» (1). Сложный, полифоничный и даже двуязычный: герои говорят на русском и на украинском (2). <...> С Евгением Водолазкиным побеседовал наш обозреватель писатель Павел Басинский.

Павел Басинский: <...> Почему Брисбен? Хотя, мне кажется, ты схватил некий образ мечты, который есть у каждого человека или, может, у каждого русского человека.

Евгений Водолазкин: <...> Героиня романа связывает счастье с Австралией единственно потому, что более далекой точки на карте она не знает. Почему Брисбен? Оттого что *красиво звучит*, почти по-гриновски. Просто ей в свое время не сказали, что счастливым можно быть везде (3) [14].

В представленном примере, как и в предыдущем, автор презентует идею своего произведения. Интенсификаторами авторской оценки становятся прецедентный текст (название звучит *почти по-гриновски*) и смысловая структура реплики журналиста-интервьюера. Именно в арт-медиадискурсе чаще представлены не привычные традиционные диалогические единства «вопрос — ответ», которые направлены на реализацию информирующей интенции, а диалогические единства «сообщение факта — оценка факта». Функция такой жанровой модели ближе к функции рецензии (предоставить анализ, оценку информации), чем к функции интервью как метода (собрать информацию). Реплики-стимулы выстроены вокруг эстетических концептов, а это неминуемо ведет к тому, что и реплики-реакции оказываются эстетически оценочными (*образ мечты* в реплике-стимуле — *красиво звучит* в реплике-реакции).

Жанр «авторская рецензия» традиционно используется на первом этапе оценивания, когда только формируются базовые суждения о произведении искусства. Как правило, интервью с создателями театральных спектаклей, кинофильмов начинались стереотипно: *На экраны страны выходит новый фильм, с создателями которого беседовал наш корреспондент...; В начале апреля на сцене театра состоится премьера. Накануне премьеры наш корреспондент встретился с художественным руководителем театра...* Обычно авторские оценки заполняли периферию арт-медиадискурса, ядро которого принадлежало именитым критикам или авторитетным изданиям. Но в отношении к роману Е. Водолазкина, имя которого в сознании массового читателя до выхода нового романа уже

было символом литературной марки, ситуация складывалась иначе. Авторская рецензия как доминирующий речевой жанр открывала этап дополнительной актуализации. Такой тип включения романа в медийный дискурс приводит к тому, что в кратчайшие сроки формируется оценочный стереотип, который условно можно сформулировать так: «Роман Е. Водолазкина “Брисбен” обладает признаками качественного художественного произведения». Стереотип мотивировался информацией о включении произведения в премиальный процесс: *Писатель Евгений Водолазкин стал лауреатом Литературной премии Александра Солженицына [13]; Водолазкин и Яхина стали финалистами литературной премии «Большая книга» [20]; Стали известны итоги народного голосования премии «Большая книга». Писатель Евгений Водолазкин с романом «Брисбен» в этом году оказался на третьем месте [19].*

Далее открывается третий этап оценивания объекта — этап стабилизации оценки. На этой стадии сегодня появляются жанровые модели, функционирующие как вспомогательные.

5. *«Оценка произведения искусства через прецедентное имя».* Эта жанровая модель характеризуется оригинальной структурой: 1) инфоповод, связанный с новым, только что опубликованным произведением; 2) оценочный стереотип, презентованный в форме сравнения, одним из компонентов которого является уже признанное бестселлером произведение:

Книга Маргариты Симоньян «Черные глаза» бьет рекорды продаж (1). <...>.

И если представители книжных магазинов назвали произошедшее «уникальным стартом короткого жанра, не имеющим аналогов за последние годы», то глава Роспечати Михаил Сеславинский и вовсе включил книгу Симоньян в свой личный топ по итогам года наравне с «Брисбеном» Евгения Водолазкина (2) и романом «Дети мои» Гузель Яхиной [15].

Коммуникативная цель данной модели — сравнить новый объект с объектом, уже принятым массовой аудиторией в качестве эталонного. Интенсификатором положительной оценки, которая формируется в результате такого сопоставления, становится профессиональный статус главы Роспечати Михаила Сеславинского.

Третий из заинтересовавших нас романов — произведение дебютантки Любови Бариновой. Жанровый диапазон медиапрезентации романа «Ева» минимален: предельно сокращено использование «рецензии» и «презентации», жанры второго и третьего этапов оценивания отсутствуют полностью. Однако произведение представлено во множестве рейтингов, которые, мы полагаем, в данном случае можно выделить как специфическую в силу особых условий доминирования жанровую модель.

6. *«Рейтинг».* Данная жанровая модель может быть соотнесена с традиционным журналистским жанром «обозрение», но обладает оригинальной речевой структурой. Она состоит из следующих речевых актов: 1) сообщение о принципах формирования книжной подборки;

2) обоснование включения произведения искусства в данную подборку; 3) оценочное суждение; 4) мотивировка оценки (как правило, эмоциональная).

Чем дальше, тем драматичнее:
топ-5 детективов, *заслуживающих* внимания (1)

Детектив остается одним из самых любимых литературных жанров. Сегодня мы предлагаем вам подборку книг, которые *заслуживают* того, чтобы быть прочитанными (2).

Любовь Барина, «Ева». Этот напряженный, внимательный к деталям роман — авторский дебют, который будет экранизирован (3). Мечтая отомстить убийцам сестры, немолодой хирург Герман похищает их маленькую дочь, чтобы каждый год посылать им по окровавленной вещице (кусочку платья, носочку) и тем самым их шантажировать. Но все идет не по плану. Эта книга о том, что все происходящее с нами объясняется вовсе не цепью обстоятельств, а в конечном счете зависит от наших поступков и того, что мы выбираем (4) [21].

Полагаем, что жанр «рейтинг» в данном случае используется для «маркировки» качества литературного произведения. Автор — дебютант, в медиасреде не существует положительного оценочного стереотипа, связанного с его персоной или предыдущими произведениями. Книга не попала в списки премий, не получила дополнительной актуализации с использованием иных инфоповодов, однако по каким-то причинам (чаще всего коммерческим) заинтересовала авторов-составителей рейтингов. Данный текстотип предназначен для трансляции побудительной интенции: аудитории не просто сообщают, что такие книги существуют, но и настойчиво рекомендуют прочитать, а значит, приобрести этот товар, что говорит в пользу тезиса о значительном преобладании рекламной функции не только над аналитической и аксиологической, но и над информационной (ср. *заслуживающих, заслуживают* в представленном примере).

Выводы

Наши наблюдения позволяют сделать определенные частные выводы. Во-первых, медиапрезентация произведений современных писателей — сложный и многоступенчатый процесс, который сегодня в значительной степени стандартизирован. На первом этапе оценивания литературного произведения появляются журналистские тексты, соответствующие представлению о двух классических жанровых моделях, которые всего несколько лет назад относились к разным сегментам арт-медиадискурса: «презентация» и «рецензия». Второй этап предполагает создание новых, оригинальных инфоповодов, позволяющих закрепить литературное произведение на новой стадии оценивания, прежде всего с помощью жанровой модели «актуализация произведения искусства». Третий этап оценивания в массмедиа проходят только те объекты, которые вошли в рейтингово-премиальный процесс и поэтому используются для формирования оценочных стереотипов.

Очевидно, что структура и речевая форма уже известных текстовых моделей, активно используемых в процессе оценивания литературного произведения, зависит от ряда факторов: степени включенности имени автора, произведения искусства в пиар-процесс (в случае с медийной литературной критикой – премиальный и выставочный), обуславливающей смещение текстовой гиперинтенции с эстетического оценивания к стимулированию потребительского интереса; уровнем профессиональной речевой компетентности журналиста, его личностными характеристиками; жесткой ориентацией на ожидания и аксиологические представления адресата.

Репертуар оценочных речевых жанров расширяется в первую очередь в результате влияния жанровой системы пиар-коммуникации, формирующейся под влиянием побудительных интенций, но речевая форма и структура репертуарных единиц за редкими исключениями меняется в соответствии с тенденцией стереотипизации, негативно влияющей на интерпретативную активность адресата.

Данные частные выводы могут быть приняты в качестве основания для суждений о направлении и характере эволюции современного российского арт-медиадискурса как гипертекста, интенционально-стилистические характеристики которого меняются под давлением изменяющейся сверхзадачи. С пушкинских времен доминировавшие в литературной критике осведомительные (просветительские) интенции, обеспечивавшие нацеленность критиков прежде всего на трансляцию объективных оценок произведения искусства, предполагавшие развитие аналитических речевых жанров, совершенство речевой формы литературно-критических текстов, сегодня вытесняются установками на продвижение произведения искусства как особого типа товара, принадлежащего не только единичному автору, адресованного определенному сегменту массовой аудитории. Можно предположить, что оценочные тренды задаются издателем (продавцом), а журналист-критик используется только для продвижения этих трендов через обращение к сложившимся жанровым стереотипам в определенной, также стереотипной оценочной логике. Как следствие, происходит речевая деградация ключевых оценочных жанров, например рецензии, вытеснение их презентациями, интервью, премиальными играми, которые становятся инструментами стратегической коммуникации и направлены прежде всего на знакомство потенциальных потребителей с художественным произведением как с рыночной новинкой.

Все это требует исследования усиливающейся в процессе коммуникации автора художественного произведения и адресата роли посредника – организатора процесса оценивания данного произведения как рыночного продукта.

Список литературы

1. Анненкова И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель. (Лингвофилософский аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

3. *Гаранина Н.С.* Стиль русской театральной критики : учебно-методическое пособие. М., 1970.
4. *Арт-журналистика* в современном медиапространстве / под ред. Е.С. Дорошук. Казань, 2016.
5. *Журналистика сферы досуга* : учебное пособие / ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб., 2012.
6. *Кадырова С.В., Немцева Е.А., Тульчинский Г.Л.* Self-management в сфере культуры и искусства. СПб., 2013.
7. *Медиакульт и культура* / ред. Т.П. Карпилович. Минск, 2015.
8. *Клушина Н.И.* От стиля к дискурсу – новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. 2011. №9. С. 26–33.
9. *Самсонова А.А.* Речевая репрезентация оценивания произведения искусства в журналистских текстах : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.
10. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
11. *Zinsser W.* On Writing Well. The Classic Guide to Writing Nonfiction. N. Y., 2016.
12. *Александров Н.* Книжечки // Эхо Москвы. 28.09.2018. URL: <https://echo.msk.ru/programs/books/2286400-echo/> (дата обращения: 17.02.2020).
13. *Аристархова Л.* Писатель Евгений Водолазкин стал лауреатом Литературной премии Александра Солженицына // Телеканал «Россия-Культура». Эфир 18.04.2019. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/343894/ (дата обращения: 15.02.2020).
14. *Басинский П.* Тропики ее мечты // Российская газета. 2019. №22 (7780). С. 12.
15. *Бугулова И.* Книга Маргариты Симоньян «Черные глаза» бьет рекорды продаж // Российская газета. 2020. №2 (8056). С. 9.
16. *Коробкова Е.* Вадим Левенталь: «Наш литературный процесс напоминает пресный супчик в городской больничке. Невкусно, пресно, без перца и соли» // Комсомольская правда. 25.02.2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/26946.5/3997927/> (дата обращения: 15.02.2020).
17. *Котенко В.* Хроники жизни // Прочтение. 25.09.2018. URL: <https://prochтение.org/reviews/29544> (дата обращения: 17.02.2020).
18. *Панина В.* Водолазкин представил новый роман «Брисбен» // Российская газета. 07.12.2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/07/vodolazkin-predstavil-novyy-roman-brisben.html> (дата обращения: 17.02.2020).
19. *Романова Е.* Стали известны итоги народного голосования премии «Большая книга» // Санкт-Петербургский дневник. 03.12.2019. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2019-12-03/stali-izvestny-itogi-narodnogo-golosovaniya-premii-bolshaya-kniga> (дата обращения: 17.02.2020).
20. ТАСС. Водолазкин и Яхина стали финалистами литературной премии «Большая книга». 05.06.2019. URL: <https://tass.ru/kultura/6511356> (дата обращения: 15.02.2020).
21. *Фочкин О.* Чем дальше, тем драматичнее: топ-5 детективов, заслуживающих внимания // Вечерняя Москва. 23.01.2020. URL: <https://vm.ru/literature/776015-chem-dalshe-tem-dramatichnee-top-5-detektivov-zasluzhivayushih-vnimaniya> (дата обращения: 17.02.2020).

Об авторах

Наталья Сергеевна Цветова — д-р филол. наук, доц., проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.tsvetova@spbu.ru

Анастасия Александровна Самсонова – канд. филол. наук, преп., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: st043264@student.spbu.ru

The authors

Prof. Natalia S. Tsvetova, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.tsvetova@spbu.ru

Dr Anastasiia A. Samsonova, Lecturer, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: st043264@student.spbu.ru

И. А. Королева

ДВУОСНОВНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Поступила в редакцию 26.06.2021 г.

Рецензия от 05.07.2021 г.

43

Рассматривается группа двuosновных славянских имен, которые были обозначены как княжеские еще исследователями XIX в. Выделены классификационные признаки данных именовании, рассмотрены их особенности (семантика, структура, система производных, принадлежность к отдельным языкам). Материалом для наблюдений послужили словари, составленные ведущими специалистами в области антропонимики – Н.А. Петровским и А.В. Суперанской. Прослеживается бытование двuosновных личных имен в настоящее время, определяется степень их популярности. Материал впервые вводится в научный оборот.

The article considers a group of two-stem Slavic names that were defined as the names of Princes by the researchers of the nineteenth century. The author highlights the classification features of these names, as well as their other specific characteristics (semantics, structure, system of derivatives, belonging to separate languages). Linguistic material in question is obtained in the dictionaries of personal names by leading experts, N.A. Petrovsky and A. V. Superanskaya and is introduced into the scientific discourse for the first time. The existence of these names today is traced, the degree of their popularity is determined.

Ключевые слова: антропонимика, двuosновные имена, история, современное бытование старых славянских имен, классификационные признаки

Keywords: anthroponymics, two-stem names, history, modern existence of old Slavic names, classification features

В составе именника современной России особое место занимают двuosновные старые славянские имена: ВЛАДИМИР, ВЛАДИСЛАВ, МИРОСЛАВ, ТИХОМИР и т. п. На фоне общего массива имен, активно бытующих сегодня или находящихся в пассиве, эти образования выделяются в силу своих специфических лингвистических и экстралингвистических особенностей.

Подобные именовании привлекали внимание исследователей еще в XIX в. [2; 4; 7]; в настоящее время антропонимисты лишь упоминают о них в общем контексте антропонимических изысканий.

Мы делаем попытку выделить двuosновные славянские имена в особую группу и определить их лингвистические и экстралингвистические классификационные признаки.

Основным материалом для наблюдений послужил массив личных имен из первого в России «Словаря русских личных имен» Н.А. Петровского, изданного в 1966 г. (для работы использовано шестое стерео-

типное издание [5]), в котором содержится более трех тысяч русских (естественно, термин условен, так как хорошо известно, что русские имена далеко не всегда имеют русское происхождение) имен – как старых, так и новейших.

Методом сплошной выборки мы выявили 58 двусловных личных имен: в алфавитном порядке первым в Словаре находится славянское редкое БЕЛОСЛАВ, последним – славянское ЯРОСЛАВ. Основываясь на описании собранного материала, мы делаем попытку определить общие признаки этой выявленной особой группы личных именований.

Первый классификационный признак носит структурный характер. Все выделенные в рассматриваемую группу имена состоят из двух основ, представляющих собой мотивированные корни нарицательных слов, связанные с помощью соединительных гласных О, Е или И; аффиксы отсутствуют: ВЯЧеСЛАВ, БОЛеСЛАВ, ВЛАДиМИР, ВЛАДиСЛАВ, СВЯТоСЛАВ, ТИХоМИР и пр. Сразу же отметим, что в подавляющем числе имен в качестве соединительной гласной между корнями выступает И (приблизительно 43 % от общего массива). Соединительная гласная Е встречается в таких именах, как БОЛеСЛАВ, ВЕНЦеСЛАВ, ВСеВОЛОД, ВСеМИЛ, ВСеСЛАВ, ВЫШеСЛАВ, ВЯЧеСЛАВ (приблизительно 15 %). Соединительная гласная О присутствует в 21 имени, что составляет около 36 %. Некоторые имена не имеют между корнями соединительной гласной: ВАЦЛАВ, ВОИСЛАВ, ЛЮДМИЛ, РАТМИР – приблизительно 6 %.

В целом соединение корней в составе сложных славянских имен напоминает их соединение в сложных именах нарицательных, однако если в последних главными соединительными элементами являются гласные О и Е, то в именах собственных – И.

Второй классификационный признак группы двусловных славянских имен – наличие мотивации для обоих корней, причем четко прослеживаемой в фактах современного русского языка. Можно выделить общие первые корневые морфемы: это БОР (борьба, бороться) – БОРИСЛАВ, БОРИМИР; ВЛАД (владеть) – ВЛАДИМИР, ВЛАДИСЛАВ; ВС(е) (весь) – ВСЕВОЛОД, ВСЕМИЛ, ВСЕСЛАВ; ДОБР (добро, добрый) – ДОБРОМИЛ, ДОБРОСЛАВ, ДОБРОМИР; ЛЮБ (любить) – ЛЮБОМИЛ, ЛЮБОМИР; МИЛ (милый) – МИЛОНЕГ, МИЛОРАД, МИЛОСЛАВ; МИР (мир) – МИРОЛЮБ, МИРОСЛАВ; РАД (радеть) – РАДИМИР, РАДИСЛАВ, РАДОМИР; РАТ (рать, ратный) – РАТИБОР, РАТМИР; СВЕТ (свет, светлый) – СВЕТИСЛАВ, СВЕТОВИД, СВЕТОЗАР, СВЕТОЛИК; СВЯТ (святой) – СВЯТОГОР, СВЯТОПОЛК, СВЯТОСЛАВ; ЯР (ярый) – ЯРОСЛАВ, ЯРОПОЛК и некоторые другие.

Вторые корни также мотивированы. Это обычно такие компоненты, как СЛАВ (слава) – БЕЛОСЛАВ, БОЛЕСЛАВ, БОРИСЛАВ, БРАТИСЛАВ, БРЯЧИСЛАВ, ВЕНЦЕСЛАВ, ВЛАДИСЛАВ, ВОИСЛАВ, ВСЕСЛАВ и др. (всего 28 имен); МИР (мир) – БОРИМИР, БУДИМИР, ВЕЛИМИР, ВЛАДИМИР, ДОБРОМИР, ЛЮБОМИР и пр. (всего 13 имен); МИЛ (милый) – ВСЕМИЛ, ДОБРОМИЛ, ЛЮБОМИЛ, ЛЮДМИЛ

(4 имени). Остальные корни единичны: ВОЛОД (владеть) – ВСЕВОЛОД, МЫСЛ (мыслить) – ГОСТОМЫСЛ, НЕГ (нега) – МИЛОНЕГ, РАД (радеть) – МИЛОРАД, ЛЮБ (любить) – МИРОЛЮБ и некоторые другие.

Отметим особо, что общая семантика двуосновных славянских имен складывается из смыслов их корней: БОЛЕСЛАВ – «большая слава», ВЛАДИМИР «владеющий миром», ВСЕМИЛ «всем милый», ТВЕРДОСЛАВ «твердая слава», ТИХОМИР «тихий мир, покой, тишина» и др. Лишь в некоторых именах в основах слова, ушедшие из языка: ВЯЧЕСЛАВ (ВЯЧЕ – древнерусское «больше»), БРАТИСЛАВ (БРАТИ – старославянское «бороться»). Однако таких корней в двуосновных именах немного – около 4 %.

Как известно, имена не должны четко соотноситься с апеллятивами по значению, хотя они от них образованы. Но для выделенной группы имен и мотивация, и семантика основ очевидны. Этой «прозрачностью» и ясностью осмысления они отличаются от других личных имен, семантика которых становится осмысленной лишь после специальных лингвистических исследований. Таким образом, четкая мотивация и конкретность значения – третий признак группы славянских двуосновных имен.

Происхождение всех рассматриваемых образований славянское, что также объединяет их в особую группу и противопоставляет другим именам, бытующим в России сегодня.

Все выявленные именованья – либо общеславянские, что отмечено пометами в Словаре, либо относятся к отдельным славянским языкам. Определены старорусские именованья: ВСЕВОЛОД (древнерусский корень ВОЛОД), ВЯЧЕСЛАВ (древнерусский корень ВЯЧЕ), ГОСТОМЫСЛ, МИЛОНЕГ, СВЯТОГОР, СВЯТОПОЛК. Есть предположение о старославянском происхождении некоторых имен: БЛАГОСЛАВ (старославянский корень БЛАГ), БРАТИСЛАВ (старославянский корень БРАТИ), БОГОЛЕП (калька), СТАНИМИР. Отдельные имена (по данным памятников письменности) имеют либо польское происхождение (СТАНИСЛАВ, ВЕНЦЕСЛАВ, КАЗИМИР), либо сербское (МИЛОРАД). Однако **славянское** происхождение всех двуосновных имен бесспорно.

В Словаре представлены и новые двуосновные имена, созданные уже в советское время по старым моделям: НОВОМИР [5, с. 210], КРАНОСЛАВ, КРАНОМИР(А) [5, с. 168]. Это, как нам представляется, свидетельствует о жизнеспособности данной модели в послереволюционную эпоху, когда возникла тенденция к полной смене именника жителей СССР.

Как известно, от личных имен образуются отчества. Одним из признаков двуосновных славянских имен (правда, лишь подгруппы со вторым корнем СЛАВ) является наличие двух вариантов отчества: с суффиксами ОВИЧ / ЕВИЧ, как и для всех других именованья, и с суффиксом ИЧ (соответственно, для женских отчеств ОВН и Н): БОЛЕСЛАВОВИЧ и БОЛЕСЛАВИЧ (БОЛЕСЛАВОВНА и БОЛЕСЛАВНА), РОСТИСЛАВОВИЧ и РОСТИСЛАВИЧ (РОСТИСЛАВОВНА и РОСТИСЛАВНА), СТАНИСЛАВОВИЧ и СТАНИСЛАВИЧ (СТАНИСЛАВОВ-

НА и СТАНИСЛАВНА) и пр. Причем в словаре помет при обеих формах не имеется. Правда, как показывает практика наблюдения над официальными паспортными именованиями (материалы ЗАГСов, избирательные списки и пр.), преобладают отчества стандартные. На наш взгляд, действует стандартная модель образования унифицированных отчеств.

Можно отметить еще одну особенность двусосновных славянских имен. Они имеют своеобразные и весьма малочисленные (за исключением популярных имен) производные уменьшительные формы. Как правило, все имена на СЛАВ имеют одну производную форму СЛАВА, причем как мужские, так и женские: БЕЛОСЛАВ, БЕЛОСЛАВА – СЛАВА; БОЛЕСЛАВ, БОЛЕСЛАВА – СЛАВА; БОРИСЛАВ, БОРИСЛАВА – СЛАВА и пр. Имена со второй частью МИР имеют также общую сокращенную форму МИРА: ДОБРОМИР, ДОБРОМИРА – МИРА; ЛЮБОМИР, ЛЮБОМИРА – МИРА и т.д. Исключение составляет имя ВЛАДИМИР, хотя для женского ВЛАДИМИРА форма МИРА отмечена. Для имен со второй частью МИЛ одно из главных производных форм – МИЛА: ЛЮДМИЛ, ЛЮДМИЛА – МИЛА; ВСЕМИЛ, ВСЕМИЛА – МИЛА и пр.

Есть производные и от первых корней, которые также объединяют подгруппы имен с общим корнем, как мужские, так и женские: БОРИСЛАВ, БОРИСЛАВА, БОРИМИР, БОРИМИРА – БОРЯ; БРОНИСЛАВ, БРОНИСЛАВА – БРОНЯ; РАТИБОР, РАТМИР – РАТЯ; СВЕТИСЛАВ, СВЕТИСЛАВА, СВЕТЛАН, СВЕТЛАНА – СВЕТ, СВЕТА и т.д.

В целом система производных форм двусосновных имен довольно проста, так как сами имена имели невысокую частоту бытования. Уменьшительные формы соответствуют основам и объединяют мужские и женские полные имена и имена с одинаковыми корнями.

По-иному обстоит дело с уменьшительными формами более распространенных или популярных имен.

Так, имя ВЛАДИМИР имеет в словаре 22 уменьшительные формы (хотя нераспространенное имя ВЛАДИМИРА только две – МИРА и ВЛАДЯ(А)); имя ВСЕВОЛОД имеет 9 уменьшительных форм, имя ВЯЧЕСЛАВ – 7, имя ВЛАДИСЛАВ – 8. Но и у этих имен есть общие уменьшительные формы: ЛАДЯ (ЛАДА), ВЛАДЯ (ВЛАДА), ВАВА и некоторые другие.

Среди производных имен есть частые в коммуникации (типа СЛАВА) и редкие (типа ВАВА). Уменьшительные формы не только двусосновных славянских имен, но и в целом имен, бытующих сегодня в России, изучены лишь фрагментарно, и их система и роль в коммуникации – тема специального исследования.

Следует отметить яркий социальный признак рассматриваемых имен: все они в прошлом относились к княжеским именам [2]. Именно сложный характер основы противопоставлял эти образования всем другим славянским именованиям, отмеченным в первых памятниках письменности, таким как БЛУД, МАЛ, ХРАБР, ИСТОМА и пр. Сложность структуры служила своего рода выделительным признаком для

бытования этих имен в привилегированной княжеской среде — это были особые, социально значимые различительные знаки в древнем славянском сообществе и древних славянских государствах.

Лишь незначительная часть рассмотренных имен стала крестильными, то есть была зарегистрирована церковью в святцах и предложена в качестве церковных именовании при рождении или обряде крещения, который обязательно сопровождается имянаречением. Попадали эти имена в святцы вместе с канонизацией того или иного князя. Первым был канонизирован церковью Владимир Красное Солнышко, и его славянское имя попало в святцы. У имени Владимир 3 крестильных дня в году — 4 июня, 28 июля, 17 октября. Далее в святцах засвидетельствованы имена ВЛАДИСЛАВ (4 октября), ВСЕВОЛОД (24 февраля, 5 мая, 10 декабря), ВЯЧЕСЛАВ (старорусское ВЕЧЕСЛАВ, 17 марта, 11 октября), РОСТИСЛАВ (27 марта), СВЯТОСЛАВ (16 февраля), СТАНИСЛАВ (в католических святцах 11 апреля, 7 мая). Подавляющая же часть славянских двуосновных имен не носит крестильного характера, они так и остаются языческими славянскими именованими.

Многие из рассматриваемых имен имеют формы женских имен с окончанием А: БЕЛОСЛАВ — БЕЛОСЛАВА, БОЛЕСЛАВ — БОЛЕСЛАВА, БОРИСЛАВ — БОРИСЛАВА, БРАТИСЛАВ — БРАТИСЛАВА, БРОНИСЛАВ — БРОНИСЛАВА, ВЕЛИМИР — ВЕЛИМИРА, ВЕНЦЕСЛАВ — ВЕНЦЕСЛАВА, ВЛАДИМИР — ВЛАДИМИРА, ВОИСЛАВ — ВОИСЛАВА и пр. Крестильным же стало только одно женское имя — Людмила (имя канонизированной чешской княгини, день памяти — 29 сентября).

В словаре все славянские двуосновные имена имеют различные пометы, которые в определенной мере классифицируют их степень распространенности сегодня: «славянское редкое» — общеславянские малоупотребительные в настоящее время имена типа БЕЛОСЛАВ, БРЯЧИСЛАВ, ВСЕМИЛ, ВСЕСЛАВ, ВЫШЕСЛАВ, ГРАДИСЛАВ, ГРЕМИСЛАВ и пр.; «старорусское редкое» — ГОСТОМЫСЛ, МИЛОНЕГ, СВЯТОГОР; просто «славянское» — БОРИСЛАВ, БРОНИСЛАВ, ВЛАДИМИР, ВЛАДИСЛАВ, ЛАДИСЛАВ, ЛЮБОМИР, МСТИСЛАВ, РОСТИСЛАВ и некоторые другие.

Мы взяли еще один классический словарь личных имен известного российского ономаста А. В. Суперанской [6] и посмотрели на представление в нем двуосновных старых княжеских имен.

В целом можно отметить, что автор включила в состав именника Словаря много двуосновных имен болгарского происхождения, отсутствующих в Словаре Н. А. Петровского: ДОБРОЦВЕТ, ДОБРОДАН [6, с. 94], МИЛОДРАГ [6, с. 159], РАДОСЛАВ [6, с. 183], ЯРОМИР [6, с. 247]. Некоторые имена, общие для двух словарей, тоже имеют помету «болгарское», а не «славянское»: ГРАДИСЛАВ [6, с. 81], МИЛОРАД [6, с. 159]. Автор предлагает большую конкретизацию славянского происхождения именовании: КАЗИМИР имеет помету «польское» и своеобразное толкование — «предсказывающий, проповедующий мир» [6, с. 121]; МСТИСЛАВ имеет помету «русское», ЛУЧЕЗАР — «болгарское» [6, с. 148]; НОВОМИР автор не считает новым, а относит к русским и

болгарским именам [6, с. 166]. Наоборот, отдельных имен нет в Словаре А. В. Суперанской: ГОРИСЛАВ, ВОЛОДАРЬ, МИРОСЛАВ, РОДИСЛАВ, также нет новообразований КРАСНОСЛАВ, КРАСНОМИР. Есть женское имя ЛЮБОМИЛА, но нет мужского соответствия [6, с. 180]. Представлено имя ГОСТЯН как сокращенная форма к РОДИГОСТУ [6, с. 81], но полного образования нет. Подробнее рассмотрено бытование имен у южных славян. Возможно, опираясь на большее количество южнославянских памятников письменности, автор включила в свой словарь болгарские имена. Петровский подошел к пометам с более общих позиций, представил меньше конкретных помет. Естественно, есть разница в отдельных пометах («старое», «редкое»). Но в целом все подсчеты, приведенные нами по материалам Словаря Н. А. Петровского, достаточно объективно отражают картину в группе двусосновых княжеских имен.

К сожалению, опираясь на данные словарей, трудно мотивировать указанные пометы с учетом современной коммуникации. В целом можно сказать, что имена, не отмеченные святцами, объективно задававшими определенную частоту бытования имени днями имянаречения, были не слишком популярны в России. Так, можно опираться на подсчеты И. В. Даниловой, которая исследовала частоту называния тем или иным именем смолян (вся Смоленская область) на протяжении XX столетия [3].

Для исследования брались контрольные временные срезы по десятилетиям: 1908 г. — дореволюционный именной, 1918 г. — именной революционного времени, 1928 г. — антропонимическое половежье, свобода имянаречения и т. д.; последний контрольный год в исследовании — 1998.

До революции славянские имена использовались весьма ограниченно: в числе единичных засвидетельствовано имя РОСТИСЛАВ, в числе редких — ВСЕВОЛОД, ВЯЧЕСЛАВ. Единственным популярным именем (10-е место по частоте наречения новорожденных) было имя ВЛАДИМИР, которое в свое время вошло в царский именной. Среди женских двусосновых имен в число редких входило только имя ЛЮДМИЛА.

Та же картина наблюдается на срезе 1918 г., только имя ВЛАДИМИР заняло 11-ю позицию в двадцатке частых имен, а среди единичных отмечены ВЛАДИСЛАВ, СТАНИСЛАВ, СТАНИСЛАВА.

В 1928 г. число двусосновых славянских имен несколько расширяется. В составе мужского именника в качестве единичных и редких засвидетельствованы имена БОЛЕСЛАВ, СВЯТОСЛАВ, РОСТИСЛАВ, БРОНИСЛАВ, ВСЕВОЛОД, СТАНИСЛАВ, ВЛАДИСЛАВ. Имя ВЛАДИМИР выходит на 3-ю позицию по популярности. Женское имя ЛЮДМИЛА вошло в состав 20 самых частых имен, даваемых новорожденным. Эта тенденция соответствует отмеченной В. Д. Бондалетовым: чтобы разнообразить именной и давать детям новые имена, была сделана попытка обратиться к славянскому фонду [1]. Естественно, имя ВЛАДИМИР, связанное с вождем революции, входит в число лидеров. В десятку по-

пулярных имен попало имя ЛЮДМИЛА. В 1938 г. имя ВЛАДИМИР — абсолютно приоритетное, имя ЛЮДМИЛА занимает 5-ю позицию в списке популярных имен для новорожденных. В женский именник, который очень разнообразен, входит и сразу же становится активно бытующим имя СВЕТЛАНА.

Та же картина имеет место в 1948 и 1958 гг. — меняется только популярность в пределах десятки имен; славянские имена в количестве 5—6 именовании обычны в составе редких.

Обратимся к последнему контрольному срезу. В 1998 г. среди единичных и редких имен по-прежнему есть двуосновные: РАДОГОР, СВЯТОСЛАВ, ВСЕВОЛОД, БРОНИСЛАВ. Близки к частым именам СТАНИСЛАВ и ВЯЧЕСЛАВ. В пятерку лидеров вошло имя ВЛАДИСЛАВ. Имя ВЛАДИМИР, оставаясь популярным, занимает 16-ю позицию. В женском именнике славянские двуосновные имена редкие. Имя ЛЮДМИЛА утратило былую популярность, встречаются имена ВЛАДИСЛАВА, СТАНИСЛАВА. В число 20 популярных имен входит имя СВЕТЛАНА [3, с. 142—143].

Следует особо сказать о бытовании этих именовании в последние годы. Так, по материалам ЗАГСа Смоленской области, в целом можно отметить повышение частотности использования подобных имен при наречении новорожденных. В 2018 г. среди десятки популярных имен оказались имена ВЛАДИСЛАВ (6-е место) и СТАНИСЛАВ (10-е место). В двадцатку частых имен вошли имена ЯРОСЛАВ, ВЯЧЕСЛАВ и ВЛАДИМИР (15, 16 и 19-е место). В число близких к частым попали ВСЕВОЛОД, РОСТИСЛАВ. Редко, но встречаются имена КАЗИМИР, БРОНИСЛАВ, МЕЧИСЛАВ, ТИХОМИР, ЛЮБОМИР, СВЯТОСЛАВ, БОРИСЛАВ и некоторые другие. Это позволяет говорить о своеобразном возрождении двуосновных имен в России. Возможно, некоторое ретро — это повторение революционного обновления 1920-х гг. Именник отражает определенный интерес к старым именованию, причем княжеским, славянским. Это история славянства, история Древней Руси.

Итак, мы сделали первую попытку рассмотреть особенности небольшой по объему, но яркой и колоритной и в языковом, и в функциональном отношении группы двуосновных славянских имен, существование которых отражено еще первыми памятниками письменности. Надеемся, что работа будет иметь продолжение, особенно на базе расширения состава этих имен по другим лексикографическим источникам.

Список литературы

1. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.
2. *Вельтман А. Ф.* Древние славянские собственные имена // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. М., 1890. Кн. 4. С. 159—177.
3. *Королева И. А., Данилова И. В., Соловьев А. Н.* Имена на Смоленщине: история и современность. Смоленск, 2005. С. 133—192.
4. *Морошкин М. Я.* О личных именах у русских славян // Известия Императорского Археологического общества. Т. 4. СПб., 1863. Вып. 6. С. 517—533.

5. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. 6-е изд. М., 2000.

6. *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.

7. *Тушиков Н. М.* Заметки к истории древнерусских личных собственных имен // Библиограф. 1892. Ч. 1, №4-5. С. 182–195 ; Ч. 2, №6-7. С. 240–252.

Об авторе

Инна Александровна Королева – д-р филол. наук, проф., Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: innakor@mail.ru

The author

Prof. Inna A. Koroleva, Smolensk State University, Russia.

E-mail: innakor@mail.ru

Т. В. Лановая

АКТИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ «КОРОНАЛЕКСИКИ»

Поступила в редакцию 21.03.2021 г.

Рецензия от 24.04.2021 г.

51

Рассматриваются новые лексические единицы, возникшие в русском языке в связи с пандемией коронавируса, и отражение в речи тех кардинальных изменений социального, экономического, политического характера, которые она повлекла. Описывается словообразовательная структура дериватов, образованных на основании лексем ковид, коронавируса и корона и относящихся к основным знаменательным частям речи. Собранный картотека «коронаслов» включает 186 единиц. Целью статьи было определить словообразовательную и стилистическую специфику лексических единиц, которые тематически связаны с темой пандемии коронавируса. Для этого на основе текстов публицистических интернет-изданий, средств массовой информации, социальных сетей, блогов, форумов методом сплошной выборки была составлена картотека единиц, отвечающих параметрам поиска. Установлено, что лексические новообразования характеризуются окказиональностью, выразительностью и оценочностью. Словообразовательные инновации образованы по продуктивным моделям русского языка (сложение основ и суффиксация для имен существительных, префиксация для имен прилагательных) и являются результатом словообразовательной игры. Цель таких единиц – акцентировать внимание на актуальных социальных проблемах, отразить свое отношение к проблеме пандемии и локдауна, а также оказать эмоциональное воздействие на адресата.

The article examines new lexical units that have appeared in the Russian language as some reflection of COVID-19 spreading across Russia and worldwide as well fundamental changes in social, economic and political life that it has triggered. The pandemic brought about new vocabulary, a number of medical terms and disinfectant names, which have become the most used both in colloquial speech and in the media and Internet discourse. The paper is devoted to the description of the derivatives where the word-forming structure is based on such lexical units as covid, coronavirus and corona and related to the content words. The article is aimed at determining the word-forming and stylistic specifics of lexical units related to the topic of the coronavirus pandemic. For this purpose, the author collected the card index of lexical units which includes 186 items corresponded to the search parameters from various publicistic web-based media, mass media, social networks, blogs, forums using the continuous sampling method. The result of the study has shown that lexical neologisms are characterized by occasional, expressive and evaluative nature. Word-building patterns correspond to the productive models of the Russian language (stem composition and suffixes for nouns; prefixes for adjectives) and are the result of word-building play. The purpose of such units is to focus on current social problems, reflect on the attitude to the problem of the pandemic and lockdown, and also have an emotional impact on the addressee.

Ключевые слова: деривация, словообразование, словообразовательные модели, «короналексика», коронавирус

Keywords: derivation, word formation, word-formation models, coronavocabulary, coronavirus

Введение

Лексический пласт языка, будучи самым восприимчивым к воздействию быстро меняющегося мира, чутко реагирует на инновации в содержании общественной коммуникации. Любые социально-экономические, политические, культурные изменения, имеющие острый характер и общественную значимость, находят отражение в активном словарном запасе. В декабре 2019 г. из средств массовой информации весь мир узнал о массовом поражении людей неизвестным коронавирусом в городе Ухань (провинция Хубэй, Китай). Чуть более месяца спустя, 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила эту вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта 2020 г. вспышка получила статус пандемии [2]. Начиная с марта 2020 г. страны мира одна за другой закрывали границы, останавливали все виды международного сообщения, вводили режимы чрезвычайной ситуации и повышенной готовности, объявляли карантин. В частности, на всей территории России 19 марта был введен режим повышенной готовности и режим самоизоляции. До конца 2021 г. по всему миру с целью недопущения распространения коронавируса в целых странах, отдельных регионах или для определенных социальных групп вводились ограничительные меры. Естественно, пандемия коронавируса внесла изменения в активный словарный запас, в лексику повседневного общения людей всей планеты. Н. А. Купина отмечает, что «вспыхнувшая в первые месяцы 2020 г. эпидемия коронавируса способствует возрастанию частотности тревожной лексики, отражающей новую реальность... <...> Значения новообразований, как правило, понятны вне контекста» [8, с. 6]. В. Е. Замальдинов также отмечает, что «вирусные» новообразования «отражают болезнь и опасность для человека, страх перед смертью и неизвестностью» [5, с. 3].

Объектом нашего исследования стали лексические новообразования в интернет-дискурсе, тематически связанном с коронавирусной инфекцией. Под лексическими новообразованиями мы понимаем новые слова, новые значения, которые отражают изменения в объективном мире, в деятельности человека и индивидуальном сознании. Предметом данной работы являются активные словообразовательные модели, по которым образована рассматриваемая «короналексика». В статье затрагиваются только узуальные способы словообразования. Неузальным способам посвящена работа В. Е. Замальдинова, в которой рассмотрены примеры междусловного наложения, заменительной деривации, графической гибридизации и т. д. [5].

Цель статьи – определить словообразовательную специфику лексических единиц, которые тематически связаны с пандемией коронавируса.

Интерес ученых к лексическим инновациям обусловлен количественным ростом новообразований в активном словаре говорящих. Исследователи отмечают, что «русский язык, отвечая на знаковые цивилизационные вызовы современной эпохи, демонстрирует значительный потенциал динамического развития, что проявляется прежде всего в деривационных процессах» [10, с. 6]. Изучению новообразований в тех или иных аспектах: словообразовательном, морфологическом, стилистическом, лексикографическом, социолингвистическом – посвящено множество научных работ, причем сегодня все чаще материалом подобных исследований становится «коронавирусная» лексика [1; 8; 12; 13]. Под термином-неологизмом «*коронавирусная*» лексика мы понимаем любые лексические единицы, которые образовались в связи с возникшей у носителей русского языка необходимостью обозначить данное новое явление объективного мира или связанные с ним субъективные ощущения. Следовательно, актуальность нашей темы продиктована как активностью процесса неологизации лексики в период пандемии, так и отсутствием фундаментальных работ, посвященных всестороннему изучению актуального языкового материала в выбранном нами аспекте.

Материал и методы исследования

Картотека исследования представлена 186 языковыми единицами, относящимися к различным частям речи. Данный перечень не является конечным и может быть увеличен за счет продолжительности наблюдения и включения большего количества интернет-ресурсов. Также отметим, что большинство интернет-СМИ имеют и печатный формат, однако мы использовали исключительно их электронную версию (даты публикации материала на официальном сайте и в онлайн-версии могут различаться на несколько дней). Среди СМИ основными источниками стали «Коммерсантъ», «Известия», «Завтра», «Радио Свобода», «Российская газета», «Аргументы и факты», «Ведомости», «Лента.ру», «ПостНаука», «Colta.ru», «Теории и практики», «Медуза», «ТАСС», кроме того, рассматривались публикации в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм», «Живой Журнал», «Фейсбук» и в мессенджере «Телеграм». «Сегодня коммуникативное пространство современного русского языка... начинает заполняться новейшими лексическими новинками. Превращаясь в своеобразный депозитарий новообразований, это пространство представляет собой особую коммуникативную среду и особое, никогда ранее не существовавшее место реализации языка, способствующее восполнению постоянно возникающих речевых лакун в живом общении» [6, с. 50].

Среди интернет-ресурсов в первую очередь отметим роль периодической печати, которая активно расширяет словарный запас своей

аудитории, вводя неологизмы, наиболее адекватно отражающие новации в самой жизни. Процесс образования новых слов, отражающийся в СМИ и оперативно фиксирующий лексические и словообразовательные инновации, является наиболее традиционным и современным источником окказионализмов. Благодаря различным интернет-площадкам пользователи Сети сегодня также имеют возможность обмениваться своими лексическими индивидуально-авторскими образованиями, однако СМИ по-прежнему принадлежит ведущая роль в распространении, популяризации и, благодаря этому, дальнейшей лексикографии той или иной лексической инновации. Кроме того, «медийный дискурс затрагивает через интерпретацию фактического поля действительности все значимые концептосферы картины мира» [14, с. 282]. Язык СМИ всегда находится в поле зрения ученых, так как представляет собой ту область, в которой новые значения уже существующих лексических единиц и новые языковые единицы, пришедшие из живой разговорной речи, появляются, развиваются, распространяются, закрепляются и часто получают статус нормативных.

Основным методом исследования стал метод деривационного анализа, применены элементы контекстуального анализа и филологической интерпретации текста.

Результаты и обсуждение

Появление большого количества новой лексики быстро обратило на себя внимание журналистов и ученых. Различные СМИ публикуют собственные подборки новых слов, находки подписчиков из разных городов, комментарии и интервью с лингвистами. Например, в социальной сети «Фейсбук» появился «Словарь перемен». В статье «Радио Свобода» «Лексика пандемии. Как вирус заражает русский язык» (06.04.2020) уже в названии используется новое, но понятное всем выражение *лексика пандемии*. Автор считает, что слово *коронавирус* «имеет все шансы стать словом года», отмечая при этом: «Стилистический диапазон широкий — от простецкого выражения “подцепить корону” до саркастического “цифровой концлагерь”. От игривого “скарантинить время” до брутального “карантец”». Особо отметим подборки неологизмов и предположений о том, как изменится русский язык после пандемии, на таких сайтах и порталах, как «Теории и практики», «Медуза», ТАСС, «РИА Новости», «Российская газета».

Перечислим номинативные единицы, наиболее часто встречающиеся в названных выше подборках: *COVID-19, ковид, коронавирус, карантин, карантинуум, карантье, зумиться, дистант, дистанционка, удаленка, карантикулы, пандемия, инфодемия, пандемия, вакцина, эпидемия, самоизоляция, маска, маскопаника, маскобесие, санитайзер, обсервация, антисептик, социальная дистанция* и многие другие. Отметим, что не все представленные единицы являются неологизмами, так как даже слово *коронавирус* пришло к нам не зимой 2019 г., а раньше. В Национальном корпусе русского языка мы нашли 5 контекстов с 2002 по 2006 г. с искомым сло-

вом, ср., напр.: В первом случае причиной стал измененный *коронавирус*, носителями которого были летучие мыши (В. Зверев. Вакцины: от Дженнера и Пастера до наших дней) [11].

Перейдем к анализу собственно словообразовательных моделей дериватов, образованных от лексем *ковид*, *коронавирус* и *корона* (данные единицы возникли в результате транслитерации латинского и английского наименований вирусной инфекции и болезни, которую она вызывает: *Corona*, *Coronavirus COVID-19*).

Выявлены следующие суффиксальные отсубстантивные словообразовательные модели, которые легли в основу образования зафиксированных нами единиц (при описании значений аффиксов используются словари [4; 9]):

основа сущ. + суф. -ец со значением лица, характеризующегося каким-либо свойством: *карантинец*, *ковидец*;

основа сущ. + суф. -овец со значением лица, характеризующегося отношением к организации, учреждению, партии. По данной модели образованы слова *вузовец*, *мхатовец* и др. [4], однако единица *ковидовец*, как мы видим, называет лицо, характеризующееся определенным свойством — наличием подтвержденного заболевания;

основа сущ. + суф. -ник со значением лица, характеризующегося отношением к предмету или явлению, названному мотивирующим именем существительным. Эта модель особенно продуктивна в разговорной речи: *коронавирусник*, *ковидник*. Интересно, что *ковидник* также используется для обозначения помещения (*больницы*, *центра*), в котором находятся на лечении больные *коронавирусом*. В данном случае суффикс *-ник* объединил два своих значения: а) *пространство или территория, покрытые тем или содержащие то, что названо мотивирующим существительным* (*малинник* и др.) и б) *помещение для животных, названных мотивирующим существительным* (*пчельник* и др.);

основа сущ. + суф. -ушк(а) с субъективно оценочным значением: *ковидушка*, *коронавирушка*, *коронушка*. Во втором и третьем слове наблюдается усечение финалей *-ус* и *-а* мотивирующих слов. Отметим, что, по наблюдениям В. А. Косовой и Е. А. Маклеевой, отсубстантивные производные с суффиксом *-ушк* выражают только ласкательное значение в случае, если суффикс ударный, а дериваты с безударным суффиксом имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение [7, с. 1347]. Так как данные единицы не зафиксированы в словарях и их ударение нам неизвестно, характер оценочной коннотации можно узнать только в расширенном контексте;

основа сущ. + суф. -истик(а) со значением совокупности явлений, названных мотивирующими словом: *ковидистика*;

основа сущ. + суф. -ёныш со значением «детёныш животных», однако в нашу картотеку входит одна единица с неузвальным значением нарицательного имени лица, характеризующаяся ярко выраженной окраской разговорности и просторечности: *ковидёныш*;

основа сущ. + суф. -оид со значением «предмет (одушевленный и неодушевленный), подобный тому, который назван мотивирующим словом, но имеющий отличия от него»: *ковидоид* (*Общество разделилось на антимасочников и ковидоидов*);

основа сущ. + суф. -иад(а) со значением «массовое спортивное соревнование, связанное с тем, что названо мотивирующим словом»: *ковидиада*;

основа сущ. + суф. -|j| со значением названия совокупности чего-л.: *ковидьё*;

основа сущ. + суф. -яшик(а) со значением ласкательности: *коронавирусяшика*;

основа сущ. + суф. -оз со значением названия заболевания: *ковидоз*;

основа сущ. + суф. -изм, который образует существительные мужского рода, представляющие собою названия общественно-политических, научных или эстетических учений, направлений, систем, а также качеств, склонностей, действий или состояний, связанных с тем, что названо мотивирующим именем существительным: *ковидизм*;

основа сущ. + суф. -к(а), образующий существительные женского рода: *ковидовка*. Данная единица отражает пренебрежительное отношение говорящего к женщине, больной коронавирусной инфекцией. Однако эта же единица омонимична по отношению к *ковидовке* — потенциально возможному алкогольному напитку на основе гречневой крупы. Данный универб отличается от привычных, из которых легко восстанавливается словосочетание, тем, что не имеет полного варианта и требует лексического толкования.

В нашу картотеку вошло несколько субстантивов, образованных путем присоединения суффиксоидов:

основа сущ. + суффиксоид -мания со значением «сильное пристрастие, влечение к тому, что названо в первой части слова»: *ковидомания, коронамания, коронавирусомания*;

основа сущ. + суффиксоид -вед со значением «лицо по профессиональному занятию, связанному с какой-н. отраслью знания»: *ковидовед, коронавед, коронавирусовед*;

основа сущ. + суффиксоид -лог со значением «лицо по профессиональному занятию, связанному с какой-н. отраслью знания»: *коронавирусолог*. Также в роли словообразующего средства может выступать суффиксоид **-вод**, и в интернет-источниках мы многократно встречали единицу *коронавод*, однако было бы ошибочно искать семантическую связь с коронавирусом, так как лексическое значение данной единицы закрепилось в автомобильной сфере: *коронавод* — это водитель автомобиля Toyota Corona;

основа сущ. + суффиксоид -ведение со значением «наука или научная дисциплина, изучающие предмет, названный в первой части слова»: *ковидоведение, коронаведение*; словообразовательными средствами также служат суффиксоиды **-логия**: *ковидология* (занимательная, практическая), **-водство**: *коронаводство*;

основа сущ. + суффиксоид -люб со значением «лицо, любящее то, что названо в первой части слова»: *ковидолюб*. В роли словообразовательного средства также выступает суффиксоид **-ман**, поэтому такие единицы, как *корон(о/а)ман, корон(о/а)люб*, существуют не только потенциально, но и узуально, однако их семантика связана с олицетворяю-

щим власть головным убором, а не с вирусом. Также в нашей картотеке зафиксирована единица с **суффиксоидом -голик**: *коронаголик* (корона + алкоголь), однако она называет того, «кто пьет водку и спирт, так как ему сказали, что спирт убивает вирус» (Пикабу). В данном случае языковую игру сопровождает процесс контаминации, то есть «проникновения компонентов одной единицы языка в другую (иногда взаимное проникновение) с непременно вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [16, с. 258];

основа сущ. + суффиксоид -фобия со значением «боязнь того, страх перед тем и неприязнь или ненависть к тому, что названо в первой части слова»: *ковидофобия, коронафобия, коронавирусофобии*;

основа сущ. + суффиксоид -фоб со значением «лицо, враждебно и со страхом относящееся к тому, что названо в первой части слова»: *ковидофоб, коронавирусофоб, коронафоб*;

основа сущ. + суффиксоид -завр со значением «вымерший ящер, ископаемая рептилия»: *коронавирусозавр, короназавр, ковидозавр*. Контекстуально очевидно использование структурного элемента *-завр* в метафорическом значении 'отсталый, примитивно мыслящий человек'.

Кроме вышеуказанных суффиксальных моделей с единицами *корона, коронавирус* и *ковид* также активно используется **префиксация**:

преф. анти- со значением «нечто противоположное тому, что названо мотивирующим именем существительным» + **сущ.**: *антикоронавирусник* и *антиковидник* (лицо, не признающее опасность заболевания коронавирусом или само его существование);

преф. недо- со значением «неполнота, недостаточность по сравнению с нормой» + **сущ.**: *недокоронавирус, недоковид* (бессимптомное протекание заболевания);

преф. пост- со значением «понятие или явление, названное мотивирующим именем существительным, но происходящее после него» + **сущ.**: *посткоронамир, постковид*;

преф. до- со значением «предшествование по времени тому, что названо мотивирующим именем существительным» + **сущ.**: *доковидье* (используется для обозначения периода до пандемии коронавируса).

По моделям префиксоидных способов образуются следующие существительные:

префиксоид псевдо- со значением «мнимый, ложный» + **основа сущ.**: *псевдокорона*; такую же семантику имеет префиксоид *квази-*, однако таких единиц мы не обнаружили с помощью поисковых интернет-систем;

префиксоид полу- со значением «неполнота признака» + **сущ.**: *полуковид*.

Также используется словообразовательная модель, в которой мотивирующим словом выступает имя прилагательное:

основа прил. + суф. -ость со значением отвлеченного признака, характеризующегося тем, что названо мотивирующим словом: *ковидный – ковидность*.

Большая часть зафиксированных нами лексических инноваций представляет собой сложные слова, образованные по модели **сущ. корона + сущ.**, в которой корень *корона* имеет значение 'относящийся, имеющий отношение к коронавирусу', а второе существительное содержит собственно смысловой, семантический компонент значения нового слова и является главным при определении числа и категории рода деривата. Например: *коронабольница, короналекарство, коронавакцина, коронамузыка, коронавера, короналексика, коронафейк, коронаскепис, коронаскеттик, коронапаника, коронавирусолог, коронаэкономика, коронаденьги, коронацифры, коронаданные, коронамир, коронамода, коронаследствие, коронановости, коронаразвод, короназнание, коронакризис* и т. д.

Интересно, что в силу отсутствия орфографической традиции некоторые из этих слов имеют вариативное написание — слитно и через дефис, например: *корона-данные, корона-госпиталь, корона-статус, корона-штаб* и др.

Данная модель сложения является открытой и потенциально бесконечной по количеству возможных образований.

Отметим, что модели **ковид + имя сущ.** и **ковид + соед. гласная о + имя сущ.** менее продуктивны: *ковидомир, ковидмода, ковидвакцина, ковидоскеттик, ковидолуди* и др. Это свидетельствует о преобладании в современном русском словообразовании свойственных английскому языку аналитических моделей сложения основ без соединительных гласных, что отмечается в исследованиях многих отечественных дериватологов.

Особый научный интерес представляют случаи контаминации, сложения и наложения, однако они не рассматриваются в рамках данной работы: *карантинка* (карантин + валентинка), *ковидиот* (ковид + идиот), *короналогия* (корона + налог), *ковидиенция* (ковид + аудиенция), *коронатейст* (корона + атеист), *коронаёке* (коронавирус и караоке), *коронагеддон* (корона + Армагеддон), *ковигист* (ковид + пофигист), *ковидор* (ковид + коридор) и др.

Путем **субстантивации** созданы существительные адъективного склонения, синонимичные словосочетаниям с мотивирующим прилагательным в качестве определяющего слова: *коронавирусная* и *ковидная* используются в разговорной речи для обозначения наименования помещений, *коронабольной, коронистый, ковидоносный, коронаположительный* и *ковидный* — для именования пациента с подтвержденной коронавирусной инфекцией. Также в употреблении образованные этим же способом существительные *коронаверующий, коронаученый*.

В сравнении с производными субстантивами при образовании прилагательных на базе лексем *ковид, корона* и *коронавирус* используется меньшее число словообразовательных моделей. Наиболее высокую продуктивность имеет отсубстантивная модель с суффиксальным формантом **-ск-**, являющимся регулярной и продуктивной словообразовательной единицей со значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом»: *ковидский* (период, мир), *коронский* (вирус).

С помощью регулярной и очень продуктивной словообразовательной морфемы — суффикса *-ист(ый)* со значением «обладающий тем, что названо мотивирующим словом» — образовано 2 деривата: *коронистый* и *ковидистый*.

При участии суффикса *-овск- / -евск-* со значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» образуются 3 адъектива — *короновский, коронавирусовский, ковидовский*.

При образовании адъективов активно используется способ префиксации:

преф. не- со значением «отрицание или противоположность признака, названного мотивирующим словом» + **прил.:** *нековидный, нековидовский, некоронавирусный*;

преф. анти- со значением «направленное против того, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» + **прил.:** *антикоронавирусный* (стрим, мораторий, закон, хлеб), *антиковидный* (штаб, кавер, поезд), *антивирусный* (контент; о позитивных видео, которые помогают поднять настроение и не думать об ужасах пандемии);

преф. до- со значением «предшествующий по времени тому, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» + **прил.:** *доковидовский, доковидный, доковидовый, докоронавирусный* (режим, уровень, месяц).

преф. после- со значением «совершающийся или совершившийся после того, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» + **прил.:** *послекоронавирусный*. Подобной семантикой также обладает нерегулярная словообразовательная единица префикс *пост-*: *посткоронавирусный* (мир, период, туризм), *посткороновский, постковидский, постковидовский* и *постковидный* (порядок, тренд).

преф. про- со значением «приверженный тому, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» + **прил.:** *прокоронавирусный* (актив).

преф. пред- со значением «непосредственно предшествующий (во времени или пространстве) тому, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» + **прил.:** *предкоронавирусный, предковидный* (уровень, альбом, концерт);

преф. недо- со значением «неполнота, недостаточность по сравнению с нормой» + **прил.:** *недокоронавирусный* (больной).

Путем конфикации образовано несколько имен прилагательных:

конф. внутри-...-н- со значением «находящийся или происходящий в пределах того, что названо мотивирующим словом» + **сущ.:** *внутриковидный* (мир).

конф. вне-...-ск- со значением «находящийся или происходящий за пределами того, что названо мотивирующим словом» + **сущ.:** *внекоронавирусный* (мир).

В картотеку вошло несколько прилагательных, образованных по префиксоидным моделям:

префиксоид полу- со значением «не совсем, не до конца, почти» + **прил.:** *полукоронавирусный, полукوفيدный* (стационар);

префиксоид псевдо- со значением «ложный, ненастоящий» + **прил.:** *псевдокوفيدный* (карантин);

сущ. + суффиксоид -подобн(ый) со значением «подобие тому, что названо первым компонентом»: *ковидоподобный* (вирус); аналогичной семантикой обладают другие словообразовательные средства – **суффиксоид -образн(ый):** *ковидообразный* (град);

сущ. + суффиксоид -носн(ый) со значением «характеризующий действие, которое названо опорной основой и уточнено в предшествующей основе сложения»: *ковидоносный* и *коронавирусоносный* (пациент).

На базе рассматриваемых единиц по разным моделям также были образованы глаголы.

Префиксальные модели:

преф. по- + **гл.** со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершаемое в течение некоторого времени (чаще недолго)»: *поковидеть* (несколько дней);

преф. за- + **гл.** со значением «совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *закоронить* (весь мир).

Суффиксальные модели:

основа сущ. + суф. -ирова- со значением 1) «наделять что-л. признаками того, что названо мотивирующим существительным»: *ковидировать* (всех); 2) со значением «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным»: (некогда) *коронавировать* (слово образовано с усечением финали);

основа сущ. + суф. -и- со значением «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным»: *ковидить* (по-петербургски), *коронавирусить*;

основа сущ. + суф. -нича- со значением «занятие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: (надоело) *ковидничать*, (хватит) *коронавирусничать*;

основа сущ. + суф. -изирова- со значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: (Франция) *короназирует*;

основа гл. + суф. -ну- со значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *ковиднуть* (заразить).

При образовании глаголов также используется постфиксальная модель – присоединение к мотивирующему глаголу **постфикса -ся**, выражающего страдательное значение (*коронавируситься, ковидиться*) и собственно-возвратное значение (*ковиднуться*).

В нашу картотеку вошло несколько наречий, образованных по отаггективной модели:

прил. + суф. -о (регулярная и очень продуктивная словообразовательная единица) со значением «свойственно тому, что названо мотивирующей основой прилагательного»: *ковидно*. С помощью **преф. не-**

(достаточно регулярная, но малопродуктивная единица) с отрицательным обстоятельным значением было образовано два деривата: *нековидно* и *некоронавирусно*;

Также зафиксирован единичный случай образования наречия с суфф. *-енько* со значением субъективно окрашенной усилительности признака: *ковидненько*.

Выводы

Новая эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в России в последний год, без исключения коснулась каждого россиянина. Ее беспрецедентность и масштабность породили страхи, слухи, опасения, надежды и самые различные прогнозы. Для многих россиян благодаря своей доступности и разноплановости основными или дополнительными источниками информации стали интернет-СМИ, а интернет-форумы, социальные сети превратились в площадку для обмена мнениями, сведениями и предположениями. Таким образом, именно интернет-дискурс явился пространством для вербального самовыражения каждого активного пользователя.

Окказиональные и нормативные номинации выполняют в тексте помимо назывной и другие функции. Эмоциональная функция заключается в потребности говорящего точнее выразить мысль, свое отношение к объекту описания. В таком случае окказиональные «коронаслова» представляют собой стилистически окрашенные единицы, которые часто выражают ироническое или сатирическое отношение и привлекают внимание читателей. По мнению В. А. Торопкиной, «особенностью коммуникации в медиа-дискурсе является то, что словообразовательные неологизмы совмещают в себе информативную и экспрессивно-оценочную функции, не только называют понятия и явления, но и имплицитно характеризуют их» [15, с. 204].

Практически все номинации носят разговорный характер. Синонимическая функция реализуется при попытке автора избежать тавтологии в речи и стимулирует языковые новообразования.

Важным аспектом функционирования заимствованных лексических единиц (*корона*, *коронавирус*, *ковид*), тематически связанных с пандемией коронавируса, как единиц системы русского языка является реализация их деривационного потенциала в качестве производящей базы. На 15 декабря 2020 г. в нашу картотеку вошло 186 дериватов, 94 из них — имена существительные, 56 — имена прилагательные, 23 — глаголы, 13 — наречия, однако этот перечень постоянно пополняется. В статье Т. Н. Буцевой и А. В. Зеленина представлен анализ «потенциально узуальных слов», связанных с рассматриваемой нами тематикой [1, с. 99–101].

Основными способами образования существительных служат сложение основ и суффиксация. При образовании имен прилагательных продуктивным оказался префиксальный способ. Отметим, что у многих окказиональных единиц зафиксировано единичное употребление.

Перспективу работы мы видим в увеличении языкового материала, включении большего количества производящих основ, изучении и описании лексико-семантических особенностей «короналексики».

Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта МарГУ № 2020-002 б «Словарь коронавирусной лексики».

Список литературы

1. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неолексики, связанной с пандемией коронавируса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. №6 (99). С. 86–105. doi: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-6-99-7>.
2. Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV) // ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения. 30.01.2020. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/> (дата обращения: 15.01.2021).
3. Дударева Я.А., Шпильная Н.Н., Москвитина Т.В. Ассоциативный словарь медиасобытий начала XXI века: концепция лексикографического издания нового типа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. №4. С. 1069–1078. doi: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1069-1078>.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 17.02.2021).
5. Замальдинов В.Е. «Вирусные» новообразования в современной медиакommunikации // Русская речь. 2020. №4. С. 19–27. doi: [10.31857/S013161170010732-4](https://doi.org/10.31857/S013161170010732-4).
6. Коробкина Н.И. Метафоризация значения окказиональных словосочетаний (на материале современного русского языка) // Современная филология : матер. V Междунар. науч. конф. Самара, 2017. С. 50–53.
7. Косова В.А., Маклеева Е.А. О функциональном анализе морфем, или сколько в русском языке суффиксов *-ушк-* // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, ч. 5. С. 1338–1358.
8. Купина Н.А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 26, №3 (199). 2020. С. 5–13. doi: <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.044>.
9. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/lopatin-uluxanov.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).
10. Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2020. Т. 19, №2. С. 5–19. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.01.2021).
12. Редкозубова Е.А. Covid-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. №4. С. 193–200. doi: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200>.

13. Савченко А. В., Лай Янь-Цзюнь. Коронавирусные неологизмы: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, №4. С. 865–886. doi: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).865-886](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886).

14. Стародубова О. Ю. Медийный дискурс и вторичное лингвокогнитивное моделирование // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. М., 2020. Т. 2. С. 277–283.

15. Торопкина В. А. Прагматический потенциал заголовочных новообразований в электронных медиа // Studia Russica XXVI. Будапешт, 2018. С. 200–205.

16. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение // Развитие современного русского литературного языка : сб. ст. М., 1975. С. 253–260.

Список источников

Пикабу – Пикабу : информационно-развлекательное сообщество. URL: <https://pikabu.ru/> (дата обращения: 15.12.2020).

Радио Свобода – Радио Свобода : международная радиовещательная организация. URL: <https://www.svoboda.org/> (дата обращения: 15.01.2021).

Фейсбук – Facebook : [соц. сеть]. URL: <https://www.facebook.com/> (дата обращения: 15.01.2021).

Об авторе

Татьяна Владимировна Лановая – канд. филол. наук, доц., Марийский государственный университет, Россия.

E-mail: lanovaya_t_v@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6862-5977

The author

Dr Tatiana V. Lanovaya, Associate Professor, Mari State University, Russia.

E-mail: lanovaya_t_v@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6862-5977

В. Н. Любителева

КИНОДИАЛОГ КАК РЕЗУЛЬТАТ АВТОАДАПТАЦИИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КИНОСЦЕНАРИЯ «ROOM», 2015)

64

Поступила в редакцию 18.03.2021 г.

Рецензия от 07.06.2021 г.

Обсуждается проблема создания адаптированного кинематографического произведения на базе оригинального литературного текста. Обращение к данному вопросу обусловлено тем, что это направление не находит достаточного отражения в современных исследованиях и не имеет комплексного подхода с лингвистической точки зрения, необходимого для его теоретического осмысления и проведения анализа языкового материала. Проблема киноадаптации в рамках лингвистического исследования представляется малоизученным, но перспективным направлением, имеющим все основания для системного изучения.

Ключевым понятием исследования выступает кинодиалог как самостоятельная единица в структуре кинопроизведения, обладающая определенными функциями. В контексте контрастивного подхода адаптированный кинодиалог изучается в сопоставлении с оригинальным литературным диалогом, на основе которого он создается. В результате выделен ряд трансформаций, которые претерпевает диалог в процессе адаптации для киносценария и последующей экранизации. Сформулированы некоторые теоретические представления, касающиеся проблемы киноадаптации при ее рассмотрении в лингвистическом фокусе.

The article addresses the problem of creating an adapted film work based on an original literary text. The focus on the issue of adaptation of a literary text for further film production is motivated by the fact that this problem does not find sufficient reflection in modern research and linguistic-wise it does not have an integrated approach. The issue of film adaptation within the scope of linguistic analysis is regarded as not widely studied or understood, however, it seems to be promising for the research that can be taken systematically.

Film dialogue is seen as the key concept in this article. It is defined as a complete and organized formation in the structure of a film work that has clearly defined functions. Contrastive approach allows to consider the adapted film dialogue in comparison with its original literary dialogue and to identify a number of transformations that take place in the process of its adaptation for a film. Undertaken linguistic analysis can serve as the basis for further study of the actual language material in the context of film adaptation as a linguistic problem.

Ключевые слова: автоадаптация, киносценарий, кинотекст, кинодиалог, оригинальный литературный диалог, информативность, трансформации

Keywords: auto-adaptation, film script, film text, film dialogue, original literary dialogue, informativeness, transformations

Введение

Со времен становления кинематографа сценаристы трансформировали литературные тексты в киносценарии, поэтому слияние литературы и кино можно рассматривать как одно из проявлений такого свойства искусств, как синтетичность. Существует довольно обширный корпус работ, в которых поставлена проблема взаимодействия литературы и кино с позиции киноведения и культурологии [2; 13]. Некоторые лингвисты и литературоведы также поднимают вопрос о филологическом изучении феномена экранизации [4; 15]. Но, несмотря на существование филологического интереса к проблеме киноадаптации, системный подход к ее лингвистическому рассмотрению не выработан. Адаптация литературного текста к специфическим потребностям кинематографа ставит перед исследователем целый спектр лингвистических проблем, лежащих в русле таких активно разрабатываемых направлений, как медиалингвистика, интерсемиотический и внутриязыковой перевод.

Способность литературного текста адаптироваться для кинопроизведения определяется как *киногеничность* — эта категория охватывает кинематографические ресурсы произведения словесности [4]. Наряду с киногеничностью выделяют *кинематографичность* — использование кинематографических приемов в литературном произведении, однако рассмотрение этого феномена не входит в наши задачи.

Многие отечественные исследователи, обращавшиеся к лингвистическому анализу кинофильмов, оперируют термином *кинотекст*. При этом нередко «кинотекст» и «кинофильм» фигурируют как синонимы. Так, Е.Б. Иванова считает, что данные термины указывают на одно и то же понятие, но с точки зрения разных областей знания [3, с. 2]. М.А. Ефремова и Г.Г. Слышкин также отождествляют понятия «кинотекст» и «кинофильм». Согласно их мнению, кинотекст — это и есть фильм, представляющий «связное, цельное, завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иколических и/или индексальных) знаков», а также «при помощи кинематографических кодов» [14, с. 37].

В фокусе науки о языке более уместным видится термин «кинотекст» (а не «кинофильм») как апелляция к понятию текста — одной из основных единиц лингвистического анализа.

Но при рассмотрении кинотекста и кинофильма как тождественных понятий возникает вопрос об определении собственно словесной составляющей в кино. Американский исследователь Сара Козлофф в качестве ключевого вербального компонента фильма называет *кинодиалог* [20]. Кинотекст состоит в гиперо-гипонимическом отношении с кинодиалогом. Являясь частью кинотекста, кинодиалог не может существовать отдельно от него, но вместе с тем относительно самодостаточен: это «целостное, связное и обособленное образование в структуре

(текста)» [6, с. 72]. Таким образом, кинодиалог целесообразно рассматривать как лингвистическую систему кинофильма, состоящую из «устно-вербального и письменно-вербального компонентов» [12, с. 230], чья «смысловая завершенность обеспечивается аудиовизуальным (звукосредственным) рядом» [1, с. 77].

В контексте изучения киноадаптации литературного текста наибольший интерес для лингвиста представляют трансформации языкового уровня, которые объективируются главным образом в кинодиалоге, включающем «все разговорные линии фильма, все, что проговаривается в нем» [7, с. 328].

Основной задачей данного исследования является сопоставительное рассмотрение оригинального литературного диалога и основывающегося на нем кинодиалога. Кинодиалог и литературный диалог как продукты художественного творчества (то есть как искусственно создаваемые диалоги, конструируемые таким образом, чтобы напоминать реальное общение [22]), в свою очередь, входят в более гетерогенное понятие – художественный диалог («fictional dialogue»). Под художественным диалогом понимается не только коммуникация между персонажами художественного произведения, но и «интеракция между автором и аудиторией с некоторой целью посредством текста» («an interaction between an author and an audience through the medium of a text for some purpose») [21, р. 500]. Следовательно, коммуникативная направленность художественного диалога носит двойственную природу: помимо общения между персонажами, происходящего на экране или страницах книги, в коммуникативный процесс также вступают автор и получатель его сообщения.

Будучи соположенными понятиями, кинодиалог и литературный диалог в значительной степени различны. Литературный диалог характеризуется ограниченным набором средств, сопутствующих высказываниям, и не располагает, например, интонационными оформлениями и звуковыми сопровождениями; они восполняются типографически либо комментарием рассказчика [19]. В условиях литературно-художественного повествования отсутствует визуальное сопровождение; иллюстрации, если они есть, не могут составить конкуренцию кинематографу в визуальности. В литературе слово доминирует над остальными способами коммуникации и компенсирует дефицит визуальных возможностей. Поэтому необходимым элементом литературных эпических произведений становится рассказчик, в кино же его наличие факультативно. Наряду с этим пространство, в котором протекает литературный диалог, недоступно читателю в том смысле, в котором оно доступно зрителю, так как литературное повествование не сопровождается соответствующим изображением и, как следствие, литературный диалог отличается от кинодиалога большей степенью абстрактности. При чтении литературного произведения каждый создает свои собственные ментальные образы художественного пространства и его участников. Кинематограф же демонстрирует то, что в условиях литературы требует описания вербальными знаками [4].

Далее мы обратимся к лингвистическим трансформациям, которые происходят с литературным диалогом в процессе создания на его основе адаптированного кинодиалога. В качестве источника кинодиалогов выступает киносценарий как переходный текст между двумя видами медиа.

Сопоставительный анализ адаптированного диалога и его первоисточника

Адаптированный киносценарий как промежуточный материал между литературным произведением и кинокартиной представляет собой трансмедийный текст, существующий на стыке двух форм медиа, так как его создание обусловлено литературными средствами, но ориентировано на последующее воплощение аудиовизуальными кинематографическими приемами. Таким образом, диалог-первоисточник и диалоги сценария могут варьироваться в широком диапазоне смысловых сдвигов. Тем не менее существуют художественные произведения, которые успешно интегрируются в киносценарии при сохранении высокой степени соответствия литературному оригиналу. Среди подобных сценариев следует выделить автоадаптации, то есть сценарии, основанные на собственных текстах [5].

Ниже приведены примеры из американского драматического кинофильма режиссера Ленни Абрахамсона «Room» (2015), представляющего собой кинематографическую автоадаптацию одноименного романа Эммы Донохью 2010 г. Картина была отмечена многими наградами и номинациями, в том числе на премию «Оскар» в категории «Лучший адаптированный сценарий». Фильм рассказывает историю девушки Джой, похищенной маньяком в юном возрасте, после чего она была вынуждена много лет жить в крохотной комнате со своим сыном Джеком, который родился в комнате и ни разу ее не покидал. Оригинальная история и ее адаптация начинаются с представленных ниже диалогов.

Оригинальный диалог 1

Today I'm five. I was four last night going to sleep in Wardrobe, but when I wake up in Bed in the dark I'm changed to five, abracadabra. Before that I was three, then two, then one, then zero.

"Was I minus numbers?"

"Hmm?" Ma does a big stretch.

"Up in Heaven. Was I minus one, minus two, minus three-?"

"Nah, the numbers didn't start till you zoomed down."

"Through Skylight. You were all sad till I happened in your tummy."

"You said it." Ma leans out of Bed to switch on Lamp, he makes everything light up whoosh. I shut my eyes just in time, then open one a crack, then both.

Кинодиалог 1

Faint light. Jack and Ma sleep face to face in a double bed under a thin quilt. Pale skin, long hair, wearing t-shirts.
JACK: You cried all day and left TV on till you were a zombie. But then I zoomed down from heaven through Skylight into Room - (makes noise of descent, then crash landing) and I was kicking you from the inside, boom boom, and then I shot out onto Rug with

"I cried till I didn't have any tears left," she tells me. "I just lay here counting the seconds."	17	my eyes wide open, and
"How many seconds?" I ask her.	18	you cutted the cord and
"Millions and millions of them."	19	said "Hello Jack."
"No, but how many exactly?"	20	Jack wakes.
"I lost count," says Ma.	21	JACK: Ma. I'm five!
"Then you wished and wished on your egg till you got fat."	22	
She grins. "I could feel you kicking."	23	
"What was I kicking?"	24	
"Me, of course."	25	
I always laugh at that bit. "From the inside, boom boom."	26	
Ma lifts her sleep T-shirt and makes her tummy jump.	27	
"I thought, Jack's on his way. First thing in the morning, you slid out onto the rug with your eyes wide open."	28	
I look down at Rug with her red and brown and black all zigging around each other. There's the stain I spilled by mistake getting born.	29	
"You cutted the cord and I was free," I tell Ma.	30	
	31	
	32	
	33	
	34	
	35	
	36	
	37	
	38	

В приведенных выше примерах не наблюдается значительных изменений на уровне содержания: информативность оригинального литературного текста совпадает с информативностью текста адаптированного сценария, то есть все значимые сведения так или иначе донесены до зрителя. Во-первых, совпадающая с первоисточником информативность может быть обусловлена бережным отношением автоадаптатора к собственному тексту. Кроме того, анализируемый диалог носит экспозиционный характер, так как его основная задача заключается в том, чтобы ознакомить зрителя с некоторой фактуальной информацией о сеттинге киноповествования и героях, принимающих в нем участие, то есть он выполняет функцию «закрепления сюжета и персонажей» («anchorage of the diegesis and characters»), согласно классификации Сары Козлофф [20, с. 33]. Так, художественные диалоги являются многослойными единицами, поскольку на низшем уровне представляют собой «речевой акт между персонажами» («speech act between characters»), на среднем уровне — «коммуникацию нарратора со своей аудиторией» («narrator's communication to his or her audience»), на высшем — «косвенное сообщение от предполагаемого автора предполагаемому читателю» («indirect communication from the implied author to the implied reader») [19, p. 2–3].

Кинодиалог (далее — КД) 1 является словесным наполнением сцены, которую следует отнести к разряду статичных: в ней минимально представлено активное действие и преобладает вербальный компонент, в связи с чем объективируется полная информативность [11], то есть вся информация передается на языковом уровне и почти не взаимодей-

ствуется с видеорядом. Так, мы узнаем некоторую информацию о главном герое Джеке, в частности то, что его мать была несчастна, пока не появился он, что Джек родился в комнате и ему исполняется пять лет.

Несмотря на совпадение информативности, в производном тексте сравнительно с исходным есть очевидные изменения. Трансформация, которая выходит на первый план, — это значительное сокращение: от 131 лексической единицы прямой речи (выделены полужирным шрифтом) в оригинальном диалоге (далее — ОД) 1 до 58 единиц в КД1 — то есть более чем в два раза. Редукция диалога отражается на его структуре. В этом плане наиболее заметная трансформация — это изменение формы наррации, то есть смена участников диалога. Цепочка реплик двух персонажей в сценарии реализуется посредством непрерывного псевдомонологического высказывания одного персонажа. На первый взгляд может показаться, что в КД1 не представлено диалоговое взаимодействие адресанта и адресата, а значит, он не может рассматриваться как диалог. Однако наличие обращений в форме местоимения второго лица **«you»** в строках (далее — с.) 6, 7, 13, 17 указывает на присутствие адресата, выполняющего пассивную роль слушателя (осознанно или неосознанно).

Принципиальную часть адаптированного диалога представляет собой метатекстовый комментарий. Метатекст может быть введен в кинофильм различными способами: графически (например, наложением субтитров на движущееся изображение) или устно (использованием закадрового голоса). В анализируемом примере метатекст представлен закадровым голосом. Это можно утверждать, поскольку на уровне кинопроизведения визуальный элемент не совпадает с аудиальным (при произнесении текста КД1 нет соответствующих движений губ актера, играющего роль Джека). Данный прием мотивирован тем, что в литературном первоисточнике повествование ведется от первого лица: в роли нарратора выступает участник повествуемых событий — Джек. Вероятно, единичный случай вкрапления метатекстового комментария в сильной позиции кинофильма (начале) — это своего рода отсылка автоадаптатора к своему авторскому стилю, в частности к повествовательной форме исходного текста.

Таким образом, в исследуемом небольшом производном отрывке персонажу ребенка достаются как свои реплики, так и реплики матери, что можно считать случаем двойной ориентации в речевой коммуникации (в терминологии Р.О. Якобсона), возникающей, когда «сообщение находится внутри другого сообщения» («a message within a message») [18, р. 130]. Данное сообщение направлено само на себя, так как представляет собой речь в речи. Джек ссылается на сказанное матерью имплицитно, а также эксплицитно, когда включает в свое высказывание цитату: **«... (you) said “Hello Jack”»** (с. 18–19).

Кроме того, в прямой речи киногероя отражается текст, в оригинале принадлежащий ему как нарратору, — информация о возрасте Джека. При адаптации элемент наррации (с. 1) переходит в прямую

речь: «**Ma. I'm five!**» (с. 21). Отметим, что речь нарратора также может быть перенесена на экран посредством интерпретации вербальных знаков невербальными знаковыми системами. Случай такого интерсемиотического перехода будет рассмотрен далее.

Обратимся к трансформациям, произошедшим на лексическом уровне. Прежде всего, сокращая текст, адаптатор исключает повторение одной и той же информации разными лексическими единицами. В ОД1 используется ряд лексем, объективирующих информацию об эмоциональном состоянии матери до рождения Джека: **sad** (с. 11), **cried, tears** (с. 17). В сокращенном вторичном диалоге данная информация актуализируется лишь единожды — глаголом **cried** на с. 6. Тем не менее при создании КД1 адаптатор сохраняет ономотопею **boom boom** (с. 14–15), несмотря на то что на семантическом уровне заключенная в ней информация уже передана глаголом **kick** (с. 13). Ономотопея имеет здесь другую функциональную нагрузку, а именно передает особенности детской речи как части авторского стиля. По той же причине сохраняется намеренное грамматическое отклонение в виде употребления неправильной формы прошедшего времени глагола *cut* — **cutted** (с. 17).

В ОД1 при описании появления Джека на свет используется фразовый глагол **slid out** (с. 33), который заменяется другим фразовым глаголом, **shot out** (с. 15), в КД1. Возможно, такая трансформация связана с переменной формы повествования. Так как в оригинале этот отрывок принадлежит Джой, которая принимала осознанное участие в рождении Джека, то, вероятно, с ее точки зрения лексическая единица **slid out** более уместна, в то время как Джек на уровне лексического описания скорее выберет глагол **shot out**.

В ряде случаев, с целью сохранить значимые лексические элементы в сокращенном тексте, адаптатор ставит их в новый контекст. Так, имя главного героя как компонент экспозиции в КД1 воспроизводится самим персонажем через цитирование (с. 19). Лексема **Heaven** в ОД1 (с. 7) по-новому воплощается в адаптированном диалоге — «**...zoomed down from heaven...**» (с. 9–10). Сохранение данной единицы может быть обусловлено желанием адаптатора оставить важную характеристику Джой — ее религиозность и стремление воспитывать ребенка в духе ценностей веры.

В тексте-первоисточнике (как в речи нарратора, так и в самом диалоге в репликах Джека) многие существительные приобретают несвойственную им форму. Например, **Wardrobe, Bed** (с. 2), **Skylight** (с. 11) и **Rug** (с. 35) употребляются с заглавной графемы и используются без артиклей. Данный принцип соблюдается и в адаптированной версии: **Skylight** (с. 10), **Room** (с. 11), **Rug** (с. 16). В то же время в речи матери в ОД1 существительное **rug** (с. 33) имеет обычную графическую форму и сопровождается определенным артиклем *the*. Можно заключить, что в речи Джой слово употребляется в обычном значении с нейтральной оценкой, а в речи Джека приобретает свойство имени собственного. Данный прием (и в ОД1, и во всем оригинальном тексте) не случаен: используя прописную букву, автор персонифицирует предметы, видимые глазами мальчика, ведь обстановка комнаты окружает Джека всю

его жизнь и становится для него единственной реальностью, заменяя людей. При чтении данный прием воспринимается легко, но в случае экранизации отсутствие текста и комментария нарратора лишает персонификацию средств выражения. Поэтому адаптатор после КД1 вводит дополнительный короткий диалог, который отсутствует в оригинальном тексте.

Кинодиалог 2

A little later, Ma, at the kitchen counter, measures out two small bowls of cereal. Jack moves round Room touching things: Rug's rusty bloodstain from his birth; the scarred Table; chairs; faucets, etc.

JACK: **Morning lamp, Morning rug, Morning wardrobe...** (he looks under the bed) **Morning Eggsnake. It's my birthday. I'm five.**

71

В приведенном КД2, предназначенном для воспроизведения средствами кинематографа, персонификация формируется на аудиальном уровне с опорой на визуальный ряд. Джек обращается к предметам в комнате, приветствует их как своих друзей, таким образом одушевляя их: «**Morning lamp, Morning rug...**» и т.д. В отрывке КД2 можно отметить непоследовательное использование заглавных и строчных графем при именовании олицетворяемых Джеком предметов. В тексте, который будет произнесен устно, графика не является первостепенно важной.

Кроме того, в КД2 отмечается случай интерсемиотического перевода. Теоретически в тексте сценария различают элементы для последующего наблюдения и элементы для последующего услышания. К слышимому относятся разговорные линии кинофильма, тогда как наблюдаемыми считаются ремарочные указания различного характера и описания [10]. Так, авторская ремарка: «**...touching things: Rug's rusty bloodstain...**» указывает на то, что момент, когда Джек рассматривает оставшееся после его рождения пятно на ковре, в фильме будет визуализирован и не будет сопровождаться словесным текстом. В исходном же произведении данная информация сообщается посредством речи нарратора (ОД1).

КД2 также играет примечательную роль на уровне композиции. В кинематографе большое внимание уделяется структурно-композиционному оформлению произведения, выполняющему такие важные функции, как «движение сюжета, организация художественного времени, управление зрительским восприятием» и др. [8, с. 3]. Различные типы композиционного построения сценариев и фильмов объективируют те или иные концепции художественного времени. Одна из таких концепций, воплотившаяся во многих кино- и литературных произведениях, связана с идеей циклического восприятия времени. «Кольцевая композиция в кино зачастую воплощается посредством закольцованной сцены: один из начальных эпизодов, в котором зарождается основная сюжетная линия фильма, повторяется, но на новом этапе» [9, с. 112]. В сценарии к картине «Room» также присутствует элемент цикличе-

ской композиции в виде симметричных сцен с соответствующим диалоговым наполнением в начальной и заключительной частях сценария как сильных позициях кинопроизведения (КД2 и КД3).

КД3 происходит, когда Джек и Джой возвращаются в комнату через некоторое время после освобождения из нее.

Кинодиалог 3

Jack looks around at the detritus of his childhood. Then he walks to the wall behind the bed and pats it.

JACK: **Bye-bye.**

MA: **Jack-**

He goes around Room fast, whispering his bye-byes.

MA: **Please, Jack.**

He looks up at the skylight, rain running down it. He climbs onto the table.

JACK: **Bye-bye. (to Ma) Say bye-bye to Room.**

Ma says it but on mute.

При сопоставлении КД2 и КД3 мы апеллируем на первый взгляд к различным речевым ситуациям. В первом случае объективируется речевой акт приветствия, во втором — прощания. Однако оба акта обусловливают существование друг друга, что позволяет говорить об их сопряженности. Кроме того, сохраняется прежнее место действия, прежние участники коммуникации: Джой, выполняющая относительно пассивную роль, Джек и персонифицируемые им предметы, к которым он обращается. Окончание фильма символизирует переход Джека на новый жизненный этап, и перед тем, как вступить на него, ему приходится проститься с окружением, к которому он привык, но в то же время это прощание открывает перед ним целый новый мир.

Некоторые выводы

Многие экранизированные произведения заметно отступают от своих литературных первоисточников в смысловом плане и лишь частично основываются на них. Иные сценарии, напротив, характеризуются высоким уровнем соответствия своим оригиналам в рамках категории информативности. Проведенный в данном исследовании анализ позволяет предположить, что условием сохранения информативности может служить активное участие автора оригинального текста в подготовке адаптированного сценария. Кроме того, значительное информационное совпадение может наблюдаться в экспозиционных кинодиалогах, которые представляют коммуникацию не только между киногероями, но и между коллективным автором кинофильма и его зрителем с целью закрепления в сознании адресата фактуальной информации о сюжете и персонажах.

Тем не менее любой адаптированный текст вынужден подстраиваться под специфические потребности нового медиа, в данном случае — кинематографа. Сопоставительное изучение оригинальных диалогов и их

производных кинодиалогов на материале литературного произведения «Room» и его кинематографической автоадаптации показало, что в исследуемых текстах присутствуют как элементы, преобразование которых происходит на языковом уровне, так и элементы, трансформация которых возможна лишь интерсемиотически. Введение нового диалога (отсутствующего в тексте-оригинале) способно обеспечить расширение текста в определенном фрагменте, что является нестандартным способом адаптации, так как в большинстве случаев (в том числе в рассматриваемых диалогах) производный текст в сравнении с оригинальным характеризуется заметной степенью редукции, что обусловлено ограниченным хронометражем кинофильма. При этом редукция достигается не только путем сокращения диалогов, но и за счет сокращения речи литературного нарратора, которая при формировании сценария может переходить в ремарочные замечания, а на уровне экранизации — визуализироваться, то есть также подвергаться интерсемиотическому переводу. Однако в том случае, если в качестве нарратора выступает первое лицо — непосредственный участник событий, его несобственно-прямая речь может частично переходить в собственно-прямую, то есть в кинодиалоги, или в некий метатекстовый комментарий, например в виде закадрового голоса, как показывает рассмотренный пример. В ряду других способов адаптации текста для последующего кинематографического воплощения следует выделить сменность формы наррации и пересмотр структуры текста с целью приведения его к продуктивной для кинематографа композиционной форме.

Из всего сказанного следует, что литературные произведения имеют огромный кинематографический потенциал, под которым понимается их возможность быть перенесенными на экран ввиду существования определенной степени родства литературных и кинематографических приемов: большинство художественных элементов могут быть выражены как средствами кинематографа, так и средствами литературы. При трансформации этих элементов из одной формы медиа в другую адаптатор, основываясь на литературном первоисточнике, создает новый текст, соответствующий свойственным кинематографу характеристикам. В связи с этим обе формы повествования хотя и находятся в неразрывной связи и непрерывно взаимодействуют друг с другом в ходе создания адаптации, тем не менее являются самостоятельными единицами и могут восприниматься и пониматься без обращения друг к другу.

Список литературы

1. Горшкова В. Е. Перевод в кино : монография. Иркутск, 2006.
2. Харченкова Л. И., Девальер М. Л. Диалог культур в литературно-кинематографическом пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. URL: <https://www.gup.ru/events/news/smi/devaler.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
3. Иванова Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
4. Игнатов К. Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

5. Идлис Ю. Б. Слово в романе, сценарии и фильме: от визуального к зрительному // Вопросы интерпретации текста: лингвистика и история литературы. М., 2004. С. 58–65.
6. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод : колл. монография // В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина, Е. А. Кремнёв [и др.]; под общ. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск, 2014.
7. Колодина Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №2 (1). С. 327–333.
8. Коршунов В. В. Неклассические способы композиционного построения современного киносценария : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2014.
9. Любителива В. Н. Создание подтекста в американском кинодискурсе на композиционном уровне (на материале художественного кинофильма Вуди Аллена «Blue Jasmine») // Siberia Lingua. 2017. №3. С. 109–114.
10. Мартыанова И. А. Возможные подходы к изучению композиционно-синтаксического своеобразия текста киносценария // Филологические науки. 1990. №4. С. 109–115.
11. Муха И. П. К вопросу об информативности кинодиалога // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. №2 (1). С. 292–297.
12. Муха И. П. Статус кинодиалога в функционально-лингвистической типологии текстов // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : матер. 6-й междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 228–232.
13. Решетникова В. В. Литература на современном российском телевидении // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2009. №2. С. 212–221.
14. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М., 2004.
15. Соколова Е. К. Интерпретация художественных образов Ф. М. Достоевского средствами кинематографа // Русская словесность. 2012. №3. С. 69–77.
16. Donoghue E. Room : Script. Based on the novel by Emma Donoghue. 2014. URL: https://www.raindance.org/scripts/room_script.pdf (дата обращения: 08.03.2021).
17. Donoghue E. Room. N. Y., 2015.
18. Jakobson R. O. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. The Hague, 1971. P. 130–147.
19. Koivisto A., Nykäinen E. Introduction: Approaches to fictional dialogue // International Journal of Literary Linguistics. 2016. Vol. 5, №2. P. 1–14. URL: <https://journals.linguistik.de/ijll/article/view/56> (дата обращения: 10.03.2021).
20. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley ; Los Angeles, 2000.
21. Phelan J. Rhetorical Approaches to Narrative // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. L., 2005. P. 500–504.
22. Thomas B. Fictional Dialogue: Speech and Conversation in the Modern and Postmodern Novel. Lincoln ; L., 2012.

Об авторе

Виктория Николаевна Любителива – асп., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
E-mail: vik.liubiteleva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5526-0059

The author

Viktoria N. Liubiteleva, PhD Student, Saint-Petersburg State University, Russia.
E-mail: vik.liubiteleva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5526-0059

А. И. Васкиневич

**НЕМЕЦКАЯ ДУХОВНАЯ ЛИРИКА
В АЛЛЮЗИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКАЗОК К. БРЕНТАНО**

Поступила в редакцию 25.05.2021 г.

Рецензия от 26.06.2021 г.

Анализируются особенности функционирования аллюзий к немецкой духовной лирике в сказках Клеменса Брентано. Рассматривается авторская стратегия введения аллюзий к текстам, ранее опубликованным в сборнике «Волшебный рог мальчика», а также принцип двойного кодирования, при котором аллюзия отсылает одновременно и к элементам духовной лирики, и к Библии или известным молитвам, что повышает вероятность распознавания аллюзивного смысла. Выявляются различные пути формирования аллюзивного пространства в «Рейнских сказках»: аллюзивная аллегоризация сказочного пространства; секуляризация духовной лирики в сказочном пространстве; создание сети интertextуальных переключек; приращение оригинального смысла к аллюзивной основе. Отмечаются случаи карнавального пародирования духовной лирики в «Сказке о портняжке по прозвищу Семьсмертей». Раскрывается ключевое, смыслообразующее значение аллюзий к духовной лирике в двух «Итальянских сказках», способствующее перенесению итальянских сюжетов на немецкую почву.

75

The article analyzes the features of the allusions functioning in German spiritual lyrics in the tales by Clemens Brentano. The author's strategy of introducing allusions to the texts previously published in the collection The Boy's Magic Horn is considered, as well as the principle of double coding, in which the allusion refers simultaneously to the elements of spiritual lyrics and to the Bible or famous prayers, which increases the likelihood of recognizing an allusive meaning. Various ways of forming allusive space in the Rhine fairy tales are revealed: an allusive allegorization of a fairy-tale space; secularization of spiritual lyrics in a fairy-tale space; creation of a network of intertextual relations; an increment of the original meaning to an allusive basis. There are cases of carnival parodying of spiritual lyrics in The Tale of the Tailor Seven-in-One-Blow. The key, meaning-forming value of allusions to spiritual lyrics in two Italian fairy tales is revealed, which contributes to the transfer of Italian plots to German culture.

Ключевые слова: немецкая литература, романтизм, литературная сказка, духовная лирика, аллюзия, Брентано

Keywords: German literature, Romanticism, literary fairy tale, spiritual poetry, allusion, Brentano

Введение. Теоретические предпосылки исследования

Перед тем как перейти непосредственно к теме исследования, представляется необходимым пояснить термин «аллюзивное пространство». В научной литературе принято понятие «интertextуальное (интер-

текстовое) пространство». Ю. Кристева говорит об «интертекстовом пространстве» [4, с. 270–272], понимая интертекст как «межтекстовой диалог», «диалог нескольких текстов», «текстовой диалог» [4, с. 173, 454]. Однако применение этого термина по отношению к сказкам немецкого романтического автора Клеменса Брентано (1778–1842) представляется не вполне точным по нескольким причинам.

Сказки Клеменса Брентано построены на основе множественного кодирования. Интертекстуальные связи — лишь один из типов такого кодирования. Сказки насыщены отсылками не только к различным текстам, но и к семейно-биографическим событиям, к мифологии, региональной культуре, историческим реалиям и т. п. Для описания всей этой системы отсылок предлагается использовать понятие «аллюзивное пространство».

Соотношения между аллюзивным и интертекстуальным пространством в научной литературе могут мыслиться различно. Наиболее радикальный подход к их различению представлен в монографии Н. А. Кузьминой [5]. Отмечая неоднозначность в научной литературе понятия «аллюзия» и его соотношения с цитатой и реминисценцией, исследовательница отмечает, что понимает «аллюзию как референцию непосредственно к миру с его реалиями, цитату — как референцию, опосредованную другим текстом» [5, с. 98]. Более широкий взгляд на аллюзию представлен в работе Н. Пьеге-Гро [6]. Уточняя бытующие представления об отличии аллюзии от цитаты, поскольку первая «лишена буквальности и эксплицитности» и «представляется чем-то более деликатным и тонким», она отмечает, что «аллюзия выходит далеко за рамки интертекстуальности», поскольку «с помощью аллюзии можно отсылать читателя к истории, мифологии, общественному мнению или к общепринятым обычаям» [6, с. 91]. Однако включение аллюзии в интертекст возможно за счет расширения самого понятия «текст». Так, В. Ю. Хартунг делит прецедентные тексты на вербальные и невербальные, к последним причисляются не только произведения искусства (музыки, живописи, архитектуры), но и исторические события и т. п. [9].

В статье мы будем исходить из того, что аллюзивное пространство шире интертекстуального. Аллюзия может быть отсылкой не только к тексту, но и к реальному месту или историческому лицу, событию биографии, явлению культуры и т. п. На наш взгляд, именно в этом заключается основное отличие аллюзии от более узких понятий цитаты и реминисценции, представляющих собой с этой точки зрения разновидности аллюзии, хотя есть и другие нюансы.

Казалось бы, подобное уточнение несущественно, поскольку дальше речь пойдет о межтекстовом взаимодействии, об отсылках в сказках К. Брентано к немецкой духовной лирике. Однако и оно не вполне укладывается в понятие интертекста. С одной стороны, возникает вопрос не о том, насколько в сказках Клеменса Брентано присутствует межтекстовый диалог, а о том, насколько речь идет об усвоении, заимствовании, присвоении, «продвижении» «чужого слова», его творческом преобразении и можно ли применить к Клеменсу Брентано как

автору сказок слова Ю. Кристевой «автор — это не-инстанция, пустое пространство, в котором возникают и связываются между собой инстанции» [4, с. 489], или это соответствует в большей степени религиозным произведениям Клеменса Брентано, где он занимает позицию «писца», но вряд ли — его художественным текстам, где личность автора, биографические аллюзии играют большую роль и личная мифология становится частью общей. Понятие аллюзии и в этих вопросах позволяет избежать постмодернистской установки. А. С. Кононова, анализируя творчество Джейн Остен, выявляет, что аллюзии «точно отражают литературные взгляды и пристрастия самого автора» [3, с. 42]. То же можно сказать и об аллюзиях в сказках Брентано, они отражают сферу его личных пристрастий и культурологических интересов.

С другой стороны, аллюзивное пространство может иметь многоуровневую структуру, строящуюся по принципу аллегории или включающую в себя подтекст.

Г. Мейер выделяет в ряде других отсылок «криптоцитаты», остающиеся скрытыми для среднестатистического читателя и открывающиеся только знатокам. Криптоцитата — это не просто скрытая цитата, она включена в процесс «игры в прятки» с читателем [22, S. 12–13]. В. П. Москвин считает, что Г. Мейер называет криптоцитатой текстовую аллюзию [7]. Способность ее распознавания зависит от компетентности, эрудиции читателя. Хотя Клеменс Брентано и называет свои истории сказками для детей, уже его современники отмечали усложненность их аллюзивной структуры. Якоб Гримм писал Ахиму фон Арниму 29 октября 1812 г. в связи со сказками К. Брентано: «Несчастье Клеменса — в том, что он знает слишком много литературного материала» [10, с. 437–438].

Такая текстовая аллюзия, как «криптоцитата», создает многоуровневую структуру текста. Ряд исследователей отмечают роль аллюзии в создании подтекста [2, с. 32; 8, с. 7]. Текст может быть прочитан на буквальном уровне (уровне фабулы) или на уровне подтекста. Но представляется, что о подтексте следует говорить тогда, когда небуквальный уровень не удастся до конца расшифровать, аллюзия остается только намеком, в ином случае можно говорить об аллегорическом уровне. Так мы снова приходим к традиционному, утвердившемуся еще со времен Средневековья представлению о буквальном и аллегорическом уровнях прочтения текста.

Л. Бенци, описывая позднюю редакцию «Сказки о Петушке, Курочке и Кухарушке» («Märchen von Gockel, Hinkel und Gackeleia») К. Брентано, утверждает, что организующим принципом сказки является аллегория как «принцип постоянной отсылки к чему-либо» [11, S. 12]. Таким образом, аллегория может формироваться через введение аллюзий, поскольку их объединяет единый конструирующий принцип — создание системы отсылок. Бенци говорит о ресакрализации как оппозиции секуляризации [11, S. 16]. В поисках «новой сакральности» происходит обращение к аллегорическому принципу организации текста. Подобный текст требует от реципиента герменевтического подхода. Аллюзии дешифруют «духовный код культуры» [1, с. 1434]. Аллюзия как «намеки» может составлять и воспитательную основу сказки.

Основная часть

Текстовые аллюзии входят в общую структуру аллюзивного пространства сказок Brentano. В процессе работы над сказками это пространство значительно трансформируется. «Итальянские сказки», изначально ориентированные на основной источник — «Пентамерон» Джамбаттисты Базиле, — все больше удаляются от него и вырастают в немецкую культурную почву. Достигается это за счет введения новых аллюзий, отсылающих к источникам, связанным с немецкой литературой и культурой.

78

Помимо сказочных сюжетов «Пентамерона» Базиле и немецких народных сказок, в качестве источников Клеменс Brentano использовал песни из собранного им совместно с Арнимом «Волшебного рога мальчика», а также германский эпос, легенды, жития святых, народные книги, календари, алхимические трактаты, во множестве зафиксированные в каталогах библиотек Клеменса Brentano и его брата Кристиана [18]. Особое место в аллюзивном пространстве сказок Клеменса Brentano занимают библейские цитаты, а также мотивы и образы немецкой духовной лирики. При этом Клеменс Brentano, сам будучи католиком, выросшим в протестантском регионе, вводит в тексты сказок и католические, и протестантские духовные стихотворения и песни.

Как на рейнские, так и на итальянские сказки Brentano повлияло его увлечение барочной литературой — прозаической и поэтической. Оно проявилось не только в работе над сказками, но и в творчестве Brentano в целом. В его библиотеке было множество книг барочных авторов, анализ этих источников содержится в работе С. Грубер [19, S. 58–67]. Барочная звукопись, метафорика и эмблематика наложили отпечаток на поэтику романтического автора.

Исследование отсылок в сказках К. Brentano к духовной лирике не сразу стало предметом научного интереса. В монографии Г. Кардаунса [15], посвященной сказкам К. Brentano, впервые вышедшей в 1895 г. и многократно переиздававшейся, указывается на ряд заимствований и интертекстуальных взаимосвязей, но отсылки к духовной лирике не исследуются вовсе. Важнейшие труды, касающиеся этого вопроса, появились в XX в. Связь творчества К. Brentano с немецкой духовной лирикой стала предметом рассмотрения в работах Е. Леони [21], А. Бхатти [12], Г. Шауба [24], С. Грубер [19]. Современные собрания сочинений К. Brentano снабжены комментариями, в которых учтена значительная часть отсылок к немецкой духовной лирике [13, Bd. 17; 14]. Накопленный материал позволяет перейти от описания аллюзивного пространства сказок К. Brentano к его анализу. Цель статьи — рассмотреть особенности функционирования аллюзий к немецкой духовной лирике в сказках К. Brentano.

Любая аллюзия свидетельствует о знакомстве автора с прецедентным текстом. Другой вопрос — предполагает ли автор и знакомство читателя с прецедентным текстом. Что касается сказок Brentano, можно говорить о комбинировании разных авторских стратегий и изменении горизонта ожиданий во временном измерении.

Ряд аллюзий отсылает не к конкретному источнику, а к элементам, характерным для ряда духовных стихотворений и песен, что, вероятно, предполагает их узнаваемость читателем. Встречается и двойное кодирование, способствующее большей вероятности распознавания аллюзивного смысла, когда аллюзия отсылает одновременно и к элементам духовной лирики, и к Библии или известным молитвам. Здесь возможны несколько вариантов: духовная лирика, к которой отсылает аллюзия, может сама включать в себя библейскую цитату, или автор может использовать комбинацию отсылок к разным текстам в рамках одного высказывания.

Например, в «Сказке о Рейне и Радлауфе-мельнике» («Das Märchen von dem Rhein und dem Müller Radlauf»), когда принц Мышегорошек (Mausohr) играет на своей дудочке, уводя в воду детей (ср. легенду о крысолове из Гамельна), дети поют песню, начинающуюся словами: «Ach Gott und Herr im Himmelreich!». Эта песня отсылает к зачину «Ach Gott und Herr...», с которого начинается целый ряд протестантских песен [14, Bd. 17, S. 520–521], в том числе один из хоралов И. С. Баха (BWV 714, покаянный) на слова Мартина Рутилиуса (1550–1618). Третья строка песни звучит: «Wir armen Kinder allzugleich», похожие слова часто встречаются в различных молитвах, ср., напр.: «Gott Vater im Himmelreich! Wir deine Kinder allzugleich...» [16, S. 239]. Рифма allzugleich – Himmelreich встречается также в начале духовной песни Ф. Шпее: «Ihr Freunde Gottes allzugleich / verherrlicht hoch im Himmelreich», на что указывается в комментариях к сказкам Брентано [13, Bd. 17, S. 521]. Можно ли в данном случае говорить о цитате и стремиться более точно установить ее происхождение? Представляется, что авторский замысел заключался в том, чтобы создать именно достаточно широкую аллюзию, соответствующую ситуации христианской молитвы, обращения уходящих под воду детей к Богу. Этот смысл может считываться в том числе и детьми как целевой аудиторией сказок. Отсылки к духовной лирике в большей степени ориентированы на взрослого читателя.

Приведем еще один пример. Начало песни из той же сказки, которую поет белый мышонок королю крыс, – «Wach auf, wach auf mein Herr und König...» [13, Bd. 17, S. 72] – является одновременно, возможно, отсылкой и к словам из книги пророка Исаи: «Восстань, восстань, одлекись в силу твою, Сион!» (Ис. 52: 1)¹, и к зачину «Wach auf, wach auf...», часто встречающемуся в церковных песнях [13, Bd. 17, S. 523]. Кроме того, стихотворение Шпее «Невеста Христова пробуждает птичек к прославлению Господа» («Die Gesponß Jesu ertveckt die vögelein zum Lob Gottes») из сборника «Соперник соловья» («Trutznachtigall») начинается со слов «Wacht auff jhr schöne Vögelein» [25, S. 338]. Структурно эта аллюзия построена по тому же принципу, что и в предыдущем примере, и хотя сюжетно речь идет о пробуждении ото сна, но и смысл необходимости духовного пробуждения подчеркивается фина-

¹ В разных немецких переводах Библии это место передается по-разному; в современных Брентано изданиях можно, к примеру, встретить «Wache dich auf, wache dich auf, Zion» [17, с. 729].

лом этого стихотворения: «Also wimmern / Also stönen / Viele Männer, viele Frauen / Die zum Sternenhimmel schauen / Ohn Vertrauen / Und auf deine Hülfe bauen» [13, Bd. 17, S. 72]. Образ людей, без доверия глядящих в небо и полагающихся на крысиного короля, отсылает к 145-му псалму, предостерегающему от надежды на земных правителей (Пс. 145: 3).

И в первом, и во втором примере дополнительный смысл аллюзий связан с отсылкой к стихотворениям Шпее. И тут предполагаемый (при жизни К. Brentano сказки изданы не были) горизонт ожидания читательского отклика мог измениться в процессе работы К. Brentano над сказками. Фридрих Шпее фон Лангенфельд (1591–1635) – немецкий барочный поэт, мало известный публике в начале XIX в. Brentano сообщает о своем интересе к творчеству Шпее в письме Ахиму фон Арниму от 2 апреля 1805 г., то есть примерно в то же время, когда начинает работать над сказками. В этом письме Brentano пишет: «Прилагаю к письму “Весеннюю песню” из “Соперника соловья” иезуита Шпее 1696 г., муж этот – поэт поболее, чем некоторые миннезингеры, ты будешь удивлен его песням. Когда у меня будут и те сочинения этого великого, в религиозной любви величайшего поэта, которых у меня пока нет, я издам его, он может многое предложить для наших народных песен» [13, Bd. 31, S. 417]. И действительно, в первый том сборника «Волшебный рог мальчика», вышедший в 1806 г., было включено стихотворение из «Соперника соловья» «Господь на Масличной горе и Небесный пастух» («Der Herr am Ölberg und der Himmelschäfer») с указанием авторства Шпее, а в третий том (1808 г.) в раздел детских песен без указания авторства в несколько сокращенном виде попала его же «Эклога, или пастушеская песнь, в которой два пастуха, Дамон и Гальтон, рассказывают о дарах, которые они хотели бы подарить младенцу Христу», получившая в сборнике название «Два пастуха в рождественскую ночь» («Die zwei Hirten in der Christnacht»).

Таким образом, эти два стихотворения были уже известны читателю «Волшебного рога мальчика», и эта читательская аудитория могла считать и отсылки к ним в сказках К. Brentano. Во второй из «Рейнских сказок» – «Сказке о семействе Скворценберг и предках мельника Радлауфа» («Das Märchen von dem Hause Staarenberg und den Ahnen des Müllers Radlauf») – появляется «лунный пастырь Дамон». Представление о месяце как о пастухе небесного стада позаимствовано Brentano из упоминавшегося выше стихотворения Шпее «Господь на Масличной горе и Небесный пастух», а имя Дамон отсылает не столько к «Буколикам», «пастушеским» песням Вергилия (70–19 гг. до н.э.), сколько к Дамону из упомянутой выше эклоги Шпее «Два пастуха в рождественскую ночь» [13, Bd. 8, S. 250–254].

Здесь видна преемственность в творчестве Brentano, соотнесенность сказок с «Волшебным рогом мальчика». Сказки изначально мыслились как продолжение этого сборника. В воззвании Арнимы, напечатанном в «Привилегированном имперском вестнике» («Kaiserlich privilegirter Reichs-Anzeiger») в декабре 1805 г., говорилось: «...все устно передаваемые саги и сказки объединятся в продолжении этой коллекции, чтобы снова сплести множество нитей в единую ткань, в которой пред-

ставлена наша история» [13, Bd. 8, S. 348]. Эта идея не осуществилась, она была подхвачена и реализована братьями Гримм, изначально собиравшими сказки по заказу Арнима и Брентано, но связь между «Волшебным рогом мальчика» и сказками Клеменса Брентано проявилась на другом уровне. В сказках он создает ряд отсылок к стихотворениям, опубликованным ранее в «Волшебном роге мальчика». Читатели этого сборника оставались целевой аудиторией сказок К. Брентано и могли распознавать аллюзии к текстам из него.

Часть мотивов, отсылающих к вышеупомянутым и ряду других стихотворений Шпее, появляется уже в первой из «Рейнских сказок» — «Сказке о Рейне и Радлауфе-мельнике». Это касается и образности (например, там появляются облака-ягнята и месяц-пастух), и мотивики. Иногда эти мотивы и образы используются вне своего религиозного значения, только как определенные атрибуты, помещаемые в сказочное пространство. Так, например, в сказке мельник видит старика Рейна (река), сидящего в камышах и выстругивающего для него волшебную дудочку. Как указывают исследователи, это отсылка к стихотворению Фридриха Шпее (1591—1635) «Другая эклога, или песнь пастуха» [24, S. 176]. Однако у Шпее звук дудочки Дамона помогает лирическому герою выйти из леса, где он заблудился, на верный путь («auff rechte ban»), после чего эти два пастуха говорят о страстях Христовых (полное название стихотворения «Andere Ecloga oder Hirten-gespräch, von der gefängnuß Christi vnder der person des hirten Daphnis»). В сказке Брентано дудочка тоже помогает герою в деле спасения, но сказочного, и связывается с легендарным мотивом Гамельнского крысолова. Мотив спасения из религиозного контекста переносится в сказочный.

Или, например, первые строчки другой песни из этой же сказки: «Tu auf! Tu auf die grüne Tür!» — отсылка к духовной песне Фридриха Шпее «Tu auf, tu auf, du schönes Blut» [19, S. 137—138]. Но у Шпее речь идет о покаянии грешника, кровь которого должна впустить в себя Христа, а в сказке Брентано слова «Tu auf! Tu auf die grüne Tür!» («Откройся, зеленая дверь!») говорит Майн (персонифицированная река), входящий в тайное пространство, охраняемое водяным. Здесь снова происходит перенос мотива из религиозного контекста в сказочный.

Как видим, у Брентано встречается как аллюзивная аллегоризация сказочного пространства, так и секуляризация духовной лирики в сказочном пространстве, в целом более присущая сказкам и проявляющаяся в аллюзивных включениях образов и мотивов духовной лирики вне ее смыслового контекста. Однако Брентано применяет не только эти две достаточно простые схемы.

Он также объединяет в образно-мотивной структуре сказок ряд источников, создавая между ними сеть интертекстуальных переключек. Например, во второй из «Рейнских сказок», уже упоминавшейся «Сказке о семействе Скворценберг и предках мельника Радлауфа» появляется «дева Соловей» (Fräulein Nachtigall). Подобные обращения нередки в средневековых аллегориях, например госпожа Любовь (Frau Minne), госпожа Мир (Frau Welt) и т.п. Слово «соловей» в немецком языке — женского рода, поэтому в народных песнях нередко встречается обра-

щение к «госпоже соловушке». В одной из песен сказки второй ее стих («Wenn dir will das Herz zerspringen») отсылает к стихотворению «Госпожа Соловушка» («Frau Nachtigal») из «Летучего листка», включенного в сборник «Волшебный рог мальчика». Однако содержание этих двух текстов различно. В стихотворении «Госпожа Соловушка» («Frau Nachtigal») из «Летучего листка» лирический герой, у которого разрывается сердце от любви, обращается к соловью, чтобы тот передал привет его возлюбленной: «Nachtigal ich hör dich singen, / Das Herz möcht mir im Leib zerspringen... / <...> Nachtigal, / Grüß mein Schätzchen tausendmal» [13, Bd. 6, S. 87]. Брентано берет из этого стихотворения важный для него мотив разбитого сердца, но помещает его в религиозный контекст. В сказке барышня Соловей обращается к госпоже Феникс со следующими словами: «Ich, Frau Phönix! lehr dich singen; / Wenn dir will das Herz zerspringen, / Lehret dich Frau Nachtigall, / Gott zu grüßen tausendmal» [13, Bd. 17, S. 218]. Соловей учит госпожу Феникс приветствовать и славить Бога тогда, когда разбивается сердце. Образ соловья, связанный с мотивом прославления Бога, Брентано, в свою очередь, заимствовал из барочной поэзии. У Фридриха Шпее в упоминавшемся выше стихотворении «Невеста Христова пробуждает птичек к прославлению Господа» из сборника «Соперник соловья», наоборот, есть обращение к соловьям с увещанием пробудиться и славить Бога. У Ганса Якоба Кристоффеля фон Гриммельсгаузена (1622–1676) в песне отшельника из романа «Симплициссимус» «Komm, Trost der Nacht, o Nachtigall!», включенной в первый том «Волшебного рога мальчика», также звучит обращение к соловью с увещанием славить Создателя: «Komm, komm und lob den Schöpfer dein» [13, Bd. 6, S. 187–188]. Возникает интересная интертекстуальная игра. Барочная духовная лирика становится исходным импульсом для развития образа. Соловей, некогда, благодаря духовной лирике, пробужденный и научившийся славить Бога, теперь учит этому госпожу Феникс в сказке Брентано. Но добавляется и новый мотив. Соловей не просто учит славить Бога, он учит исцелению разбитого сердца через обращение к Богу. Брентано не только транслирует религиозный смысл духовной лирики Фридриха Шпее, но и дополняет ее мотивы новым содержанием, оставаясь в рамках христианского смысла.

Увлеченность Клеменса Брентано духовной лирикой Фридриха Шпее была настолько велика, что в 1817 г. вышло подготовленное им издание книги Шпее «Соперник соловья». Подготовка к изданию сборника Шпее велась в то же время, когда Брентано достаточно интенсивно работал над своими сказками. Публикация книги Шпее способствовала потенциально большей узнаваемости современными Брентано читателями аллюзий в его сказках к текстам этого барочного поэта.

Иногда духовная лирика является для Клеменса Брентано стимулом для создания собственных поэтических шедевров. Некоторые из них вошли в его сказки, а затем получили самостоятельную жизнь. Один из ярких примеров – включенная в «Сказку о семействе Скворценберг и предках мельника Радлауфа» лебединая песня, «Schwanenlied». Она была создана под влиянием нескольких духовных песен, но

по отношению к ней вряд ли можно говорить просто об аллюзивных отсылках, поскольку образы и мотивы первоисточников стали лишь материалом для текста Брентано, превосходящего их в поэтичности. Стихотворение переключается с двумя духовными песнями, которые Клеменс Брентано планировал включить в «Духовный волшебный рог» («Geistliches Wunderhorn»). Духовная песня «Христианин, свой смертный час узрев...» («Lieber Christ, dein End betracht...») содержит строки: «Wenn der Puls nicht schlagen kan, / die Augen werden brechen dann, / dein Mund kann nichts aussprechen mehr». Духовная песнь «О мучения, о боль» («O der Peinen / O der Schmerzen») является еще более близким источником стихотворения Брентано, ср.: «Wann die Augen werden brechen, / Und der Mund kein Wort mehr sprechen» [19, S. 122]. У Брентано песня начинается так: «Wenn die Augen brechen, / Wenn die Lippen nicht mehr sprechen. / Wenn das pochende Herz sich stillet / Und der warme Blutstrom nicht mehr quillet...» [13, Bd. 17, S. 232]. Брентано вводит анафоры, использует в стихотворении внутренние рифмы («Bis das Leben war gefangen und empfangen»; «Rund und bunt zum Spielen»), звукопись, сложную метафорику, амбивалентные образы-оксюмороны и создает поэтический шедевр, чье значение выходит за рамки сказки, в которую он был включен. В сказке же он усиливает ее высокую поэтичность.

Но в аллюзивном пространстве сказок духовная лирика может играть и иную роль. Например, в «Сказке о портняжке по прозванию Семьсмертей» («Das Märchen vom Schneider Siebentodt auf einen Schlag»), носящей в целом юмористически-сатирический характер, и духовная лирика обыгрывается в пародийно-юмористическом контексте. Так, например, песня голодного подмастерья представляет собой пародийную контаминацию, где первые две строки («Ich habe mein Vertrauen / Auf Fleisch und Wurst gebaut») – карнавальное переименование духовной песни Кристиана Фюрхтеготта Геллерта (1715–1769) «В болезни» («In Krankheit», 1757), в которой есть такие слова: «Dir, Gott, will ich vertrauen / Und nicht auf Menschen bauen», в свою очередь отсылающие к Псалтири (145: 3), а остальная часть – несколько видоизмененный фрагмент стихотворения «Арифметическая задача» («Rechenexempel»), включенного в «Волшебный рог мальчика» [13, Bd. 7, S. 385–388].

Финальная песня «Liebstes Röschen ich bin hier» («Розочка, я здесь, внутри!»), которую герой, портной-подмастерье, поет, сидя в брюхе у сожравшего его лиса и взывая о спасении (ср. образ Ионы во чреве кита), является пародийной отсылкой к духовному стихотворению Тобиаса Клаусницера (1619–1684) «Liebster Jesu, wir sind hier, dich und dein Wort anzuhören» [13, Bd. 17, S. 573]. Стихотворение в сказке звучит так: «Liebstes Röschen! Ich bin hier, / Ich bin hier! / Ich bringe dir den Apfel rot; / Ach helfe mir aus meiner Not!» [13, Bd. 17, S. 331]

А когда портняжки выступают в бой против великана, вместо флага они несут окровавленную рубаху, в которой отец одного из них бился против вши, с начертанным на ней девизом “Laus deo soli atque sartori, Gloria Victoria sartoria”, что означает на латыни «Хвала Богу единому и портным, слава и победа портным!» Но здесь важна игра слов: нем.

Laus – вошь, лат. Laus Deo – «Хвала Богу», формулировка, распространенная в Новое время, которой заканчиваются, к примеру, произведения Йозефа Гайдна. «Gloria, laus et honor...» – слова гимна IX в., написанного епископом Теодульфом и исполняющегося в пальмовое воскресенье (в русской православной традиции соответствует вербному воскресенью) – Вход Господень в Иерусалим. Возможно, здесь обыгрывается и один из основных догматов протестантизма: Soli Deo gloria («Только Богу слава»).

Не только в «Рейнских», но и в «Итальянских сказках», названных так потому, что в основу их легли сюжеты из сборника сказок «Пентамерон» Джамбаттисты Базиле, тоже встречаются отсылки к немецкой духовной лирике. Здесь можно отметить две сказки. Первая из них – «Сказка об учителе Палкине и пятерых его сыновьях» («Das Märchen von dem Schulmeister Klopstock und seinen fünf Söhnen»). Имя учителя в тексте оригинала отсылает к фигуре поэта и драматурга Фридриха Готлиба Клопштока (1724–1803), автора «Мессиады». Г. Рёллеке трактует сказку как аллгорию романтизма, покидающего «отца Клопштока», который ничему не способен научить, чтобы обрести новые творческие импульсы в природе, отшельническом обращении к Богу и поэзии барокко [23].

Аллюзии к духовной лирике появляются уже в самом начале сказки и оказываются связаны с ее основным смыслом. Они содержатся в стихах, которые рассказывают сыновья учителя о своих профессиях. В оригинале каждый стишок заканчивается словами «ist mein Beruf, zu dem mich Gott im Himmel schuf» (моя профессия, для которой меня сотворил Господь на Небесах), эти строки отсылают к песне Иоганна Готфрида Шёнера («...Gott, der mich zum Himmel schuf, / Präg' ins Herz mir den Beruf...»), опубликованной в 1806 г. в «Сборнике для любителей христианской истины и божественного блаженства» («Sammlungen der Liebhaber christlicher Wahrheit und Gottseligkeit») [20, S. 38]. В сказке даже самые сомнительные профессии братьев (один из них становится вором) оказываются полезны при выполнении общего трудного задания.

Один из братьев, пятый сын, попал к отшельнику и научился понимать язык птиц. Оказавшись в лесу, он был впечатлен тем, что птицы насвистывают «Nun ruhen alle Wälder» («Уснули все леса») – немецкую вечернюю песню лютеранского теолога Пауля Герхардта (1607–1676). А отшельник поет песнь отшельника из романа Гриммельсгаузена «Симплициссимус» – «Komm, Trost der Nacht, o Nachtigall!», о которой уже шла речь выше. При этом герой (пятый сын), слушая песню, чувствует себя «озером, по которому легкий ветерок гонит лепесток розы», и «уставшей пчелкой», что, по мнению исследователей, является отсылкой к стихотворению Кристиана Вейзе (1642–1708) «Роза цветет, я – набожная пчела» («Die Rose blüht, ich bin die fromme Biene») из романа «Трое умнейших в целом свете людей» («Die drey klügsten Leute in der gantzen Welt», 1675), опубликованному в сборнике «Волшебный рог мальчика» [13, Bd. 6, S. 236]. У Клеменса Брентано есть ряд переработок этого барочного текста [21, S. 27–29].

Определенным «ключом» к пониманию смысла природы в этой сказке служит и двустишие «Ach, hört das süße Lallen / Der kleinen Nachtigallen!», представляющее собой цитату из стихотворения «Воспитание посредством природы» («Erziehung durch Natur»), входящего в книгу «Изящный венок из сада общины Бога» («Anmutiger Blumenkranz aus dem Garten der Gemeinde Gottes», 1713) и напечатанного в третьем томе сборника «Волшебный рог мальчика» [13, Bd. 8, S. 208].

Отсылки к духовной лирике присутствуют в «Сказке о Петушке и Курочке» («Das Märchen von Gockel und Hinkel»). В одной из песен есть такие слова: «Vöglein, euer schwaches Nest, / ... / Wird wie eine Burg so fest, / Fromme Vöglein schützt zu Nacht... / ... / Gott, der über alle wacht» [14, S. 490]. Она отсылает к известной духовной песне Мартина Лютера «Ein feste Burg ist unser Gott, / Ein gute wehr und waffen», представляющей собой перевод 46-го псалма [13, Bd. 18.4, S. 230]. В другой сцене сказки мышки идут в церковь, распевая набожную песнь: «Kein Tierlein ist auf Erden / Dir, lieber Gott, zu klein, / Du ließt sie alle werden, / Und alle sind sie dein» [14, S. 557]. Эта песня возникла под влиянием поэзии Фридриха Шпее и воспроизводит смысловые и формальные особенности духовных песен [19, S. 262–265].

Завершается эта сказка тем, что все действующие лица превращаются в детей, сидящих на зеленом лугу и слушающих эту историю. Здесь ясна отсылка и к Евангелию от Матфея, к словам Христа «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3), и к стихотворению Иоганна Генриха Рейтца (1665–1720) «Стань ребенком» («Werd ein Kind») из книги 1742 г. «История заново рожденных» («Historie der Wiedergeborenen...»), вошедшей в сборник «Волшебный рог мальчика» [13, Bd. 9.1, S. 497–498].

В «Итальянских сказках» К. Брентано использует тот же прием, что и в «Немецких сказках». Он вводит аллюзии к немецкой духовной лирике, узнаваемые благодаря предварительному знакомству читателя с вышедшим ранее сборником «Волшебный рог мальчика». С. Грубер указывает и на случай многократной обработки духовной песни, которая была включена в переработанном виде сначала в роман «Годви» (1801), затем, в другой обработке, в «Волшебный рог мальчика», а в новой обработке стала финалом поздней редакции «Сказки о Петушке, Курочке и Кудахтушке», вышедшей при жизни автора, в 1838 г. [19, S. 94–97]. Включение обработки духовной песни в финал сказки подчеркивает ее христианский смысл, акцентируя идеи простоты, любви, страдания. Новая обработка подчеркивает авторскую интенцию, бережное обращение с детской душой: «Was reif in diesen Zeilen steht, / Was lächelnd winkt und sinnend fleht, / Das soll kein Kind betrüben...» [14, S. 929].

Мы видим, что в «Итальянских сказках» отсылки к духовным стихотворениям и песням имеют смыслообразующую функцию. Они являются интерпретационным ключом к пониманию христианской основы сказок Клеменса Брентано и способствуют перенесению итальянских сюжетов на немецкую культурную почву.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Аллюзии в сказках К. Брентано отражают сферу его личных пристрастий и интересов. Из немецкой духовной лирики в наибольшей степени аллюзивно представлено творчество Ф. Шпее, к которому К. Брентано проявлял серьезный интерес. При создании аллюзивного пространства сказок К. Брентано комбинирует разные авторские стратегии. Для повышения узнаваемости аллюзивного кода духовной лирики 1) создаются отсылки не только к конкретным источникам, но и к формально-содержательным элементам, характерным в целом для духовных стихотворений; 2) вводится двойное кодирование, когда аллюзия отсылает одновременно и к элементам духовной лирики, и к Библии или известным молитвам; 3) создается ряд отсылок к духовным стихотворениям и песням, опубликованным ранее в «Волшебном роге мальчика», поскольку его читатели остаются целевой аудиторией сказок. Текстовые аллюзии к духовной лирике как «криптоцитаты» позволяют создать многоуровневую структуру текста, при этом 1) текст может быть прочитан на фабульном уровне; 2) может считываться общий «духовный код» немецкой христианской культуры; 3) могут узнаваться аллюзии к конкретным источникам. Для детей аллюзия к духовной лирике закладывает христианскую основу сказки и имеет воспитательную функцию. В «Итальянских сказках» введение аллюзий к немецкой духовной лирике является важным элементом культурного трансфера.

Список литературы

1. *Гарифуллина А. М.* Аллюзии сквозь призму культурного кода // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, №4. С. 1431–1434.
2. *Кикоть В. М.* Аллюзивный подтекст и перевод // Иностранные языки в высшей школе. 2013. №2 (25). С. 24–33.
3. *Кононова А. С.* Литературная аллюзия как форма присутствия личности автора в произведении // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2012. №2. С. 39–42.
4. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М., 2004.
5. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург ; Омск, 1999.
6. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. М., 2008.
7. *Москвин В. П.* Аллюзия как фигура интертекста // Грани познания : электрон. науч.-образоват. журн. 2014. №1 (28). URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 16.05.2021).
8. *Соловьева М. А.* Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
9. *Хартунг В. Ю.* Аллюзия в постмодернистской литературной сказке как способ проявления интертекстуальности (на примере сказки Н. Геймана «История с кладбищем») // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электрон. науч. журн. 2014. №3 (11). URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 16.05.2021).
10. *Эстетика немецких романтиков.* М., 1987.

11. Benzi L. Resakralisierung und Allegorie im Spätwerk Clemens Brentanos. *Das Märchen von Gockel, Hinkel und Geckeia* (1838) und *Das bittere Leiden unsers Herrn Jesu Christi* (1833). Peter Lang, 2002.
12. Bhatti A. Clemens Brentano und die Barocktradition : Diss. München, 1971.
13. Brentano K. *Sämtliche Werke und Briefe: Historisch-kritische Ausgabe* (Frankfurter Brentano-Ausgabe), veranstaltet vom Freien Deutschen Hochstift : in 38 Bdn. Stuttgart, 1975–2018.
14. Brentano K. *Werke* : in 4 Bdn. Bd. 3 : Rheinmärchen. Italienische Märchen. Spätfassungen / hrsg. von W. Frühwald, F. Kemp. 3. Aufl. München, 2002.
15. Cardauns H. *Die Märchen Clemens Brentano's*. Köln, 1895. Nachdruck Dresden, 2015.
16. *Das Privilegierte, Ordentliche und Vermehrte Dresdnische Gesang-Buch*. Dresden ; Leipzig, 1745.
17. *Die Bibel, oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments, nach der deutschen Uebersetzung Martin Luthers*. Nürnberg, 1825.
18. Gajek B. (hrsg.). *Clemens und Christian Brentanos Bibliotheken. Die Versteigerungskataloge von 1819 und 1853. Mit einem unveröffentlichten Brief Clemens Brentanos*. Heidelberg, 1974.
19. Gruber S. *Clemens Brentano und das geistliche Lied*. Tübingen ; Basel, 2002.
20. Larfeld G. *Clemens Brentanos «Märchen vom Schulmeister Klopstock und seinen fünf Söhnen»*. Marburg, 1921.
21. Leoni E. *Clemens Brentano und die deutsche Barocklyrik* : Diss. Frankfurt a/M, 1932.
22. Meyer H. *Das Zitat in der Erzählkunst. Zur Geschichte und Poetik des europäischen Romans*. Stuttgart, 1961.
23. Rölleke H. *Brentanos «Märchen von dem Schulmeister Klopstock» als literarhistorische Allegorie // Jahrbuch des Freien Deutschen Hochstifts. 1977. S. 292–308.*
24. Schaub G. *Die Spee-Rezeption Clemens Brentanos // Literaturwissenschaftliches Jahrbuch*. Berlin, 1972. Bd. 13.
25. *Spee F. Trutznachtigall*. Max Niemeyer Verlag, 1936.

Об авторе

Анжелика Игоревна Васкиневич — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

The author

Dr Anzhelika I. Vaskinevich, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

Н. П. Жилина

КНЯЗЬ МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ В ДУМЕ РЫЛЕЕВА И В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПУТЬ К СВЯТОСТИ

Поступила в редакцию 15.03.2021 г.

Рецензия от 10.04.2021 г.

88

Известное произведение поэта рассматривается в аксиологическом ключе с привлечением историографических источников, что позволяет по-новому интерпретировать его идейную структуру. Исследование художественной системы дает возможность увидеть, что сюжет думы в целом ряде важных деталей отступает от исторического источника, а на первый план выдвигаются оппозиции свобода — плен и жизнь — честь, в которых реализуется антитеза истинных и ложных ценностей. Анализ образа центрального персонажа показывает, что его идеализация полностью соответствует задаче, поставленной поэтом: изобразить истинного героя, руководимого в своих действиях евангельскими идеями и готового пожертвовать жизнью ради Отечества.

The author analyzes a well-known work by Ryleev in axiological aspect using historiographical sources and presents a new interpretation of its ideological structure. The article reveals a number of important details that differ the duma's plot from the original historical source. Focusing on the antithesis between true and false values the research examines the oppositions freedom — captivity and life — honour. A careful examination of the protagonist's image shows that his idealization was meant by the poet: the character is depicted as a real hero led by the Biblical values and willing to sacrifice his life for the sake of his motherland.

Ключевые слова: Рылеев, думы, князь Михаил Тверской, мученик, житие, сюжет, конфликт

Keywords: Ryleev, duma, prince Mikhail of Tver, martyr, life of a saint, plot, conflict

Творчество поэтов-декабристов, оказавшее значительное влияние на отечественное литературное развитие, в различные периоды нашей истории по известным причинам не могло быть изучено во всех аспектах. Это в полной мере относится и к наследию К. Ф. Рылеева: после гибели поэта первые работы о нем появились в России лишь в начале XX в. [17; 25]. Октябрь 1917 г. резко изменил отношение к Рылееву, интерес к его произведениям возрос, но основной акцент ставился на их революционном содержании. После Великой Отечественной войны внимание к творчеству поэта усилилось: наряду с трудами, освещающими прежде всего его общественную и революционную деятельность [26; 27], появились и глубокие исследования его поэтического наследия [34].

В 1960–1980-е гг. творчество Рылеева стало изучаться многосторонне: в центре внимания ученых теперь оказались проблемы жанровой специфики, художественного метода, особенностей стиля. В этот период серьезный вклад в отечественное рылееведение внесли, как известно, труды Г. А. Гуковского [10] А. В. Архиповой [2–5], В. Г. Базанова [4; 6], В. Н. Касаткиной [16], Л. Г. Фризмана [32], В. Я. Левкович [20], Ю. В. Манна [24], Е. М. Пульхритудовой [29], В. Э. Вацура [8], А. Е. Ходорова [33] и др.

С конца XX в. интерес к наследию Рылеева уменьшился: за последние два десятилетия появилось лишь несколько значительных работ, посвященных его творчеству. Среди них можно назвать кандидатскую диссертацию О. И. Толстоуса «Поэтический мир К. Ф. Рылеева» [31], где содержится подробный анализ тематики и стихосложения и дан новый взгляд на эстетическую позицию поэта. Серьезным исследованием является также докторская диссертация А. Г. Готовцевой «Публицистика К. Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х гг.» [9], в которой художественное творчество Рылеева рассмотрено в различных контекстах: биографическом, историко-политическом и литературном. Особый интерес вызывают работы Т. А. Ложковой, в которых глубоко и системно раскрываются новые аспекты поэтики Рылеева [21–23]. Несмотря на значительное количество работ, опубликованных в разные периоды, следует признать, что за пределами внимания ученых до последнего времени почти полностью оставался религиозный аспект исследования – этот пробел и должна отчасти восполнить данная статья, являющаяся своеобразным продолжением двух других, опубликованных ранее [11; 12].

Новый лиро-эпический жанр, введенный К. Ф. Рылеевым в литературу и определенный им самим как «думы», в его творческом наследии занимает важное место. Каждое произведение в этом цикле посвящено описанию подвига одного из великих деятелей отечественной истории, что должно было способствовать, по мысли поэта и его единомышленников, развитию гражданских добродетелей у юных читателей.

Судьба Михаила Ярославича Тверского (1271–1318), первым удостоившегося титула «великого князя всея Руси» [7, с. 34], принявшего смерть в татарском плену и впоследствии канонизированного, издавна привлекала пристальное внимание ученых и писателей. История его жизни, взаимоотношения с татарскими ханами, борьба с Георгием (Юрием) Московским за великокняжеский престол и трагическая гибель в Золотой Орде послужили основой «Жития Михаила Ярославича Тверского», которое с некоторыми изменениями включалось в различные летописные своды XV–XVI вв., а также в самостоятельные сборники XVI–XVII вв. [14]. Это произведение, о котором В. О. Ключевский сказал, что «по содержанию и основной мысли это сказание не житие в настоящем смысле слова, а повесть об убиении кн. Михаила в Орде» [18], стало источником для таких известных историков, как В. Н. Татищев (1686–1750) и М. М. Щербатов (1733–1790). Судьба тверского князя была также отражена в «Истории государства Российского» Н. М. Ка-

рамзина [15], а позднее в книге В. О. Ключевского «Жития святых как исторический источник» [18]. В первой трети XIX в. личность Михаила Тверского и прежде всего его трагическая кончина в татарском плену вызвали интерес и у литераторов: кроме Рылеева ему посвятили свои произведения А. А. Бестужев-Марлинский (стихотворение «Михаил Тверской», 1824) и А. Н. Муравьев (неоконченная трагедия «Михаил Тверской», 1829).

Сюжет думы «Михаил Тверской» (1822) имеет в своей основе «летописные данные об убийстве князя Михаила Тверского в передаче Карамзина» [2, с. 432], а ее событийной основой стал один эпизод из биографии князя: опуская всю предысторию, автор сосредоточился лишь на последних часах жизни своего героя и его гибели. Этой же особенностью отличаются и другие посвященные ему литературные произведения: в стихотворении Марлинского описывается последняя ночь великого князя и утро его казни, а сохранившиеся фрагменты трагедии А. Н. Муравьева показывают, что все основные события должны были происходить в Орде. Нужно сказать, что именно этими эпизодами ограничиваются и летописные источники, повествуя о князе Михаиле Ярославиче [1, с. 5].

Сюжетная организация рылеевского текста соответствует тем принципам, которые вошли в русскую литературу с поэмами Байрона и Пушкина: практически отсутствует вступление, действие сосредоточено вокруг главного героя, личность которого является основным объектом внимания автора [13, с. 43]. Как и другие произведения данного цикла, дума «Михаил Тверской» снабжена прозаической вводной частью с кратким изложением исторических событий — уже в этом лаконичном повествовании о соперничестве двух русских князей за великокняжеский престол отчетливо ощутимо авторское отношение к обоим. Отступая от карамзинского видения, Рылеев сосредоточивается на полярно противоположных чертах своих персонажей: Михаил предстает как «несчастный», «невинный», «князь-страдалец» [30, с. 129–132], в то время как Георгий изображен злобным, коварным и мстительным. Михаил разумен, кроток и смиренен, Георгий же в своей гордыне не знает границ и готов ради обретения власти на любые преступления. Не желая признавать установившуюся с древних времен традицию наследования русского престола, он предъявляет свои права на великое княжение, прибегнув к помощи врагов. Именно из-за его интриг тверской князь оказывается в татарском плену, ожидая своей участи.

Тема физического и духовного плена, ставшая после появления пушкинского «Кавказского пленника» (1821) в русской литературе одной из центральных, в произведении Рылеева заявляет о себе с самого начала. Но, в отличие от поэмы Пушкина, в думе полностью отсутствует мотив добровольного изгнания: пленение главного героя происходит в результате происков соперника. В полном соответствии с романтическими установками дается описание прекрасной экзотической природы Кавказа, которая резко контрастирует с положением героя,

вопреки его воле «влекомого» врагами Руси «в край чужой и незнакомый»: «Мчался Терек быстрым бегом / Меж нависших берегов; / Зрелись гор хребты под снегом / Из-за сизых облаков» [30, с. 130]. Внешний облик героя («Ветхим рубищем покрытый») и внутреннее состояние («С мрачной грустию в груди») [30, с. 130] также переданы в романтическом ключе. Однако тайная печаль Михаила имеет в своей основе не мучительные раздумья о несовершенстве всего окружающего, не разочарование и — как следствие — отчуждение его от мира (черта, более других характерная для романтического героя), а страдания, связанные с мыслями о покинутой не по своей воле родине, о народе, оставшемся без попечения.

Изображение верховного русского правителя, закованного в цепи и в нищенском одеянии посаженного на торговой площади, как показывает автор, вызывает сочувствие даже у простых татар: «Несчастливца обступили / Любопытные толпой: / “Это князь был! — говорили / И качали головой. / — Он обширными странами, / Как Узбек наш, обладал; / Он с отважными полками / Кавгадыя поражал!..”» [30, с. 130] Благородный и возвышенный образ великого князя, прославленного своей недавней победой над объединенными московско-татарскими войсками, резко контрастирует с тем положением, в котором он оказался в результате коварных действий собственного племянника.

Центральная сюжетная оппозиция *свобода — плен* воплощается в произведении парадоксальным образом: закованный в цепи, выставленный на позор неприятелю Михаил Тверской, как показывает автор, обладает удивительной внутренней свободой, которая позволяет ему достойно, храбро и мужественно встретить смерть. Эта оппозиция дополняется в поэме другой, не менее важной: *жизнь — честь*. Получив приказание хана Узбека явиться на суд, Михаил хорошо понимал, что его может ожидать расправа по навету Георгия и татарского воеводы Кавгадыя, которые не могли простить ему своего поражения, но все же отправился в Орду, не желая подвергать опасности свой народ. Находясь в плену и предчувствуя свою гибель, он, однако, отказался от побега, предложенного друзьями, опасаясь, что в таком случае лютая месть обрушится на его сограждан: «Смерть свою давно предвижу; / Для побега други есть, — / Но побегом не унижу / Незапятнанную честь! / Не хочу своим спасеньем / На родимый край привлечь / Кавгадыя с лютым мщеньем / И Узбека грозный меч!» [30, с. 131].

Важное место в художественной системе произведения занимает внутренний монолог Михаила Тверского, в котором герой подводит итоги своей жизни и мысленно обращается к сопернику. Не снимая с себя ответственности за «погибельный раздор», установившийся на Руси, сознавая и свой тяжкий грех в том, что русские «рабами стали / и пред ханом пали в прах» [30, с. 131], Михаил ставит московскому князю в вину нарушение извечного закона наследования по старшинству: «Ты на дядю поднял длани; / Ты в душе был столь жесток, / Что на Русь всю лютость брани / И татар толпы навлек!» [30, с. 131].

Созданный Рылеевым герой отличается отсутствием внутреннего разлада, его цельная натура не подвержена никаким негативным внешним воздействиям, честь его и в труднейших обстоятельствах остается незапятнанной, а совесть — чистой. Михаил Тверской предстает как идеал человека, душа которого не затронута никакими пороками и не повреждена страстями, это заботливый правитель, любящий свой народ и пекущийся о его благополучии. Подобная структура характера героя, применяемая Рылеевым и в других произведениях этого цикла, вполне соответствовала тем дидактическим установкам, которыми он руководствовался. Таким образом, художественный конфликт в произведении носит исключительно внешний характер: благородный и невинный великий князь противопоставляется злобному и коварному Георгию Московскому, объединившемуся с татарскими захватчиками, а нравственное величие Михаила еще ярче оттеняется низостью его племянника, который за время своего правления «по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть» [15].

Между тем, как свидетельствуют исторические источники, биография тверского князя была наполнена событиями разного рода, а его поступки не всегда соответствовали высоким нравственным принципам. Карамзин, стремившийся сохранять в описании исторических событий объективную позицию, рассказывая о соперниках, отмечал «взаимную их злобу», которая усилилась, когда после вступления на великокняжеский престол Михаил «хотел оружием смирить Георгия и дважды приступал к Москве, однако ж без успеха» [15]. Московскому князю ставили в упрек, что он, прожив три года в Орде, «раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение» [30, с. 130], женился на его сестре и в результате был объявлен правителем Руси. Однако не следует забывать, что незадолго до этого и сам Михаил, «поехав в Орду, жил там целые два года» [15], стремясь войти в доверие к молодому хану Узбеку и оставив без попечения свои владения, что вызвало сильное недовольство в народе. В свое время Ключевский, рассматривая житие Михаила Ярославича, заметил, что «тверской князь выступает у автора величественной фигурой; на его стороне право и великодушие», «причем автор умалчивает, что и его герой водил из Орды окаянных татар на Русь, на погибель христианству» [18]. В качестве примера можно назвать событие 1316 г., когда для усмирения новгородцев, недовольных его политикой и постоянно бунтовавших, великий князь собрал отряд и с помощью татар нанес им страшное поражение под Торжком, а через несколько месяцев заставил заплатить большую сумму за отпуск на свободу захваченных пленников. Очевидно, что в борьбе за власть оба соперника прибегали к самым различным, далеко не всегда достойным и этически оправданным методам. В таком случае не может не вызывать удивления факт канонизации Михаила Тверского Русской православной церковью спустя 230 лет после его кончины.

Для разрешения этого вопроса необходимо обратиться к одному из главных понятий христианской философии — понятию *греха*. Согласно

библейской антропологии, Бог создал человека по Своему образу и подобию, духовно чистым и безгрешным, поврежденность же человеческого естества наступила лишь в результате нарушения Божьего повеления первыми людьми, поддавшимися соблазну стать «как боги» и проявившими невероятное своеволие (Быт. 3: 1–6). Это событие, получившее в богословии название первородного греха, определяет постоянную склонность ко греху человеческой природы, этим объясняется и известный богословский тезис о том, что *людей безгрешных не существует, безгрешен один только Бог*. Спасение же любого человека, даже полностью погрязшего в грехах, зависит от его стремления к искреннему раскаянию — именно поэтому одним из главных призывов Христа к людям является призыв к покаянию (Мф. 4: 17). Доказательством же возможности спасения даже самого закоренелого грешника служит судьба одного из разбойников, распятого вместе с Богочеловеком, в последние минуты своей жизни раскаявшегося и спасенного Иисусом: «И сказал ему Иисус: “Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю”» (Лк. 23: 32–43).

Действия, совершенные Михаилом Ярославичем перед его последней поездкой в Орду и отраженные в исторических источниках, заставляют предполагать глубокие перемены, произошедшие в его душе. Узнав о получении Георгием ханского ярлыка, Михаил был готов уступить великокняжеский престол ради прекращения вражды и отправил к племяннику послов с предложением о мире, но «ответом Князя Московского было опустошение Тверских сел и городов до самых берегов Волги» [15]. Такое поведение требовало ответных действий, и тверской князь, с одобрения своих бояр и благословения епископа, был вынужден дать бой, в котором московско-татарские войска были разбиты, а воевода Кавгадый, жена Георгия Даниловича и его брат взяты в плен тверичами. Именно об этом событии вспоминает с горечью рылеевский герой в своем монологе: «О Георгий! ты виною, / Ты один тому виною, / Если кровь сограждан мною / Пролита в стране родной!» [30, с. 131].

Отправляясь в Орду, Михаил Тверской не только сделал все распоряжения на случай своей кончины, но и «говорил последнюю исповедь на реке Нерли много часов, очищая душу свою» покаянием [14]. Больше всего отягощало его сердце сознание своей вины перед родиной: «Моих ради грехов множайшая тягота сотворяется разности» («Из-за тяжести многих моих грехов сотворяется (на Руси) рознь») [19, с. 263]. «Вверяя Духовнику свою тайную мысль», он сказал: «Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий: по крайней мере буду доволен, если хотя смерть моя успокоит его» [15]. «Великий Князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России» [15], отправился в Орду, руководимый евангельской мыслью «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13). Очищение своей души искренним и чистосердечным раскаянием дало ему силы со смирением переносить в плену пытки и унижения и с достоинством встретить смерть. Предчувствуя скорую гибель, рылеевский герой, укрепленный мыслями о своей правоте,

обращается за поддержкой к Богу, и ворвавшиеся в княжеский шатер убийцы находят его за чтением молитвы: «Пред иконою святою / Михаил псалом читал...» [30, с. 132].

Финал думы подводит итог в прославлении князя: «Михаила за мученья / Церковь празднует святым» [30, с. 132]. Невольно или намеренно Рылеев допускает неточность: поскольку Михаил Тверской не был принуждаем иноверцами к отказу от своей религии и был казнен не за исповедание христианства, он и канонизирован не как *мученик* за веру Христову, а в чине *благодарного*. В данном обозначении заключается «указание на социальный статус (князь), на характер власти (данная от Бога) и особый тип подвига, совершенного в миру, во время правления княжеством и государством» [1, с. 5]. По определению авторитетного источника, «благодарный — царь или князь, много способствовавший укреплению православной веры и причисленный Церковью к лику святых» [28, с. 160]. Однако ошибка Рылеева в этом вопросе не случайна: в летописных источниках подчеркивалась именно *мученическая* смерть князя, а в посвященных ему агиографических текстах хорошо заметно следование канонам житий-маририев, главным образом жития первомученика в Орде князя Михаила Черниговского, отказавшегося поклониться языческим кумирам и в 1246 г. отдавшего жизнь за Христа.

Духовный подвиг Михаила Тверского, сумевшего преодолеть темные и низкие стороны своей натуры и пожертвовать жизнью ради Отечества, вызвал глубокий отклик в народных массах: почти сразу же после трагической гибели князя началось его почитание как местного святого, а через 230 лет (в 1549 г.) он был официально канонизирован Русской церковью. Михаил Ярославич вошел в тот же ряд русских святых, что и его родной дядя Александр Невский, а также великие князья Андрей Боголюбский, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и другие. А много позднее историческая роль и трагическая кончина тверского князя нашли свое признание в памятнике, посвященном тысячелетию России. Созданный Рылеевым высокий поэтический образ князя Михаила Тверского полностью соответствует задаче, поставленной поэтом: показать героя, отвечающего присвоенному ему Карамзиным определению «отечестволюбец» [15].

Список литературы

1. Андреева Е. А. Поэтика и жанровое своеобразие древнерусских произведений о Михаиле Ярославиче Тверском : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
2. Архипова А. В. Литературное дело декабристов. Л., 1987.
3. Архипова А. В. Религиозные мотивы в поэзии декабристов // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 185–208.
4. Архипова А. В., Базанов В. Г. Творческий путь Рылеева // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 5–52.
5. Архипова А. В., Ходоров А. Е. Примечания // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 393–464.
6. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М. ; Л., 1961.

7. Боданов С. В. Об определении «всёя Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV вв. (по материалам актов XIV–XV вв.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. №4 (34). С. 30–49.
8. Вацуро В. Э. К изучению «Дум» Рылеева // Русская литература. 1975. №4. С. 101–107.
9. Готовцева А. Г. Публицистика К. Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
10. Гукровский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
11. Жилина Н. П. Идея спасения в поэме К. Ф. Рылеева «Владимир Святый» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, №3. С. 25–43.
12. Жилина Н. П., Синюк Е. Р. Образ княгини Ольги в думе Рылеева: агиографические ориентиры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №3. С. 56–62.
13. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978.
14. Житие Михаила Ярославича Тверского // Древнерусская литература : [сайт]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zhitie-mihaila-tverskogo/zhitie-mihaila-tverskogo.htm> (дата обращения: 20.03.2021).
15. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М., 1989. Т. 1 / под ред. А. Н. Сахарова // Азбука веры : [интернет-библиотека]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2021).
16. Касаткина В. Н. Поэзия гражданского подвига. М., 1987.
17. Котляревский Н. А. Рылеев. СПб., 1908.
18. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник // Азбука веры : [интернет-библиотека]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2021).
19. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
20. Левкович В. Я. Поэзия декабристов // История русской литературы : в 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 150–178.
21. Ложкова Т. А. Байронический герой в поэмах Лермонтова и Рылеева: «Войнаровский» и «Измаил-бей» // Филологический класс. 2014. №3 (37). С. 30–35.
22. Ложкова Т. А. К вопросу о своеобразии конфликта в поэме К. Ф. Рылеева «Войнаровский» // Уральский филологический вестник. 2013. №1. С. 102–114.
23. Ложкова Т. А. Проблема субъектной организации «Дум» К. Ф. Рылеева // Известия Уральского государственного университета. 2004. №31. С. 206–217.
24. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
25. Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912.
26. Нейман Б. В. К. Ф. Рылеев. М., 1946.
27. Пигарев К. В. Жизнь Рылеева. М., 1947.
28. Православие : словарь-справочник. М., 2007.
29. Пульхритудова Е. М. Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов XIX века // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 39–72.
30. Рылеев К. Ф. Михаил Тверской // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 129–132.
31. Толстоус О. И. Поэтический мир К. Ф. Рылеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2001.
32. Фришман Л. Г. «Думы» Рылеева // Рылеев К. Ф. Думы. М., 1975. С. 171–226.
33. Ходоров А. Е. Эволюция жанра в творчестве К. Ф. Рылеева (Дума – поэма) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
34. Цейтлин А. Г. Творчество Рылеева. М., 1955.

Об авторе

Наталья Павловна Жилина — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nzhilina@rambler.ru

The author

Prof. Natalia P. Zhilina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: nzhilina@rambler.ru

УДК 376.3

**И. Н. Симаева, А. Б. Ларина, О. М. Локша, А. А. Насырова
Н. В. Старовойт, Н. С. Щербакова**

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ «ОЛИГОФРЕНОПЕДАГОГИКА» В ГИБРИДНОМ ФОРМАТЕ

97

Поступила в редакцию 30.06.2021 г.

Рецензия от 07.07.2021 г.

Статья посвящена актуальной проблеме дефицита профессиональных кадров, способных к осуществлению качественного психолого-педагогического сопровождения учащихся с ОВЗ в образовательных учреждениях Калининградской области. Представлен опыт разработки и реализации на базе БФУ им. И. Канта современной программы профессиональной переподготовки «Олигофренопедагогика» в гибридном формате обучения. Основные направления работы и ключевые положения содержания обучения базируются на представлениях об инклюзивной готовности и инклюзивной культуре педагога, нацелены на формирование компетенции «решать стратегические, тактические, оперативные задачи инклюзивного и специального образования в команде руководителей и педагогов с учетом нормативных основ и особенностей региона».

Результативность программы оценена по объективным показателям итоговой аттестации, а также по обратной связи от слушателей программы. Показана актуальность и востребованность программы профессиональной переподготовки «Олигофренопедагогика» в Калининградской области.

The article focuses on the urgent issue of the lack in the human resources who will be able to deliver counseling service for physically challenged students studying in the educational institutions of the Kaliningrad Region. For this reason, the professional retraining program "Oligophrenopedagogics" has been designed and implemented in Immanuel Kant Baltic Federal University. The core points of the program include the questions relevant to professional readiness to teach students with health disabilities and teachers' inclusive culture. All of them are aimed at gaining the teachers' competence "to be able to tackle strategic, tactical and operative challenges in inclusive education taking into account the special education policy framework and the specificity of the Kaliningrad Region".

The effectiveness of the professional retraining program "Oligophrenopedagogics" is revealed through the results of the final assessment and the feedback from students. It verifies the actual significance and the great demand for the professional retraining program "Oligophrenopedagogics" in the Kalininrad Region.

Ключевые слова: гибридный формат обучения, профессиональная переподготовка, олигофренопедагогика, обучающиеся с ОВЗ, инклюзивное образование, специальное образование

Keywords: hybrid delivery mode, professional retraining, oligophrenopedagogics, physically challenged students, inclusive education, special education

Введение

«Образование для всех» является одним из ключевых направлений развития социальной политики в современной России. В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [6], соответствующих приказах и публичных докладах Министерства образования Калининградской области о коррекционном и инклюзивном образовании [7; 8; 10] определены его принципы: доступность, адаптивность, ответственность, открытость, а также обозначены пути и методы его организации. Особое внимание уделяется все более расширяющимся возможностям обучения, воспитания и развития для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), предполагающим создание условий для удовлетворения особых образовательных потребностей данной категории обучающихся.

На сегодняшний день в учреждениях дошкольного образования Калининграда и области воспитывается более 1600 детей с ограниченными возможностями здоровья, 70 % из которых имеют тяжелые нарушения речи и задержку психического развития. Почти 5000 детей с ОВЗ обучаются в школах по адаптированным основным общеобразовательным программам, из них более 1000 обучающихся — с умственной отсталостью и около 3600 — с задержкой психического развития. Всего же, по данным Федерального реестра, на 1 января 2021 г. в Калининградской области насчитывалось 70 656 инвалидов, 5,5 % из которых — дети. Инвалидизация детской популяции в области составляет 2,0 %, что в целом сопоставимо с соответствующими показателями по РФ (2,35 %) и по СЗФО (2,0 %). Демографическая особенность региона состоит в том, что распределение детей-инвалидов и обучающихся с ОВЗ по возрасту неравномерно: почти половину из них составляют дети школьного возраста от 8 до 14 лет, более 20 % — старшие подростки от 15 до 17 лет, около 22 % — дошкольники [15]. Данная особенность свидетельствует о наличии специфической образовательной ситуации и требует создания специальных условий и высококвалифицированного кадрового обеспечения процессов инклюзивного и специального образования.

Постановка проблемы

Анализ образовательной ситуации в специальном и инклюзивном образовании региона показывает, что Калининградская область имеет достаточно высокий рейтинг — 4-е место среди регионов России по

12-шкальным оценкам качества образования со стороны Рособнадзора [16]. В то же время региональная система образования уже в течение нескольких лет испытывает трудности в организации образовательной деятельности для обучающихся с ОВЗ, в частности в кадровом обеспечении реализации адаптированных общеобразовательных программ согласно порядку, установленному Министерством просвещения РФ, что ежегодно показывают мониторинги Калининградского областного центра диагностики и консультирования детей и подростков [10]. Существует нехватка педагогов-психологов, логопедов, дефектологов – специалистов, которые способны разрабатывать и реализовывать индивидуально ориентированные образовательные маршруты, программы и педагогические технологии с учетом как нормотипичного, так и отклоняющегося от нормы интеллектуального и личностного развития воспитанников и обучающихся, понимать и выполнять рекомендации медико-психолого-педагогических комиссий.

Целевой проект для решения кадровой проблемы

Одним из путей решения данной проблемы стал проект по профессиональной переподготовке педагогов в области олигофренопедагогики, который стартовал в 2019 г. на базе Центра непрерывного психолого-педагогического образования Института образования БФУ им. И. Канта. Проект инициирован Министерством образования Калининградской области совместно с ГАУ Калининградской области «Центр диагностики и консультирования детей и подростков». Базовую основу для разработки и реализации программы и достижения планируемых результатов обучения составили профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [9], Концепция развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья до 2030 г. [3] и Стратегия развития образования детей с ограниченными возможностями здоровья и детей с инвалидностью в Российской Федерации на период до 2030 года [14]. Содержание программы переподготовки ориентировано на актуальные положения и принципы теории и практики инклюзивного и специального образования, связанные с такими понятиями, как «инклюзивная готовность», «инклюзивная культура», «безбарьерная коммуникация», «толерантное сознание», «инклюзивная компетентность» и др., изложенными в фундаментальных трудах [1; 4; 5], на оценку состояния и привлекательности инклюзивного и специального образования [11; 12], а также на модели программ подготовки и повышения квалификации педагогов специального образования в современных исследованиях [2; 13; 17] отечественных и зарубежных ученых.

Обучение происходило в течение 600 академических часов (трех семестров, с октября 2019 г. по декабрь 2020 г.) в гибридном формате – с применением очного обучения, дистанционных и онлайн-технологий. Слушатели программы профессиональной переподготовки «Олиго-

френопедагогика» повышали уровень и качество фундаментальных знаний, осваивали современные педагогические технологии и образовательные программы, учились разрабатывать адаптированные и индивидуальные образовательные программы обучения и воспитания для детей с ОВЗ, а также изучали основы диагностической и консультативной помощи всем субъектам инклюзивного и специального образования.

Программа разработана и реализована преподавателями Института образования БФУ им. И. Канта с привлечением вице-президента РАО Н.Н. Малофеева, коллег из базовой организации государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации педагогических работников и специалистов в области инклюзивного и специального образования – Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья Череповецкого государственного университета, а также практикующих калининградских специалистов в области медицины.

Цель освоения программы заключалась в формировании у слушателей компетенций, необходимых для решения профессиональных задач при организации учебной деятельности детей с различными формами умственной отсталости и задержкой психического развития в условиях учреждений дошкольного, общего и специального образования в Калининградской области. Учебный план программы состоял из десяти учебных модулей и включал следующие дисциплины: психология развития; психолого-педагогическая диагностика нарушений развития; олигофренопсихология; олигофренопедагогика; основы логопедии; медико-биологические основы коррекционной педагогики и специальной психологии; специальные методики и технологии дошкольного и школьного воспитания и обучения детей с легкой степенью умственной отсталости и расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования в России и за рубежом; методика и технология коррекционно-развивающей работы с детьми с легкой степенью умственной отсталости и расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования в России и за рубежом.

Новизна программы заключается в том, что она разработана в соответствии со стратегическими ориентирами государственной политики [6–8; 10], действующим профессиональным стандартом [9], концептуальными основами инклюзии в образовании [3] и вместе с тем опирается на представления об инклюзивной готовности и инклюзивной культуре педагога [13; 17] и ориентирована на формирование способности руководителей и педагогов решать в команде стратегические, тактические, оперативные задачи с учетом нормативных основ и особенностей региона. Новым стал и гибридный формат обучения – комплексное объединение лучших методов очного и онлайн-обучения. Гибридный формат позволил совместить традиционную аудиторную модель очного обучения, эмпирическое обучение на опыте в реальной профессиональной деятельности слушателя (курсовые работы и итоговая аттеста-

ционная работа с элементами научного исследования) и цифровые материалы модулей для достижения целей обучения. Кроме того, слушатели получили доступ к цифровым ресурсам БФУ им. И. Канта: учебным материалам на платформе Teams и ресурсам библиотеки с доступом к ЭБС «Лань».

Профессиональную переподготовку по программе «Олигофренопедагогика» прошли 53 сотрудника образовательных организаций Калининграда и Калининградской области: руководящие работники (17,3 %), учителя-предметники (13,4 %), социальные педагоги (7,6 %), педагоги-психологи (9,6 %), учителя начальных классов (15,3 %), учителя-логопеды (10 %), учителя-дефектологи (11,5 %), воспитатели (11,5 %), учебно-вспомогательный персонал (3,8 %). Отличительной особенностью программы стало участие родителей, воспитывающих ребенка с особыми образовательными потребностями. Разноплановость специализации базового образования слушателей программы является преимуществом для ее успешного и эффективного освоения, так как предполагает не смену профиля деятельности, что отражает суть понятия программы профессиональной переподготовки, а позволяет обогатить и усовершенствовать уже имеющуюся базу знаний и умений и тем самым расширить область профессиональной деятельности в составе педагогического коллектива.

Оценка результатов

Проверка результатов обучения по программе «Олигофренопедагогика» осуществлялась по объективным и субъективным критериям. Выборка составила 53 респондента, из них 9 руководителей и 44 педагога дошкольных учреждений, школ, центров психолого-педагогического сопровождения, преподавателей высшей школы Калининграда и населенных пунктов Калининградской области. Оценки знаний, умений и навыков, полученные слушателями на экзаменах и зачетах, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Оценки слушателей по освоению отдельных модулей в баллах

Балл	Олигофренопедагогика	Психология развития	Олигофренопсихология	Основы логопедии	Итоговая аттестация
5	22	9	44	26	46
4	13	39	6	25	6
3	18	5	3	2	1

Статистическая обработка по G-критерию знаков подтвердила достоверный сдвиг в сторону оценок «хорошо» по модулю «Психология развития» ($p=0,01$), оценок «отлично» по модулю «Олигофренопсихология» ($p=0,01$). Некоторый разброс оценок по модулю «Олигофренопедагогика» показывает тем не менее, что суммарно хорошие и отличные оценки получило достоверное большинство слушателей, как и по модулю «Основы логопедии».

Отдельного внимания заслуживает итоговая аттестация в формате представления доклада на международном симпозиуме с участием ученых из Беларуси и Норвегии. Онлайн-формат мероприятия позволил организовать в период пандемии публичную защиту аттестационных работ с презентацией применения сформированных компетенций в практической педагогической деятельности с элементами научного исследования в области олигофренопедагогики.

С целью определения остаточных профессиональных дефицитов компетенций использовались субъективные самоотчеты. Слушателям было предложено заполнить две анкеты. Содержание разработанных анкет было ориентировано как на выявление текущих профессиональных трудностей педагогов и специалистов в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями, так и на уточнение конкретных вопросов, связанных с организацией, проведением и дальнейшими перспективами развития курса. В частности, при разработке вопросов первой анкеты обратной связи приоритетными для организаторов курса выступали следующие задачи:

– выявить степень положительного влияния овладения теоретическим материалом и приобретения практических навыков на повышение уровня экспертной способности обучающихся, а также на формирование их профессиональной самооценки и ценности как специалиста в области специального образования;

– осуществить методическую поддержку выпускников курса в определении и детализации сильных сторон индивидуальной модели профессиональной деятельности, а также в актуализации сигнальных точек дальнейшего профессионального роста;

– повысить статусность получаемой профессии (педагог-дефектолог, олигофренопедагог), подчеркнуть ее значимость в современном обществе.

При оценке субъективных затруднений использовалась шкала от 1 (абсолютно не затрудняет) до 10 (абсолютно затрудняет). Как видно из таблицы 2, слушатели оценили субъективные профессиональные затруднения в диапазоне от 1 до 5 баллов, то есть ниже медианы. В среднем 79 % слушателей продемонстрировали достаточно высокую самооценку готовности к работе с детьми с ментальными нарушениями.

Таблица 2

Оценка субъективных затруднений слушателей после прохождения программы профессиональной переподготовки «Олигофренопедагогика», % от общей численности группы

Параметры для оценки готовности	Распределение оценок слушателей, %				
	1	2	3	4	5
1. Психолого-педагогическая диагностика детей	13,3	46,7	6,7	13,3	3,3
2. Подготовка к занятиям в содержательном плане	13,3	43,3	16,7	3,3	6,7
3. Методика проведения занятий	20,0	16,7	26,7	6,7	0
4. Налаживание контакта с детьми	16,7	40,0	13,3	10,0	0
5. Индивидуальная форма организации образовательного процесса	33,3	30,0	13,3	0	0

Окончание табл. 2

Параметры для оценки готовности	Распределение оценок слушателей, %				
	1	2	3	4	5
6. Групповая форма организации образовательного процесса	16,7	13,3	20,0	6,7	13,3
7. Коррекционно-воспитательная работа с детьми	13,3	33,3	20,0	13,3	3,3
8. Работа с родителями	13,3	26,7	16,7	16,7	3,3
9. Вхождение в педколлектив	50,0	23,3	3,3	6,7	0
10. Общение с коллегами	40,0	23,3	6,7	6,7	3,3

103

Детальный анализ распределения проблемных зон у 21 % слушателей, показавших субъективную оценку затруднений в диапазоне от 6 до 10 баллов по 10-балльной шкале, представлен на рисунках 1–3. Качественный анализ показал, что подобные затруднения свойственны, как правило, молодым специалистам, имеющим небольшой педагогический опыт. Они испытывают потребности в углублении знаний и приобретении практических умений и навыков в следующих областях: психолого-педагогическая диагностика детей – 15 %; подготовка и реализация занятия в содержательном плане – 16 %; выбор методов и приемов проведения занятия – 30 % (рис. 1); реализация индивидуальной, групповой форм организации образовательного процесса, коррекционно-воспитательной работы с детьми – 23, 31 и 16 % соответственно (рис. 2). Затруднения имеются также при установлении контакта с детьми с ментальными и поведенческими нарушениями (20 %), работе с родителями (23 %), вхождении в команду педагогов (17 %), общении с коллегами (20 %) (рис. 3).

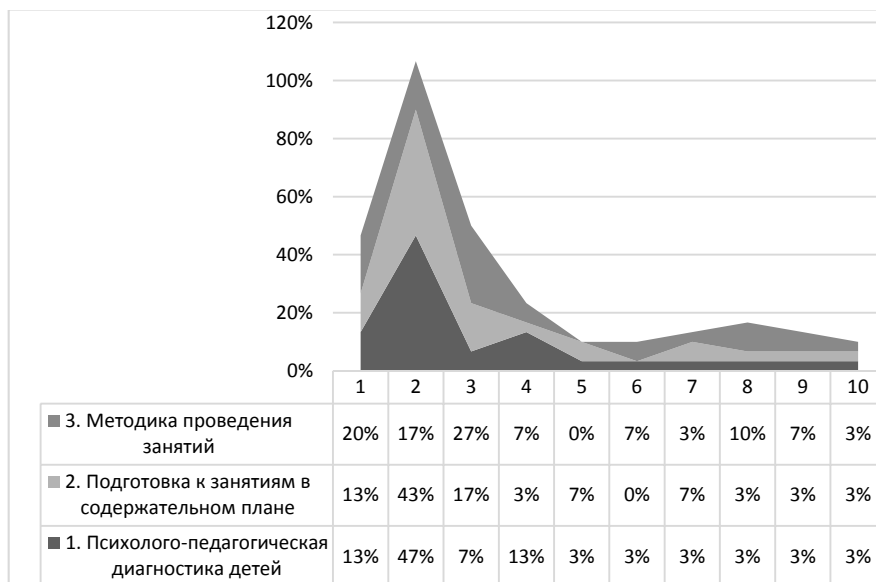

Рис. 1. Распределение самооценок слушателей по параметрам 1–3 (готовность к проведению диагностики, планирование занятий), %

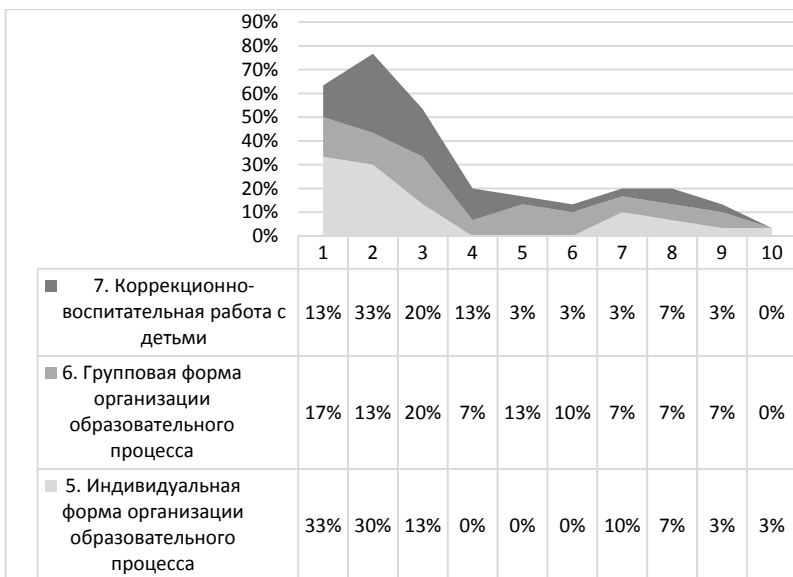

Рис. 2. Распределение самооценок слушателей по параметрам 5–7 (готовность к организации образовательного процесса), %

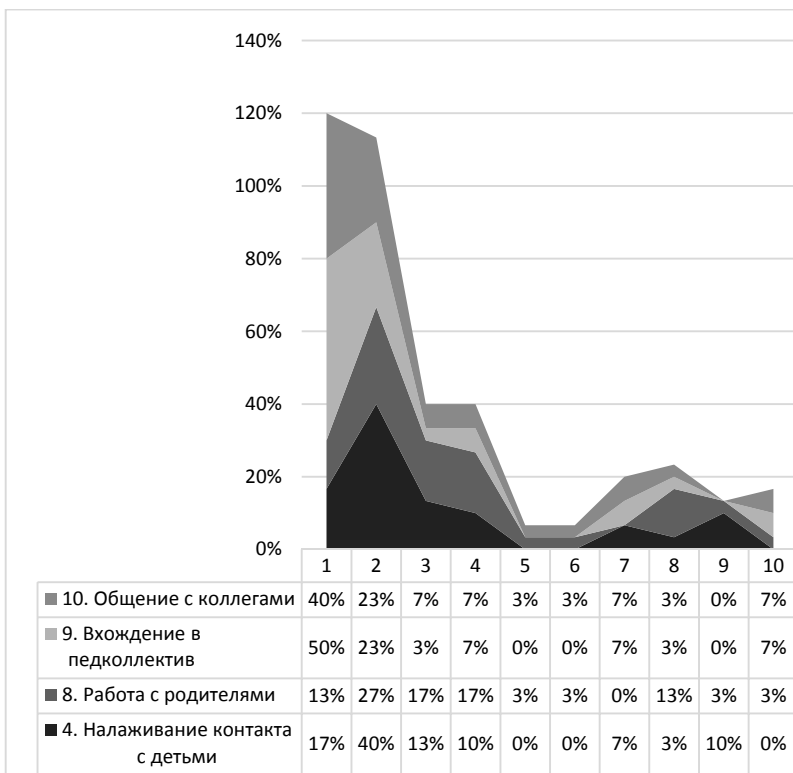

Рис. 3. Распределение самооценок слушателей по параметрам 4, 8–10 (готовность к организации взаимодействия с детьми, родителями, педагогами), %

Наиболее трудными моментами в практической деятельности названы следующие: организация взаимодействия с агрессивными детьми со сложными и сочетанными дефектами; работа в условиях гетерогенной образовательной среды, дифференциация обучения; адаптация содержания материала занятия, выбор специальных методов с учетом специфики структуры нарушения.

Данные исследования проблемных зон в области подготовки слушателей использовались для корректировки тем дискуссий и содержания практических задач, решаемых на семинарских занятиях.

Целевые ориентиры второй анкеты обратной связи заключались в том, чтобы установить соответствие между реальными результатами обучения слушателей и дидактическим потенциалом курса; определить, в какой мере содержание курса отвечает образовательным потребностям его участников; обобщить наиболее востребованные направления дальнейшей разработки педагогического дизайна курса; осуществить выбор эффективных инструментов масштабирования для данного курса; систематизировать организационные трудности, связанные с проектированием, запуском и проведением курса, с перспективой их преодоления в ближайшем будущем.

Контент-анализ ответов из второй анкеты позволил отразить общее впечатление слушателей о прохождении курса «Олигофренопедагогика». В их комментариях о личной значимости курса наиболее частыми оценочными показателями выступали такие определения, как *актуальный, познавательный, интересный*, а также подчеркивалась ценность уверенного вхождения в область нового опыта в сфере инклюзивного образования. Удовлетворенность содержанием курса составила 88 %, организацией и общением с преподавателями – 90 %. Отдельного внимания заслуживают положительные отзывы слушателей о профессорско-преподавательском составе курса, что, в свою очередь, свидетельствует о его обеспеченности не только актуальным и профессиональным контентом, но и продуктивными способами передачи данного контента и взаимодействия с обучающимися.

Выводы

Опыт реализации курса профессиональной переподготовки «Олигофренопедагогика» на базе БФУ им. И. Канта позволил прийти к следующим выводам. Формат гибридного обучения способствует созданию наиболее благоприятных условий для структурной и содержательной организации курса, а также определению оптимального алгоритма его реализации на практике. Это позволило не только предоставить слушателям возможность овладеть информативным контентом курса с учетом индивидуальных образовательных потребностей в режиме синхронного и асинхронного обучения, но и преодолеть логистические и географические барьеры и пригласить к участию в проекте профессионалов из содружественных государств для обмена уникальным профессиональным опытом.

Программа дополнительного профессионального образования «Олигофренопедагогика» доказала свою эффективность по результатам экспертной оценки итоговой аттестации, а также обратной связи от слушателей – педагогов и руководителей образовательных учреждений. В частности, отмечались успешная практика самостоятельного применения полученных знаний, развитых умений и способностей в области специальной педагогики в текущем учебном процессе на базе действующих образовательных площадок города и области, положительная динамика в профессиональной самооценке выпускников курса, а также их стремление к дальнейшему личностному и профессиональному росту в выбранном направлении.

Результаты образовательных достижений участников проекта были представлены в рамках международной научно-практической конференции, посвященной вопросам обучения, воспитания и развития детей с ограниченными возможностями здоровья. Выступления слушателей получили высокую оценку со стороны ведущих экспертов в области олигофренопедагогики, а также представителей Министерства образования Калининградской области. Таким образом, курс профессиональной переподготовки «Олигофренопедагогика» явился современным и компетентным образовательным ресурсом, позволившим сделать серьезный шаг для удовлетворения актуальной потребности системы образования Калининградской области в качественной подготовке специалистов соответствующего профиля.

Список литературы

1. *Алехина С.В., Денисова О.А., Кобрин Л.М. и др.* Инклюзивное образование в XXI веке: феноменология и нормативно-правовое измерение // Педагогическое образование в современной России: стратегические ориентиры развития. Таганрог, 2020. С. 417–447.

2. *Гайдукевич С.Е.* Феномен методической подготовки учителя-дефектолога в условиях диверсификации образования лиц с особенностями психофизического развития // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Сер. 1. Педагогика. Психология. Филология. 2020. №4 (106). С. 33–37.

3. *Концепция развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья до 2030 г.* / под общ. ред. Н.Н. Малофеева. М., 2019.

4. *Малофеев Н.Н., Мовкебаева З.А., Хитрюк В.В. и др.* Инклюзивное и специальное образование. Международный словарь терминов / Общественный совет базовой организации государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации педагогических работников и специалистов в области инклюзивного и специального образования. Минск, 2020.

5. *Назарова Н.М.* Междисциплинарный подход в специальной педагогике: история вопроса // Междисциплинарный подход в исследованиях по специальной педагогике и специальной психологии : матер. IX Междунар. теоретико-методологического семинара. М., 2017. С. 10–16.

6. *Об образовании* в Российской Федерации: федер. закон №273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. с изм. 2020 г. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 17.04.2021).

7. *О коррекционном и инклюзивном образовании детей* : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 июня 2013 г. №ИР-535/07. URL: http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/akty_minobrnauki_rossii/pismo-minobrnauki-rf-ot-7062013-no-ir-53507 (дата обращения: 17.04.2021).

8. *Об организации инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам* : приказ Министерства образования Калининградской области от 28 августа 2017 г. №897/1. URL: https://edu.gov39.ru/norm/?sect=order&PAGEN_1=1 (дата обращения: 17.04.2021).

9. *Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»* : приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. №544н. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. *Публичный доклад* Министерства образования Калининградской области 2020. URL: <https://edu.gov39.ru/mo/publichnyu-doklad> (дата обращения: 17.04.2021).

11. Симаева И.Н., Бударина А.О., Сундх С. Состояние и привлекательность инклюзивного и специального образования в России и странах Балтии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1. С. 76–91.

12. Симаева И.Н. Охрана здоровья школьников в условиях инклюзивного образования: проблемы и пути их решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 11 : Педагогические и психологические науки. С. 53–57.

13. Старовойт Н.В., Поникарова В.Н. Формирование инклюзивной готовности будущих педагогов: модель, направления, технологии : монография. Курск, 2021.

14. *Стратегия развития образования детей с ограниченными возможностями здоровья и детей с инвалидностью в Российской Федерации на период до 2030 года* (Проект). URL: http://edu67.ru/files/78/ts-957_071.pdf (дата обращения: 17.04.2021).

15. *Федеральный реестр инвалидов*. URL: <https://sfri.ru> (дата обращения: 17.04.2021).

16. *Рособрнадзор оценил качество образования в регионах России* // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки : [официальный сайт]. URL: <http://obrnadzor.gov.ru/news/rosobrnadzor-oczenil-kachestvo-obrazovaniya-v-regionah-rossii/> (дата обращения: 17.04.2021).

17. Хитрюк В.В. Формирование инклюзивной готовности будущих педагогов в условиях высшего образования. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/14580> (дата обращения: 17.04.2021).

Об авторах

Ирина Николаевна Симаева — д-р психол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

Александра Борисовна Ларина — канд. пед. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ALarina@kantiana.ru

Оксана Михайловна Локша — канд. пед. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: OLoksha@kantiana.ru

Анна Анатольевна Насырова — канд. пед. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ANasyrova@kantiana.ru

Наталья Васильевна Старовойт — канд. пед. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NStarovoit@kantiana.ru

Наталья Сергеевна Щербакова — ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NSherbakova@kantiana.ru

108

The authors

Prof. Irina N. Simaeva, Immanuel Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

Dr Aleksandra B. Larina, Associate Professor, Immanuel Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ALarina@kantiana.ru

Dr Oksana M. Loksha, Associate Professor, Immanuel Baltic Federal University, Russia.

E-mail: OLoksha@kantiana.ru

Dr Anna A. Nasyrova, Associate Professor, Immanuel Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ANasyrova@kantiana.ru

Dr Natalia V. Starovoit, Associate Professor, Immanuel Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NStarovoit@kantiana.ru

Natalia S. Sherbakova, Assistant Professor, Immanuel Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NSherbakova@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее и внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

110

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;
- в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.